

ЛЕНА СОКОЛ

Тге-то
есть мы

Annotation

Еве всего двадцать три. Ее жизнь была абсолютно размеренной: дом, работа в ресторане, редкие вылазки с друзьями. Но однажды она встречает Его: высокого, красивого, самоуверенного. Если бы девушка только знала, что непростые отношения с этим "принцем" — не самое страшное, что ей придется пережить...

История большой любви, большого разочарования, борьбы с собой и уничтожающими душу чувствами.

**"Лишь замерев
У последней черты
Назад отступаю,
Ведь где-то есть Ты.
Где-то есть Ты."**

Странный сон.

Кругом пустыня. Жаркая, знойная, душная. Стою посреди нее и смотрю, как мои ноги медленно засасывает в песок словно какой-то неведомой силой.

Обычно я сню себе что-то доброе, солнечное, романтичное. Сню... Хм, это Митя обычно смешит меня подобными выражениями. И, черт возьми, они ведь быстро пристают к языку. А потом вылетают из меня в самый неподходящий момент, словно черт из табакерки. Митя... Где он? О чем это я? Что со мной происходит?

Первый раз в жизни сон настолько реален, будто все происходит со мной на самом деле. Разве что только в какой-то компьютерной игре, где мне, как герою, необходимо выжить.

Поднимаю голову и замираю: ни конца, ни края — только песок, обжигающий тело. Подхватываемый ветром, летит мне в глаза, в уши, забивает рот, заставляя гореть легкие. Чувствую, как он скрипит на зубах. Пытаюсь двинуться и не могу: ноги вязнут в бездушной пасти бархана.

Падаю на колени, вижу, как кисти рук исчезают под толщей песка. Барахтаюсь, пытаюсь встать и снова падаю. Вытираю ладонью пот, катящийся градом по лицу, и чувствую, как к коже прилипают вездесущие песчинки.

Пробую ползти, но каждое движение отзывается в ногах нестерпимой болью. Дикой, разрывающей мышцы и связки. Встать тоже не получается, понимаю, что увязла уже по колено. Пытаюсь закричать, но из горла вырывается лишь тихий хрип:

— П-помогите... — Страх сдавливает грудь, будто бетонной плитой. — Помогите, пожалуйста! Кто-нибудь...

Как ни стараюсь, не могу произнести больше ни звука. Жадно глотая сухими потрескавшимися губами обжигающий пустынный воздух, сотрясаюсь в беззвучных рыданиях. Совсем не хочется умирать!

Мне же ещё рано. Рано! И ничего еще в жизни не видела. Ну, за что?

Оглядываюсь по сторонам, солнце заставляет закрыть слезящиеся раздраженные глаза. Пытаюсь встать, падаю, выплевываю песок, снова пытаюсь, пока вдруг не понимаю, что начинаю задыхаться. Кислорода совсем не остается. Изнутри меня пожирает беспощадный огонь. Опускаю голову на руки и пытаюсь реветь. Не выходит. В этот момент, озаренная внезапной вспышкой, просыпаюсь.

Открываю глаза. Темно. Очень темно. Жарко. Душно. Нестерпимо душно. Что-то заставляет меня насторожиться...

На секунду даже перехватывает дыхание. Сердце замирает и сжимается в комок. Может, я ослепла? Вокруг — тишина и непроглядная темнота.

Тысячи мыслей проносятся в голове за минуту. Мной овладевает самая настоящая паника. Попытка пошевелить головой заканчивается резкой болью в висках и затылке. Что, черт подери, со мной происходит? Что?!

Глаза постепенно привыкают к темноте. Пытаюсь облизнуть пересохшие потрескавшиеся губы, но не получается — во рту пересохло. Понимаю, что лежу. Пытаюсь прислушаться к своим ощущениям. Получается не сразу: голова гудит и почти готова взорваться.

Постепенно начинаю ощущать резкую боль во всем теле. Все тело, будто затекло. Что за сон такой, после которого не можешь даже пошевелиться? Где я? В больнице? Почему тогда темно?

Все еще не понимая, кто я и где, лежу, пытаюсь прислушиваться. Тишина. Подо мной что-то твердое. В воздухе пахнет плесенью и сыростью. Или это все еще снится мне, или это не моя квартира. Тогда что это? И где я...

От этих страшных мыслей вздрагиваю и в это же мгновение слышу, как что-то звенит справа от меня, отдаваясь резкой болью в правой руке. Это что-то мешает мне двигать ею. Тяну правую руку на себя, ощущаю сопротивление и слышу уже знакомый звон.

Мне страшно. Паника накрывает колючей черной волной. Тяну руку снова и снова. Тяну сильнее, дергаю. В ушах вдруг начинает звенеть, как перед обмороком. Сердце стучит раз в десять быстрее. Дотягиваюсь левой рукой до запястья правой, нащупываю что-то металлическое и замираю.

Нет. Нет-нет-нет!

Это наручники...

Боюсь издать даже самый слабый звук. Переворачиваюсь на правый бок, испытывая при этом дикую, чудовищную боль в груди, и принимаюсь ощупывать свои оковы. До этого подобные приспособления мне приходилось видеть лишь в фильмах. Металл холодит, впиваясь в запястье.

Внутри у меня снова все обрывается, когда левая рука вдруг нащупывает батарею, к которой пристегнуто второе кольцо наручников. Кому в голову пришло так со мной поступить? Как я здесь оказалась?

Пытаясь не впадать в еще большую панику, судорожно ощупываю себя и все, до чего получается дотянуться. Прихожу к выводу, что лежу на полу. Подо мной — какой-то твёрдый тоненький матрасик, больше похожий на одеяло. Здесь же валяются какие-то тряпки, воняющие кислотой. Батарея, к которой меня пристегнули наручниками, выходит из пола, тянется вдоль стены и уходит, скорее всего, в потолок. Пол, судя по всему, деревянный. Немытый. Весь в пыли, грязи и крошках. Стена — каменная и гладкая. На мне — джинсы и футболка. Всё тело невероятно болит, особенно ноги, и покрыто липким холодным потом, от чего, наверное, воняет со страшной силой.

Не знаю. Не чувствую. В этом помещении все заглушает запах старья и плесени. Все мое существо парализовано страхом. С большим трудом сажусь, наваливаясь на стену и пытаюсь взглянуть в темноту.

Стоит ли кричать и звать на помощь? А вдруг тогда тот, кто сделал это, придёт и убьёт меня... Неизвестно, откуда ждать беды. Что остается? Вспомнить, как я могла здесь оказаться. Как же... Как...

Еду на машине. Это помню совершенно отчетливо.

Дождь льет как из ведра. Темно. Уже за полночь. Что дальше? Закрываю глаза, напрягаюсь. Бесполезно. Все... Вместо воспоминаний плотная серая дымка, расплывающаяся кругами.

Я еду. Да. Вижу свои руки на руле. Пальцы ощутимо дрожат. Фары выхватывают из темноты мокрое полотно асфальта. Дорога петляет, исчезая во тьме. Еду... Машина пожирает метры пути за метрами. Справа мелькают дорожные знаки. Кривые, размытые...

Зачем я нужна этим людям? Какая причина? Сажу и трясу головой из стороны в сторону, не веря тому, что со мной происходит.

Глаза почти привыкают к темноте. Кажется, это небольшая комната. Пустая. Примерно четыре на четыре метра.

Сажу. Думаю. Из моих глаз текут слезы. Не знаю, сколько уже времени прошло. Минута? Час? День? Просто прислушиваюсь к тишине. Вспоминаю родных, близких, друзей. Меня уже ищут. Наверняка. Как же иначе?

Вспоминаю Бога. Сначала слезно прошу прощения за все грехи, потом жалобно молю о помощи. Как и всегда и бывает: не благодарим Всевышнего за что-то хорошее, но непременно вспоминаем о нем в беде. Отчаянно торгуюсь. Уговариваю себя, что буду молиться каждый день, благодарить за каждый прожитый миг, если только смогу спастись. Даже верю себе, пока вновь не ныряю в пучину паники.

А вдруг вообще никто не явится?

Обнаруживаю у себя на левом боку огромную ссадину. Она нестерпимо болит при малейшем движении. Шевелю ногами. От боли закладывает уши. Меня что, асфальтный каток переехал? Трогаю языком разбитые губы. Они все в запекшейся крови. Касаюсь лица — оно тоже все в синяках.

Шея... Она поворачивается с трудом. Нет, меня точно через мясорубку провернули. А потом еще прошлись деревянным молотком для мяса, будто собирались сделать отбивную. Кто? Прежде чем заковать, эти люди меня основательно побили. Интересно, сопротивлялась ли я...

Не знаю. Не помню... Касаюсь ладонью своего затылка и стону. Огромная шишка. Всхлипываю, жалея сама себя. Молчу и соображаю, как моя голова смогла выдержать и не лопнуть от таких ударов. Думаю. Думаю. Думаю.

Я выйду отсюда. Чего бы мне это ни стоило. И выйду живой!

Приходится время от времени прислоняться к этой батарее, чтобы рука ныла не так сильно. Сколько же всего мне пришлось пережить за свои двадцать пять, сколько выстрадать. Особенно за последний год. В пору помирать. И на минуту мне даже становится безразлична моя дальнейшая судьба, я горько и вымученно улыбаюсь...

А потом вдруг представляю, что умру здесь. Меня съедят черви. А мои родители будут страдать и надеяться на мое возвращение. Даже спустя долгие годы. Несмотря ни на что. Как же мне их жалко... Нет, не могу допустить этого. Клянусь, что вынесу все, что мне уготовано. Буду бороться, цепляться за жизнь зубами, сражаться до конца. Да. Именно так.

И в эту секунду мои размышления прерывает звук шагов. Сжимаюсь в комок, подтягиваю под себя ноги, перестаю дышать. Бум. Бум. Бум! Кажется, мое сердце стучит громче приближающихся звуков. Тяжелых шагов, раздающихся в полной тишине...

Инстинктивно прижимаюсь к стене, сглатываю и замираю. Наверное, я сейчас больше похожа на чумазого забитого зверька. Бессильного и беспомощного. Загнанного в угол.

Слышу, как поворачивается ключ в замочной скважине. Дверь открывается, и в комнату врывается свет. Бесконечно яркий, он заливает почти всю комнату, заставляя меня на пару секунд зажмуриться. Но любопытство, страх и негодование все-таки делают свое дело. Открываю веки и смотрю еще раз.

В дверном проеме мужской силуэт. Он возвышается надо мной, словно великан. Выглядит громадным, необъятным. Или это только кажется? Вошедший стоит на пороге с какой-то здоровенной штукой в руке и молчит. Просто молчит. Вероятно, разглядывает.

Поза уверенная, расслабленная. Явно упивается своим превосходством. Вот урод! Выпрямляюсь и тоже смотрю на него. Дерзко, с вызовом в глазах. Ни одна скотина не смеет издеваться надо мной безнаказанно!

Дышу. Нервы на пределе. Сжимаю руки в кулаки, что есть сил. Дышу так глубоко и быстро, будто только что бежала марафон. Не могу разглядеть его лицо, но одно знаю точно. Чувствую это кожей — он улыбается.

Мужчина делает два шага вперед и оказывается в метре от меня. Стоит и смотрит сверху вниз. От страха у меня тотчас перехватывает дыхание. Кажется, я даже чувствую его запах. Несет потом, перегаром и чесноком.

Перед моим лицом его ноги. Треники с вытянутыми коленками и огромные галоши. Мужчина слегка наклоняется ко мне, видимо, хочет лучше разглядеть.

— Как зовут?! — Визгливый и скрипучий голос почти оглушает меня.

— Е... Е... — Сглатываю, задыхаясь от страха.

— Говори! — Орет он, заставляя меня вздрогнуть. — Ну!

— Ева... — Произношу шёпотом.

По моей щеке ползет слеза.

— Кто вы? — Спрашиваю, сама не замечая, как перехожу на крик. — Кто?!

Стоит и смотрит на меня. Понимаю, что ответа мне вряд ли удастся дожждаться. Я — всего лишь игрушка в его руках. Жертва. Кукла. А куклам не отвечают. С ними просто делают, что хотят.

— Зачем, скажи?! Ты, отвечай мне, ты! Кто ты?! — Встаю, забыв про боль, и пытаюсь сделать шаг в его направлении, но меня держат наручники. Тогда начинаю кричать и кидаться на него в истерике. Точно как дворняга, бегущая на привязи и облаивающая прохожих. — Кто?! Сука! Кто ты?! Тварь! Отпусти меня! Меня уже ищут и найдут! Слышишь? Что ты улыбаешься?! Я знаю, что ты улыбаешься, гад. Я узнаю, кто ты! Узнаю!

Неожиданно мои крики прерывает грохот, с которым он ставит на пол то, что было в его руке. Тяжелое, железное. Похожее на глубокий ржавый таз или корыто. Разворачивается и выходит.

Замолкая, наваливаюсь спиной на стену и сползаю вниз. Рыдаю, понимая, что все кончено. Бесполезно молить о пощаде. Бесполезно звать на помощь — никто не услышит.

Остаётся лишь надеяться на чудо.

Умолять не убивать? Предложить ему своё тело? Попробовать перехитрить? Ещё какое-то время обессилено вою, опустив голову на колени, и сотрясаюсь в рыданиях. Потом ложусь обратно на свой вонючий матрас, и моё сознание немедленно проваливается в чёрную пустоту.

Годом ранее

Вот это попадалово...

Я треснула по кнопке «отбой» с такой силой, что внутри телефонного аппарата что-то тотчас громко хрустнуло. Но мне уже было не до этого. Бросила трубку на рычаг и, соскочив со стула, словно ошпаренная, выбежала из рабочего кабинета. Пулей понеслась по коридору.

Если Марк узнает, что натворила управляющая одним из его ресторанов, он точно выдаст мне на орехи. Таких ошибок не прощают. Это настоящая катастрофа! Произошедшее может очень плохо сказаться на репутации ресторана, а моя карьера... вот невезение... она может пострадать еще сильнее. Куда сильнее...

Пробегая мимо кондитерского цеха, я на ходу схватила с подноса десерт и отправила в рот. Даже не знаю, что это было и кому предназначалось, но мне страсть как нужен был сейчас шоколад для поднятия настроения. Вчера в «Контрольной закупке» ведущие говорили что-то про триптофаны, содержащиеся в нем, которые способствуют выработке эндорфинов в организме человека. Темный лес из терминов, но раз сказали, что полезно, значит, сам Бог велел. А с Богом я не спорю.

Побежала по коридору дальше. Чуть не подавилась, пытаясь прожевать плотную начинку из пралине, моментально вставшую комом в горле. Закашлялась. Нужно было срочно придумать, как выпутаться из этой некрасивой истории. Как все исправить.

Думай, думай, Ева, думай!

Но мысли лишь путались, шныряя по уставшим извилинам моего бедного мозга и обреченно раз за разом натыкаясь друг на друга. Я ускорила шаг. Знаю, кто мне обязательно поможет. Митя! Тем более именно он виноват в моей глупой ошибке. Нет, ну, а кто? Не я же.

Завернула за угол и на всем ходу налетела на открытую дверь. Гадство! Впечаталась носом в самое острое ребро дверного полотна, падая, зацепила столик с посудой, успела подхватить два бокала, запнулась и упала на колени. Когда меня накрыло лавиной из плоских белых блюдец и прочей столовой утвари, выругалась и растянулась на полу всем телом. Кто это все здесь оставил? Бездельники!

Тяжелый денек выдался, ничего не скажешь. Эх. Нужно было вставать. Еще секунда, и здесь на шум соберется половина служащих ресторана. Подтянулась, села, осторожно убрала с себя блюда и попыталась встать. Еще раз выругалась, заметив дыру на колготках. Поднялась на ноги и вздохнула, оглянувшись на оставленный позади себя кавардак.

Надо же, ничего не разбилось. Потрогала свой нос. Тоже, кажется, цел. Смотри-ка, тетушка-удача еще не поставила на мне крест.

— Ира, пожалуйста, пришли кого-нибудь прибраться! — Бросила девушке-администратору, выглянувшей из зала, и побежала на кухню.

Да, здание, в котором располагалось заведение, было старым. Не все продумано, как следует. Служебные помещения и мой кабинет находились слишком далеко от зала и кухни. Каждый раз мне приходилось совершать забеги по коридорам и лестницам, чтобы добраться в нужную точку. Зато центр города. Зато красивый вид на город.

— Хорошо, Ева Евгеньевна, сейчас поищу уборщицу, — крикнула мне в спину Ирочка.

Преодолевая на приличной скорости очередной поворот, я подумала, что она всё ещё, должно быть, стоит с открытым ртом, и усмехнулась. Здесь весь персонал уже давно привык, что их управляющая немножко сумасшедшая. Совсем капельку, конечно, но от этого факта никуда не деться.

Помню день, когда я появилась здесь впервые. Это было ровно полгода назад. Все

работники пребывали тогда в легком шоке. Хозяин привел меня — совсем еще девчонку, юную и растерянную, посадил в кресло управляющего и торжественно вручил бразды правления.

Зеленая, неопытная, пусть и с высшим образованием. Это ничего для них всех не значило. Мне было двадцать три, а выглядела я, наверное, на семнадцать. Стояла перед ними, взрослыми людьми, — поварами, официантами, администраторами — и старалась выглядеть уверенной, презентабельной, знающей себе цену. А они смотрели на меня и думали о том, каким образом я получила эту должность. Престижный ресторан, отличная репутация, налаженная схема работы, управление которой требовало настоящей железной хватки.

Да, все их мысли были написаны на разочарованных лицах: она спит с хозяином! Шлюшка!

Хм. Мне нечего было им сказать. Ведь так оно и было. Они все были совершенно правы. Только не знали того, что я была Марку еще и хорошим, верным другом.

Тогда мне предстояла первая в жизни серьезная схватка. Нужно было доказать себе и всем остальным, что я на что-то способна. Никто в это не верил, персонал смотрел с усмешкой и предубеждением, некоторые даже умудрялись хмыкать мне в спину. Но, нужно отдать им должное, хотя бы в лицо не плевали, да и держались достаточно приветливо.

Я тогда не знала, с чего лучше начать преобразования в заведении. Хотелось все переделать, улучшить, удивить их. Неделя ушла на то, чтобы изучить бумаги, положение дел, ознакомиться с особенностями работы и прочим внутренним хозяйством. Также я досконально исследовала резюме и анкеты всех сотрудников, и на следующий день введенные мной инициативы уже имели эффект разорвавшейся бомбы.

Смена шеф-повара. Очень смелый шаг. Участвовавшие жалобы на прежнего фронтмена кухни, неспособность его руководить целой командой и рабочим процессом сделали свое дело — бывший «ценный» сотрудник покинул свой пост. Новым шефом отныне становился Митя. Скромный помощник, которому прежний руководитель доверял лишь приготовление соусов и салатов. Боги! Да это чуть не вызвало настоящий бунт.

Но я продолжала твердо гнуть свою линию. Из резюме парня мне удалось узнать, что он, закончив обучение, проходил практику в Петербурге, Праге и даже Вероне. В лучших ресторанах. Работа на кухонной подтанцовке — лишь пустая растрата такого таланта, решила тогда я. И, устроив ему не большой кулинарный тест, лишь убедилась в правильности своих намерений.

Ву-аля: теперь у него была должность шефа, удобный график, широкие полномочия и своя команда, у меня — пара врагов и один новый преданный друг. Власть захвачена!

Мало кто верил, что из этого выйдет нечто стоящее. Но все завистники быстро прикусили языки, когда постоянным посетителям пришлось очень даже по

вкусу кулинарные шедевры Мити, а вскоре, когда весть о талантливом шеф-поваре разнеслась по всему городу. Через месяц нам даже пришлось принять в штат еще пару помощников.

Марк, помнится, тогда вздохнул облегченно. Понял, что его ресторан со мной в ближайшее время точно не разорится. А я, в свою очередь, подняла Мите зарплату и уравнивала количество рабочих дней, взяв в помощь еще одного шефа.

Тогда казалось, что и ресторан, и меня на этой должности ждет большой успех, но сегодня... упс, вдруг появились сомнения.

И все из-за этого чертового звонка! Будь он неладен!

Я ворвалась на кухню, словно ураган, и направилась прямо к Мите. Прижала руки к груди, стараясь не

задеть случайно какую-нибудь посуду. Уж кому-кому, а мне ли было не знать, что для него значили порядок и чистота. Дома, конечно, ничего не значили, там он будто был и не знаком с ними. Но на ресторанной кухне действовало главное и железное правило: стерильность. Ни один

волосок, ни одно насекомое не должны были проскочить мимо него в кастрюлю или тарелку.

— Всем доброго дня! — Поздоровалась я.

Работники кухни дружно кивнули, кто-то махнул рукой, не отвлекаясь от дел. Все трудились, словно пчёлки: Ая что-то смешивала, Алёна сдабривала специями

ароматное варево, Коля занимался пиццей. Баба Тася в углу за ширмой старательно вытирала мытые тарелки. Официанты, забегая

на кухню, то и дело выкрикивали названия блюд и подавали чеки.

Во главе всего этого рабочего процесса стоял Митя. Подтянутый, высокий, в белой форме

и белом фартуке, он жарил мясо и одновременно

громко и с серьёзным видом объяснял своим ребятам, как нужно готовить суп так, чтобы угодить ему и не нарваться на отборные мамы.

— И сделай огонь тише, умоляю тебя, Ален. Хочешь, чтобы все

опять выбежало на плиту?! Ты сегодня опять рассеянная, шевелись! — Он обернулся и заметил, что

я пробираюсь к нему. — Ева, дорогая моя, сколько мне

ещё раз нужно повторить, чтобы вбить это в твою хорошенькую

головку? Заходишь ко мне на кухню — надевай модный белый халатик и пре-

красный головной убор. Я их тут специально для тебя при входе развесил.

Колпаки, беретика, косынки. Не надо трясти на моей кухне своими

роскошными волосами, иначе однажды мое терпение иссякнет. Все просто.

— Ты опять забываешь, кто здесь начальник, — я подошла, встала на цыпочки и потянулась губами. Прوماхнувшись в очередной раз, поцеловала его куда-то в шею. Ну и жираф, блин. — Мить... — Прошептала на ушко. — У меня трабл. Всё очень серьёзно. Мне срочно нужна твоя помощь!

— Тогда весь мир останется голодным, — он выложил готовое блюдо

на тарелку, поставил на стол и повернулся ко мне. — Но я весь твой. Давай рассказывай!

— Ты будешь смеяться, но это катастрофа... — Я села на стул. — Всё

так глупо вышло... Ужас просто. И это случилось только что.

— Что именно?

— Как бы тебе сказать...

— Говори уже.

— Я сидела у себя в кабинете, когда зазвонил телефон. Сняла трубку, говорю: Ресторан «Mandolino». В общем, все как обычно.

— Ну.

— А там мужской голос: «Добрый день. Хотелось бы устроить свадебный банкет в вашем ресторане

восемнадцатого числа. На сто персон».

Я смотрела на Митю. Он стоял и заинтересованно слушал меня. Как, впрочем, и весь персонал, находившийся сейчас на кухне.

— И тут я догадываюсь, что это ты, Митя! Голос один в один. Это ты мне звонишь и

притворяешься, чтобы разыграть!

— Я?

— Лучше бы действительно им оказался ты! — Вздохнула я, заламывая руки.

Митя пожал плечами. Рухнула последняя надежда на то, что это был он.

— Я продолжила: «О, разумеется, это возможно!»! Ну, и вошла в роль, ведь хотела подыграть тебе. Перечислила меню:

25 видов пасты, различные блюда из мяса, овощей, морепродуктов, рыбы,

множество десертов, домашнее итальянское вино и ликёры. Не забыла и про живую музыку.

Я смотрела на Митю умоляюще. Пожалуйста, скажи, что это был ты. Ты пошутил. Сейчас посмеемся вместе. Но уголки его губ печально опустились. Друг, кажется, на энергетическом уровне почувствовал мое отчаяние.

— Ну и... — Мой шеф-повар улыбнулся, предвкушая, что дальше

будет еще смешнее.

— Что «ну»? Дальше меня понесло ещё круче. Мужик спросил: «А сколько это будет стоить? Я слышал, что около трёхсот тысяч. Мой друг у вас справлял свадьбу месяц назад». На что я ему отвечаю: «А для тебя - пол-лимона!»

Тут Митя, не сдержавшись, захохотал. Вся его команда смотрела на меня ошарашено. Мои слезы, словно свора собак на поводках, грозились хлынуть из глаз. Я еле их удерживала. Из последних сил.

— Но я же думала, что это ты-ы-ы меня разыгрываешь!

— Аха-ха! А что бедный мужик? — Митька уже согнулся от смеха.

— Он спросил: «Почему это?» А я ответила: «А по кочан-у-у-у!»

— Обалдеть! — Митя уже просто ржал, как и все, кто находился на

кухне. — Ты жжешь!

— И это не самое страшное... — Я покраснела. — Он ответил:

«Хорошо. Пусть так. Когда мне подойти?» Я говорю: «Приходите сегодня до восьми вечера. Как ваша фамилия?» Да как назло, ещё так разговаривала,

насмешливо и специально растягивая слова. Я же думала, что это ты!

— А он что?

— Он говорит: «Шишкин».

— И?! — воскликнул Митя.

Я всхлипнула:

— А я его так дерзко спрашиваю: «А может, Марты-ы-ышкин?»

В эту секунду все присутствовавшие на кухне громко расхохотались, даже баба Тася. Митя смеялся громче всех, сгибаясь пополам и утирая слезы. А я смотрела на них и дрожала от страха. Хотя мне тоже было немного смешно. Блин. Почему же это случилось со мной, а не с кем-то другим?

— А он что? — Митя схватился за живот.

— Он говорит: «Нет. Я — Пётр Ильич Шишкин». А я ему снова:

«А может, всё-таки Мартышкин?». — Теперь я уже смеялась вместе со всеми, утирая слезы. — Мужик спрашивает: «Девушка, что происходит? Я что-то ничего не понимаю!» И вот тут до меня доходит, что это не Митя, а потенциальный клиент ресторана...

Все снова расхохотались. Я же встала, потопталась на месте, прикрыла лицо руками и снова с грохотом плюхнулась на стул.

— Полента, одна порция! П... — Крикнул молодой

официант, появившийся на кухне. Он не понял, почему все бросили свои дела и смеются так, что

даже в зале слышно, но отчего-то тоже сразу заулыбался.

— А дальше-то что? — Митя, отсмеявшись, подошел ближе и погладил меня по волосам.

— Умеешь ты поддержать! Смешно тебе всё... А дальше я извинилась,

сообщила, что жду его сегодня в офисе, и, испугавшись, положила трубку. Что? Что мне теперь делать? Дайте пистолет, я застрелюсь! Надо же так опозориться! Ещё и вы теперь все в курсе...

— Всё будет нормально, вот увидишь, — Митя обнял меня, похлопал по плечу и тут же поспешил вернуться обратно

к работе. — Шишкин придёт, ты задействуешь всё своё обаяние, и он тебя

простит. Даже не переживай, Ева, ты меня так насмешила, я эту историю

теперь ещё долго буду всем рассказывать. Так, не понял, а почему все стоят?! -

Оглядел всех недовольным взглядом. — Продолжаем работать!

Шевелимся! Шевелимся! Куча заказов висит, да вашу-то мать!

Никто не посмел спорить. Все разбежались по местам, и на кухне снова воцарилась нужная атмосфера. Звенели тарелки, столовые приборы, сопя и ворча, шумела печь, гремели голоса. Повара и официанты маневрировали туда-сюда между столов, втягиваясь обратно в рабочий ритм.

А я сидела на стуле и разглядывала свою коленку.

Митя подал мне горячий кофе. Эспрессо: чёрный, ароматный,

сладкий. Как я люблю. М-м-м...

Он поставил передо мной чашку и тарелку с лазаньей.

— Кушай, начальник, поправляйся!

— Бока уже в брюки не влезают, а ты всё кормишь да кормишь, на убой, наверное. —

Попыталась протестовать я.

— Ой, не начинай снова! Ты у нас стройняга! Только вот колготки эти

рваные сними. А домой я тебя отвезу, не замёрзнешь, — заверил он.

— Зато скоро вместо талии у меня будет спасательный круг. Или сама я буду, как круг. И возить меня не нужно будет. Подтолкнул с горы, сама покачусь.

— Брось.

— Каждое утро прихожу к тебе сюда на чашечку кофе. Ты

меня потчуеть и потчуеть произведениями своего кулинарного искусства. Каждый день что-то новое. И от них же

невозможно отказаться!

— В этом весь я.

— И всё приговариваешь, что я стройная. Когда у меня

был сорок четвёртый размер, я вполне была довольна. А сейчас уже сорок

шестой почти! Катастрофа... Нужно срочно остановиться, я же совсем невысокая. Скоро стану, как тумбочка.

— Потчуеть, приговариваешь! Я и слов-то таких не знаю. Я ж необразованный. Повар. Всего лишь, — усмехнулся Митя.

— Не так. Ты — великий повар. Кулинарный Гудини! Маэстро Кухни! Продукты исчезают,

блюда появляются. И все это по волшебному взмаху твоих рук.

— Ага. — Отмахнулся он.

— Ты мне это брось. Из-за кого сюда все идут? Кто изюминка этого ресторана?

— Бла-бла-бла, насрать, забыть. — Покачал головой Митя и улыбнулся. Но по глазам было видно, что комплименты достигли своей цели. Ему было приятно.

— Повар, — продолжала я, — и худой, как жердь.

Он рассмеялся, укладывая куски говядины на сковороду.

— Потому что я ненастоящий повар, я — не правильный.

— Вот бы мне так, — мечтательно закатив

глаза, промурлыкала я.

— Тебе так не пойдет.

— Кстати, ты надел ремень потяжелее? Сегодня очень ветрено.

Берегись, будешь выходить — держись за поручень, иначе сдует! — Я попыталась закрыться от него руками, но все-таки получила щелбан прямо в лоб.

— Я тоже придумаю, как тебя подкалывать. Берегись.

— Пожалуйста, не надо! Боюсь-боюсь, — смеясь, я встала и пошла к выходу. — Лазанья, как всегда, великолепна! Так значит, ты отвезёшь меня домой вечером?

— А у меня есть выбор, босс? — Обернулся Митя.

— Конечно же, нет. Спасибо! Я тебя люблю! Ребята, всем — чао!

Подмигнув поварам, я покинула кухню и бодро зашагала по коридору. Предстояло ещё

встретиться с господином Ма... то есть, Шишкиным. Пожалуй, отнесусь к

этому проще. Нельзя же всего на свете бояться. Наломала дров — разгребай!

Зерна паники дали свои плоды: мои пальцы отбивали по поверхности стола какой-то совершенно дикий ритм. Тело раскачивалось, поворачивая своими движениями мое любимое кресло то вправо, то влево. Тревога пронзала сердце насквозь, а ароматные капли лекарства, холодившие язык, почему-то не спешили приступить к выполнению своей основной задачи — к успокоению меня после пережитого стресса.

Я оттолкнулась на кресле, и оно послушно покатилося к окну. От вида расцветающего города захватывало дух. Мое любимое время года. Весна. Запахи чистоты и свежести в воздухе, врывающиеся сквозь открытые створки окна. Подснежники, просыпающиеся в лесу, первые молодые травы, укрывающие землю в городе ярко-зелеными перинами. Неугомонные воробьи, рассыпавшиеся по деревьям, шумно чирикающие, деловито копошащиеся и устраивающие свои искусные гнездышки на самых макушках водосточных труб.

Время влюбляться. Жить! Время выпорхнуть из холодных оков зимних забот, встать на крыло и двигаться в новое счастливое будущее. Отличное время, чтобы проснуться, встрепенуться, стать добрее, изменить свою жизнь. Чтобы любить...

Ну... нет у меня ее, любви этой. И ничего. Мне, вроде как, и без нее пока хорошо. Зато полно времени на друзей, родственников, на любимую работу. Нужно признаться, никогда прежде мне не приходилось ощущать острой потребности любить кого-то. Но так ли это плохо? Вообще, наверное, это прекрасно, когда тебе хорошо наедине с самой собой. Когда не нужен для счастья кто-то еще. Гармония. Нет?

Конечно, у меня были отношения. Разные. Серьезные и не очень. Но никогда не приходилось убиваться так, как это делали мои подруги. Со слезами и истериками. Ровно так же, как и не приходилось ощущать себя безумно счастливой. Все всегда было ровно. Со всеми мужчинами. Никакого ощущения полета, ненужных волнений, чистого сумасшествия, о котором говорят все вокруг. Тишина и покой.

Через две недели мне будет уже двадцать четыре. Старушка. Самое время осчастливить кого-то предложением взять меня замуж, как говорит мама. Но нет. Спасибо. Это точно не ко мне. Я, наверное, еще лет десять точно не буду готова к такому. Думаю, ничего страшного не случится, если сделаю это после тридцати. Или чуток попозже... На пенсии. Или... Ну, в общем, сейчас ведь все так делают, правда?

Мое мысленное самоистязание было прервано неожиданной трелью телефона. Подкатила стул ближе к столу и сняла трубку:

— Да.

— Госпожа директорша?

— Ага, — закатила глаза, сразу узнав подругу по голосу.

— Это вас беспокоит Петр Ильич. Который Мартышкин, помните? — Она даже хрюкала от удовольствия. — Знаете, мне ваш вариант моей фамилии даже больше нравится. Решено, меняю ее, вместе с ней паспорт и, возможно, даже делаю пластику.

— Вот же бли-и-ин. Мила! Ты-то откуда уже прознала?

— Звонила Мите, чтобы спросить, куда рванем завтра на сейшн.

— И как я сразу не догадалась...

— Да ладно, не куксись, — явно веселилась Мила, — все обойдется! Но я не удивилась. Если кто и мог попасть в такой переплет, так это ты.

— Хоть с этим у меня все стабильно! — Серdito фыркнула я. — Как у тебя на работе?

— Полный запар! Народ прет и прет, точно в Макдональдс, а не в бухгалтерию. Ни минуты отдыха. Только достала салат, опять толпа идет. Пожрать не дали, ладно не подавилась. Даже в дни отчетности так не устаю.

— А что ты хотела? Ты ведь у нас теперь большая шишка!

— Пф, сама уже не рада. Но бабло решает, буду терпеть. — Милка так тяжело вздохнула, что от вибраций в трубке у меня аж в ухе зачесалось. — Поедешь домой, заскочи в магазин.

— Что там?

— Возьми винище, будем с тобой стресс снимать.

— Может, пива?

— Не, лучше тогда ликер.

— Договорились. До вечера. Целую ручки.

— Ага, типа того, — усмехнулась она прежде, чем положить трубку.

Сейчас мы с Милкой живем вместе в ее трехкомнатной квартире недалеко от реки. Жить бы мне с родителями до старости, если бы не настойчивые пинки подруги. Она просто приехала, собрала мои пожитки и перевезла к себе. И, как показала практика, вдвоем, и правда, жить веселее. Но еще легче спиться. И совершенно забыть о том, что ты взрослый адекватный человек.

Мы с Милой вместе учились в университете, там и познакомились. С тех пор не разлей вода. Она из тех людей, у которых большими буквами прямо на лбу написано: самый чудесный, самый добрый, самый искренний, и ниже приписка — человек.

Мы идем рука об руку уже шесть лет, и подруга мне очень дорога. Вообще, она удивительная. Самая-самая. Зная ее историю, удивляюсь, как она умудрилась не обозлиться на весь мир, как сумела сохранить оптимизм и жизнелюбие. Наверное, это благодаря любви, царившей в их семье, несмотря на беспросветное безденежье.

Появившись на свет в семье бедных рабочих, всю жизнь Мила терпела лишения. У неё не было красивых платьев, как у других девочек. Почти каждый день они ели картошку, капусту и макароны, и никогда не пробовали деликатесов. Мать даже не могла дать ей денег на обеды в школу. Всё лето, помогая

родителям, она работала в огороде вместе со старшим братом. Стирала там руки до мозолей. И при этом ощущала себя очень счастливой посреди маленького мирка, умело созданного в доме матерью и отцом.

Но всему когда-то приходит конец. Едва ей исполнилось двадцать,

Мила в момент осталась совсем одна. И в жизни, и в трёхкомнатной квартире. В один из совершенно обычных дней ее мама просто не вернулась домой с работы. Была сбита автомобилем. Прямо на автобусной остановке.

Какой-то пьяный

урод сел за руль и прямо в центре города среди бела дня наехал на

людей, ожидавших автобуса. Пять человек — все насмерть.

Когда папа Милы узнал о произошедшем, его унес сердечный приступ. Врачи тогда ничего не смогли сделать. Он ушел вслед за женой, успев сказать лишь: «Дочь, прости, но без нее мне все равно не жить».

Старший брат Милы уже был женат и жил с семьей в собственном доме в деревне. Так что квартира досталась моей подруге целиком. Она закрылась там и

не выходила неделю. Я не знала, что говорят в таких случаях, долго думала, готовила речь, потом просто

пришла и обняла ее. Крепко-крепко.

Мы пили коньяк и плакали навзрыд. Всю ночь.

Она рассказала мне все о своей жизни. Про лишения, бедность, тяжелый труд всей их семьи. И про освещавшую жизнь, словно лучом ярчайшего света, любовь родных друг к другу. Можно иметь маленькое счастье, но очень яркое. Так у них и было.

Мне было очень трудно все это слышать, трудно принять на себя ее боль, но у Милы никого больше не осталось. И я поддерживала ее как могла. Это невероятно тяжело, когда твой мир рушится. Вот так, прямо у тебя на глазах. За мгновение. Просто невыносимо.

Та жизнь, которой ты жила, остается в прошлом навсегда, а лица родных лишь в твоей памяти и на старых выцветших фотографиях. Закрываешь глаза, силясь вспомнить, и понимаешь, что их черты размываются со временем. И только во сне, если очень повезет, получается прикоснуться к ним. Хотя бы на короткий миг, но почувствовать ослепительно острое счастье и такую же острую боль при пробуждении.

Мила отныне училась жить одна. Ушла с головой в работу, чтобы просто выжить. Мало спала, сильно напоминала робота. Совмещала должность бухгалтера и менеджера, успевала учиться, и уже через три года была вознаграждена — получила должность финансового директора филиала столичной компании. Легко ей ничего не давалось, но место под солнцем она все-таки себе отвоевала. Сама.

Как ни тяжело мне сейчас это признавать — я не такая, у меня никогда не было стимула или необходимости делать карьеру любой ценой. Мне банально везло. Всегда. Никаких моих заслуг, чистый фарт. Поэтому подругу можно ставить в пример. Она сидит в кресле, раздаёт указания, подписывает свои финансовые бумажки и радостно подсчитывает прибывающие денежки. Все это — совершенно заслужено и заработано ее упорным трудом.

По выходным Мила обычно обходит медленным шагом все магазины и торговые центры. Там, навёрстывая упущенное

в детстве и в голодной юности, она скупает одежду, обувь, косметику, продукты. Всё, что только может унести с собой. А дома готовит изысканные блюда, консервирует огурчики, помидорчики, делает безумно вкусное лечо по рецепту мамы чем, безусловно, радуется и меня,

и друзей.

Стук в дверь безжалостно прервал полет моих мыслей. Вот оно. Сейчас что-то будет. Расплата близка.

— К тебе посетитель, — шепнула Ира, возникнув на пороге.

— Угу, — кивнула я, выпрямилась и по-деловому сложила руки в замочек. — Пусть заходит.

Нет. Я вскочила и побежала поприветствовать вошедшего за руку.

Ира вышла, пропуская внутрь импозантного мужчину лет пятидесяти. Благородная седина на висках, дорогие часы, очки в позолоченной оправе и строгий костюм от итальянского кутюрье, сидящий как влитой. Незнакомец смерил меня испытующим взглядом и крепко пожал протянутую ладонь.

— Петр Ильич. — Представился он. — Шишкин.

— А...м... Очень приятно! — Слегка поклонилась я. — Ева Евгеньевна, управляющая рестораном «Mandolino».

— Я по поводу организации банкета.

— Конечно, — крутанулась на месте и указала ему на стул. — Присаживайтесь!

Мужчина кивнул и тяжело опустился в него — мешали возраст и лишний вес. Вытер платком капельки пота, выступившие на лбу, и уставился на меня. Я улыбнулась и, догадавшись, что беседу лучше продолжить сидя, села за стол.

— Петр Ильич. Я должна извиниться перед вами за то недоразумение, которое произошло сегодня во время нашего с вами телефонного разговора. Мне ужасно неудобно. Спутала вас с другим человеком. Решила пошутить, и вот как нехорошо вышло. Простите, пожалуйста, если сильно обидела вас.

Мужчина поправил галстук.

— Ева...

— И прежде, чем вы сейчас что-то скажете, хочу сказать, что готова искупить свою вину первоклассным обслуживанием свадебного банкета в любой удобный для вас день и в любое удобное время. — Я посмотрела на него по-щенячьи жалобно. — А также с хорошей скидкой. Эм... Если, конечно, вы согласитесь закрыть глаза на мою досадную, просто непростительную оплошность.

— Ева, — он, наконец, улыбнулся, — вижу, вы прекрасная молодая девушка. Поверьте, я по достоинству смог оценить вашу шутку. Наверняка, вам сейчас ужасно неловко, но мы с моими сыновьями отлично посмеялись после нашего с вами разговора.

— Правда? — У меня даже во рту пересохло.

— Да. У старшего сына свадьба в субботу. И так как я совершенно не намерен ругаться и портить тем самым вашу карьеру, то прошу меня выручить. Наша семья попала в неприятную ситуацию. Ресторан, который был оплачен нами на нужную дату, снял бронь в пользу проведения банкета в честь дня рождения мэра города. Можно, конечно, судиться, но это не решит нашу основную проблему — гости приглашены, путешествие оплачено, свадебный маховик закрутился, наматывая на себя все мои свободные средства.

— Понимаю, о чем вы. Это неприятно.

— Мне необходимо заручиться вашим согласием, тогда мы сможем напечатать новые приглашения и разослать гостям.

Я облегченно выдохнула.

— Помогу вам с радостью. Тем более, что так переволновалась, что внесла вас в график на все субботы в течение ближайших месяцев. — Увидев улыбку на его лице, я окончательно расслабилась. — Спасибо вам за понимание.

— И вам.

— Не желаете чаю? Нам предстоит обсудить детали. Или, может, кофе? Или чего покрепче?

— Нет, — отказался мужчина. — Спасибо. У меня к вам будет еще одна просьба. Или даже предложение.

— Слушаю вас внимательно.

— Я владею рекламным агентством. — Он протянул мне визитку и отпечатанное на плотной бумаге коммерческое предложение. — Управляю им вместе с сыновьями. Бизнес успешен, у нас отличная репутация, клиенты с именем. Если ваш ресторан нуждается в рекламе, мы могли бы произвести взаиморасчет хотя бы на какую-то часть суммы.

— Интересное предложение, — вежливо улыбнулась я, — которое нужно хорошенько обдумать и обсудить с непосредственным руководством сети.

— Конечно.

— Ну что, теперь обговорим меню?

Петр Ильич согласно кивнул и устремил взгляд на папку с бумагами, которую я достала из ящика и расположила на столе. Все уладилось еще быстрее и проще, чем можно было представить. Дело сделано! Ура!

После встречи я умылась, зашла на кухню, сообщила ребятам, что все улажено, поклонилась под гром аплодисментов и, довольная, вернулась в свой кабинет. Часы показывали половину шестого. Кресло приняло меня в свои объятия как родную. Покрутив в руках подписанный Шишкиным договор, спрятала его в ящик стола. Туда же отправила меню. Сняла туфли, откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Мне хотелось спокойно подумать.

День сегодня выдался тяжелый, но, надо признать, интересный. А произошедший курьез... Так ничего же удивительного нет, со мной такое постоянно. Не зря советуют сначала думать, а потом делать. Но для таких непутевых, как я, подобные предупреждения сродни красной тряпки для быка. Сначала обязательно нужно попробовать самой. И результат всегда выходит один — убеждаюсь, что народные мудрости зовут мудростями неспроста. Ой, как неспроста...

Мне был всего двадцать один год, когда я встретила Марка. В любом возрасте мы чувствуем себя взрослыми, но сейчас понимаю — я была ребенком, просто несмышленной юной девчонкой, думающей, что перед ее ногами лежит весь мир. Предпоследний курс института, в кармане полученные накануне права, в полном распоряжении престарелый папин «BMW» — мой ровесник, немного денег от мамы. И полнейшая уверенность в том, что жизнь удалась!

Мы катались с одной вечеринки на другую. Лето было в разгаре, Мила, привыкающая к самостоятельной жизни, в ударе. Что еще нужно было для веселья? Правильно — парни. И подруге тогда реально казалось, что она встретила мужчину своей мечты.

Они работали в соседних зданиях, его звали Женей, и он был всего на пять лет старше ее. Я, признаться, совершенно не понимала, что такого она в нем нашла. От чего можно потерять голову. Неуклюжий, со здоровенным носом, с лицом, покрытым редкими, но

заметными рытвинами, невоспитанный. Но Мила проводила с ним очень много времени и даже в выходные предпочитала его обществу моему. Разумеется, мне совсем не хотелось потерять подругу, поэтому иногда я соглашалась побыть рядом с ними третьей лишней. До одного знаменательного дня в кафе.

Я пришла туда по приглашению Милы и Жени. Рядом с ними за столиком сидел какой-то мужчина. Язык не поворачивается сказать парень. Нет, оформившийся, широкоплечий, взрослый мужик. Представился Марком. Если честно, ничего внутри меня тогда даже не екнуло. Мало того, мне никогда не нравились высокие голубоглазые блондины, тем более не подтянутые. Или, проще говоря, откровенно рыхлые.

Марку был тридцать один год. На десять лет старше меня (просто дядька рядом с девочкой). Он щедро спонсировал все вылазки ребят по увеселительным заведениям, считался лучшим другом Жени и казался мне откровенно нудным и замкнутым. Признаюсь, первое впечатление все же оказалось обманчивым.

Мы все чаще стали встречаться вчетвером. Мила с Женей буквально не могли оторваться друг от друга, искры между ними так и летали, накаляя воздух до красна. Привычная картина тех дней: она у него на коленях, кормит чем-то с рук, она у него на плечах, под ним, на диване, на качелях, танцполе или еще где угодно, они уединяются в соседнем помещении, абсолютно никого не стесняясь, издают охи-ахи, заставляя нас с Марком краснеть и заикаться от смущения.

Им было безумно весело и хорошо. Нам с Марком во всей этой атмосфере — безумно неловко и странно. Мы были вынуждены как-то общаться друг с другом и даже становится друзьями на фоне брачных игр ребят. И самое удивительное, это получалось у нас очень даже легко.

Нам удалось сразу найти общий язык. Общались мы все больше и чаще, и разница в возрасте между нами абсолютно не чувствовалась, хотя Марк и признался тогда, что выглядит рядом со мной скорее престарелым педофилом, чем приятелем из одной компании.

Да, приятелем. Потому что ухаживать он не пытался, никаких знаков внимания не уделял. И мне это даже нравилось. Отношений заводить совершенно не хотелось. Все, что нас связывало — долгие прогулки, длинные философские беседы на адекватные взрослые темы, общение по телефону.

Так прошло пару месяцев.

Мы все еще отдыхали одной компанией. Мила с Женей надыхаться не могли друг на друга. Парень красиво ухаживал, окружал подругу заботой, осыпал комплиментами, каждый день приносил ей в офис одну красную розу на длинной ножке. Я, в свою очередь, все больше деталей и подробностей узнавала о жизни Марка.

Он был женат, у него росла дочь. Успешный бизнес принес простому парню все, о чем только можно было мечтать: дом, достаток, автомобиль и новых друзей. Когда-то он начинал с нуля, сейчас же у него была целая сеть ресторанов в городе и ночной клуб.

Мы могли разговаривать на любые темы, и что становилось очевиднее всего, так это то, что он был очень одиноким человеком. Никогда в жизни не любил и не знал, что это за чувство. Женился потому, что захотелось детей, да и время вроде как подошло. Друзья у него появились тоже лишь с приходом больших денег. Поэтому Женю он называл единственным настоящим другом, даже братом. И, когда мы отдыхали где-то, никогда не скупился на угощения и денег на нас не жалел.

Одиночество. Оно гнало его из дома каждый выходные. Марк честно признался, что

перебрал много девушек, но ни одна так и не запала в душу. Потому он удивлялся, как Женя, неисправимый бабник, вдруг изменился и начал проводить все свободное время с одной девушкой. Впрочем, здесь нужно заметить, что Женя и сам удивлялся этому не меньше, но бороться с собой не пытался.

А вот Мила, как мне тогда казалось, изначально трезво смотрела на вещи. Не раз говорила мне, что понимает: это все ненадолго, никаких серьезных отношений у них не получится, и нужно руководствоваться здравым смыслом, не строить планов и глупых надежд.

Но, признайтесь честно, разве у девушек так бывает? Мы ведь любого мужчину мысленно оцениваем на предмет потенциальной пригодности к роли «будущий муж». Разве нет? Тем более, когда замешаны такие сильные чувства. Нельзя не мечтать. Нельзя не задуматься: а вдруг он изменится? Вдруг это оно, то самое чувство, которое исцеляет, которое одно и на всю жизнь? Чувство, которое соединяет двух предназначенных друг другу людей...

Лично мне было обидно, что подруга теряет драгоценное время на заведомо бесперспективные отношения. Да и не хотелось потом видеть, как она мучается, как испытывает боль от расставания. Ведь ни что не проходит бесследно, любой человек оставляет отпечаток в твоей душе. Наполняет ее собой. Прежде, чем исчезнуть навсегда. Оставив лишь воспоминания, отрывки ваших общих разговоров, звук своего голоса, смех, цвет глаз, очертания фигуры, напитанные тем уникальным запахом, который отличал его от других.

Сначала мне совершенно не нравилось, как ребята вели себя при нас. Ничуть не стесняясь, уединялись, громко занимались сексом, облизывали друг друга прямо на наших глазах. Я смотрела на это все и не знала, как деликатнее сделать Миле замечание на этот счет, когда Марк отвел меня в сторонку и сказал:

— Ты не права. Людям хорошо вместе. Ничто не вечно, и это скоро тоже закончится. Так пусть у них хотя бы будет, что вспомнить. Жизнь ведь — не те дни, что прошли, а те, что запомнились.

И я успокоилась. Тем более, Женя мне нравился. Крепкий блондин с добродушной улыбкой и просто невероятным чувством юмора. С ним весело было всем и всегда. Настоящая душа компании. К тому же, они с Милой оба были свободными людьми, вольными терять голову столько, сколь им вздумается, совершать столько ошибок, сколько захотят.

Да и мне пора было заняться уже своей жизнью. Марк стал звонить мне каждый день. Не напрягающие беседы о том и о сем, но именно они все и усложняли. Он явно хотел отношений и больше не скрывал, что я ему нравлюсь, я же прекрасно осознавала, что не хочу быть в его списке под номером шесть тысяч шестьсот шестьдесят шесть.

Но он продолжал ухаживать. Ненавязчиво, осторожно. Не давил, ни на что не намекал. Медленно и верно становился тем незаменимым человеком, которого хочется видеть рядом с собой каждый день. Тем, кто может помочь, защитить, подсказать. Тем, кто тебе доверился, и кого ты знаешь, лучше многих. Верным другом.

Но женатым... И это-то меня и удерживало.

А еще факт того, что он менял женщин, как перчатки. Смогла бы я выделиться из яркой толпы его бывших? Стать лучшей, той самой, которая сделает его счастливым? Стать незабываемой? Пожалуй, да... Ведь нас связывало абсолютное взаимопонимание... и еще...

Чушь, бред! Наивная мечта каждой женщины, влюбившейся в гуляку. Понимая это, я до последнего делала вид, что не понимаю его намерений.

И как бы не относилась к Марку, к его чувствам, как бы мне не хотелось пожалеть его и избавиться от одиночества, решающим фактором того, что я, в конце концов, сдалась, стало то, что он был богат.

Стоило мне тогда задуматься о своем будущем, стало ясно, что он может мне дать. Мне стыдно это признавать, но я продалась. Это стало понятно намного позже, но все же... Меня сломили его могущество, влияние, деньги. Они притягивали и манили глупую девчонку сильнее, чем его руки. Богатый Марк казался еще привлекательнее, чем был на самом деле.

Он упоминал, что его разочаровывают женщины, которые используют его ради денег, который выпрашивают подарки. Поэтому я просто молчала, ни о чем не просила, и его дары сыпались на меня, как из рога изобилия. Жестоко, меркантильно, подло. Да! Но я никогда не стала бы этого делать, если бы он был мне противен. Так я себя оправдывала, да и Марк нравился мне все больше и больше. Я успела привыкнуть к нему. Казалось, даже полюбила. К тому же, чувствовала отношение к себе: бережное, трепетное, нежное. И решила дать шанс.

Заявить о своих чувствах Марк решился лишь через полгода с нашего знакомства. Мы спускались по ступеням в подъезде Милы, я — впереди, он — за мной. В самом темном пролете он взял меня за руку, развернул к себе и страстно поцеловал. Это было неожиданно и... чудесно!

Все больше и больше времени мы стали проводить вместе, и эти отношения приносили нам обоим много радости. Настоящие друзья, способные говорить, не таясь, обо всем на свете, нуждающиеся друг в друге, с удовольствием принимающие друг друга. Первый секс после того поцелуя случился лишь через месяц, когда я была уже на пределе, но Марк боялся, что случится то же, что и всегда в таких случаях: он потеряет ко мне интерес. Но, похоже, нам было суждено быть вместе гораздо дольше.

Как ни печально, Мила и Женя расстались, наша же история только набирала обороты. Казалось, мы смогли стать друг другу по-настоящему родными людьми. Каждый день прогулки, поездки по разным местам, совместные обеды в ресторанах и кафе, где Марк заботливо кормил меня чуть не с ложечки и преданно глядел в глаза. Наблюдал за мной, не скрывая интереса, и увиденное ему явно нравилось. Мои непосредственность, способность по-детски радоваться самым простым вещам и событиям, легкость, которая сопровождала наше общение. Казалось, ему нравилось все.

В свободное время я сопровождала его в деловых поездках. Марк везде брал меня с собой. Мы могли просто ехать и молчать, иногда часами прекрасно обходились без ненужной болтовни. Я слушала музыку, смотрела по сторонам, разглядывала здания, достопримечательности и, оборачиваясь к нему, непременно замечала в глазах восхищение. Он улыбался и по-настоящему любовался мной.

Когда люди счастливы, им не нужны слова. Мы были уверены, что нашли друг друга посреди людской толпы. Два человека, которым посчастливилось отыскать друг друга и быть вместе. Мы сидели часами в его машине, пили коньяк, смотрели на огни ночного города, занимались любовью. Медленно, не торопясь, наслаждаясь друг другом. И нам никогда не было скучно.

Такая тихая размеренная жизнь двух людей, один из которых просто вынужден был возвращаться на ночь к семье. Подумаешь, мелочи. Я тогда не чувствовала себя ущемленной, абсолютно, ведь Марк все делал для этого. Все его друзья меня знали и любили, они даже были в курсе милых ласковых прозвищ, которые он мне придумывал, на вроде Буси или Мелкой. Странные, режущие слух, они были мне милее всего на свете.

Иногда он напивался, и я катала его по ночному городу. Со временем совсем привыкла к его машине, и даже друзья Марка привыкли к тому, что видят меня за рулем чаще, чем его самого. Мы вкушали изысканные блюда и шаурму из придорожного ларька, отдыхали в клубах и резвились на природе, смеялись, гуляя по магазинам, валялись в снегу, громко ссорились и так же бурно мирились. И нам было хорошо. С течением времени все чаще мы стали ловить себя на мысли, что похожи на милую престарелую пару, прожившую долгую жизнь и счастливо стареющую в объятиях друг друга.

Возраста между нами больше не было. Сомнения отошли на второй план. Марк как-то сразу сказал мне, что любит. С первого нашего поцелуя. Просто и легко, как само собой разумеющееся. Поэтому мне легко было ответить ему тем же. Временами он говорил, что сожалеет, что все так вышло, и что не я стала матерью его ребенка. Но, как и все хорошее, что быстро кончается, наши отношения потихоньку стали разлаживаться.

Все меньше времени вместе, меньше слов и комплиментов, потом он и вовсе забыл поздравить меня с Восьмым марта, а еще через пару месяцев мы в первый раз крупно поссорились. Марк тогда признался, что у него были другие женщины. Нет, не ДО меня. Во время наших с ним отношений. Теперь вы понимаете, что имелось в виду.

Было больно, я уходила. Он меня возвращал. Ревела, он утешал меня. Тогда я впервые посочувствовала его жене. В принципе, у меня никогда не было к ней ревности, и эта женщина воспринималась мной, как частичка самого Марка. Но теперь я понимала, что он никогда от нее не уйдет. Даже не надеялась. Осознала вдруг, что Марк и меня-то никогда не любил.

Что было между нами? Одному Богу известно. Я знала одно: мне точно не нужен такой муж, который гуляет, пока я сижу дома с детьми. Да, меня устраивало мое положение, и на какое-то время этого было достаточно. Все знали, что у нас серьезно, его друзья уважали меня, принимали. Я была благодарна Марку за каждый прожитый рядом день. За каждое смс с пожеланием доброго утра, что он посылал мне в течение года. Но... но... Ох, уж это но...

Все рухнуло в один прекрасный день, когда я вдруг поняла, что он меня избегает. Не отвечает на сообщения, уезжает куда-то с друзьями. Предъявлять свои претензии, качать права — это было не в моих правилах, да и не требовалось прежде, поэтому я была растеряна. По возвращении Марк рассказывал мне сам: где был, с кем, что делал. И мне хотелось верить. Зря.

В тот день мне сказали, что видели их с Женей в компании с другими девушками. Все встало на свои места. Поняв, что все кончено, я ужасно переживала, недели две или три не могла прийти в себя, даже просто улыбнуться. Да что там, дико сходила с ума и ревела ночами в подушку. Решив, наконец, покончить со страданиями и вычеркнуть этого человека из своей жизни, я пришла и рассказала все Миле.

Помню, мы выпили, обговорили все, я прилегла и услышала, как она звонит ему, чтобы отчитать. Подруга обвиняла его в том, что он поступил со мной по-скотски, даже не набравшись смелости, чтобы все объяснить. Мне было все равно, я слушала ее тирады абсолютно спокойно, но стоило взять в руки трубку, от одного только звука его голоса слезы

хлынули ручьем. Помню, как отказалась говорить, отшвырнула телефон и разрыдалась, падая в объятия подруги.

Мы ревели, думая каждый о своем. О своей истории, своей боли. И клялись забыть все, как страшный сон. Хуже разочарования в человеке не может быть ничего. Мне тогда пришлось уяснить это твердо. Не зря говорят про «от любви до ненависти». Один шаг. Достаточно даже маленького шажочка. Если бы он только сказал мне, что разлюбил, я бы все поняла, простила бы и отпустила. Но вот так, вышвырнуть из жизни, словно собаку, не удостоив даже полусловом, заставив мучиться, строя догадки, что же произошло. Это — низость, которая растоптала во мне любые чувства к нему.

Бегать и умолять в мои планы не входило. Мне хотелось просто забыть, но он явился месяца через три с просьбой поговорить. Сказал, что всегда считал меня другом, самым родным человеком на земле. Признался, что встречался все это время с девушкой, теперь расстался.

Я слушала, еле сдерживая слезы, и понимала лишь одно — он так и не научился любить. Никогда не научится. Некоторым просто не дано. Отпали все сомнения: мы точно не предназначены друг для друга. Мне не было больно, а, значит, чувства между нами не были достаточно сильны. Я все-таки простила его, решив не таить обид. Другом так другом. Пусть так.

Так начался новый этап в наших отношениях. Сколько бы мы не проводили времени вместе, прикасаться к себе я не позволяла. Зачем, вообще, было общаться — не знаю. По привычке, что ли. Но мне твердо виделось — обратного пути нет, и быть не может. Не так легко бывает простить и почти невозможно забыть, если тебя бросили. И как бы он не умолял, как не раскаивался, я решила на эту скользкую дорожку больше не вступать.

Помню, что мне пришлось пережить. Буду помнить всегда. Да, я по-прежнему люблю Марка. Но теперь только как друга. Точка.

Полгода назад, поняв, что поиски работы у меня несколько затянулись, Марк пригласил меня на должность управляющей своим рестораном. Сначала было страшно: без опыта, без соответствующей специализации. Но он утешил меня тем, что в мои обязанности не будет входить ведение бухгалтерии, только лишь административная работа, кадры, маркетинг, планирование закупок и контроль над всеми остальными процессами, протекающими в ресторане.

С чем я, согласившись, успешно и справлялась до настоящего дня, имея в арсенале смекалку и несколько талантливых сотрудников. Заработная плата меня более, чем устраивала, условия тоже. И... нужно отдать должное Марку — чувство вины иногда весьма благотворно воздействует на мужчину.

Мне снится мама.

Любимая моя, хорошая! Бегу и радостно бросаюсь ей в объятия. Крепко прижимаюсь к груди. Счастье. Вот оно. Чувствую, как теплые руки нежно гладят меня по волосам.

— Доченька, ты с нами. — Слышится ее голос. — Котенок, ты дома.

Отстраняюсь и долго смотрю на нее, желая убедиться, что мне не привиделось. Нет. Ее глаза лучатся добротой. Она здесь, рядом.

— Правда?

— Да. — Она снова обнимает меня. — Эй, не плачь, не надо. Как же тебе могла присниться такая глупость? Похищение, ха! С ума сойти!

— Но я... — Пытаюсь вспомнить хоть что-то, но мысли путаются.

Мама легонько похлопывает меня по спине.

— Все хорошо, посмотри, на тебе же ни царапинки.

— Да? — Радостно оглядываю себя. На мне любимая пижама. Та, что мне подарили на шестнадцатилетие. В розовый цветочек. — И точно.

— Скоро папа вернется с работы. Поможешь приготовить ему ужин?

— Конечно.

Обнявшись, мы идем на кухню. Солнечные лучи путаются в паутине занавесок, цветы на подоконнике расправляют свои листочки, словно ладони, пытаюсь поймать больше света. Сажусь на стул, с удовольствием вдыхаю ароматы крохотных распустившихся бутонов.

Мама достает из холодильника продукты, раскладывает на столе, берет морковь и свеклу, подходит к раковине, чтобы помыть.

— Мамулик, все так чудесно пахнет. — Выдыхаю я, пытаюсь понять, откуда раздается чудесный запах. — Умираю, хочу съесть что-нибудь.

— Вот, ешь, сколько влезет. — Она открывает духовку, оттуда вырывается тягучий жар. Вижу, что на противне в стеклянной посудине лежит целая куриная тушка.

При виде ароматной корочки сглатываю слюну. Встаю, аккуратно отделяю ножом и вилкой куриную ножку, осторожно укладываю их на тарелку, сажусь за стол. Интересно, а зачем она еще готовит папе борщ? Вот ведь, курицы всем хватит. Хотя с моим аппетитом все может быть...

— Мммм... — Стону я, вгрызаясь в горячую мякоть. — Мам, потрясающе, ты всегда готовила лучше всех!

— Спасибо, родная, — она убирает мытые овощи в сторону и принимается за лук, — ты ешь, не отвлекайся.

— Ма-а-ам, — проглатывая кусочек, говорю я, — а что если... я проснусь и... снова окажусь в той комнате? Там... так темно и душно.

— Глупости, — смеется она, снимая с луковицы кожуру. Ты здесь, рядом со мной. Куда ж ты денешься?

И на ее лице зажигается самая добрая и ласковая улыбка в мире. Улыбаюсь в ответ, перевожу взгляд и вдруг замечаю на столе огромного таракана. Он барахтается в масленке с подтаявшим сливочным маслом. Еще живой, отчаянно отталкивается тоненькими лапками.

С отвращением гляжу, как это мерзкое рыжее существо борется за свою жизнь. Смотрю, не моргая. Надо же. Ему очень хочется жить, чертовски хочется, а ведь усатый погибает в огромной куче чертовой еды. Мечта каждого таракана.

С детства ненавижу этих тварей. И все же мне его жалко. Понимаю, знаю, что значит хвататься за свою жизнь. Вздрагиваю, когда вижу на стене еще одного прусака. Тот, опровергая закон всемирного тяготения, быстро устремляется вверх, к потолку. Карабкается, перебирая лапками. Бежит, но не по прямой, а какими-то ему одному ведомыми дорожками.

Передергиваю плечами, моя спина почему-то ужасно чешется, будто от щекотки. Хочу почесать ее и не могу. Тянусь, тянусь. Потом резко просыпаюсь, пытаюсь понять, где нахожусь. И вдруг от осознания того, что по мне действительно кто-то ползает, подскакиваю, как ошпаренная, и принимаюсь стряхивать с себя все. Немедленно ощущаю боль в скованном запястье и взываю.

Боль распространяется со скоростью снежной лавины. Руки, спина, голова, — через секунду она уже отдается в ногах, едва не разрывая плоть на части. Продолжаю дергаться, несмотря на оковы, не могу остановиться. Меня захватил холод отвращения и противные липкие мурашки, разбегающиеся по телу. Отчаянно отряхиваюсь, кривя губы, издавая звуки «а» и «ы», еще и пытаюсь одновременно с этим встать.

Черт, у меня начинается самая настоящая истерика. Все тело колотит. Для человека, который с детства боится даже смотреть на насекомых, оказаться вдруг в ловушке, где все кишит этими гадами, просто смерти подобно. Да еще и в темноте, где нельзя увидеть своего врага, а можно только представить, насколько он ужасен и отвратителен. Это как лечь лицом в муравейник и не иметь возможности встать!

Прыгаю на своем матрасе прямо в туфлях — какая к черту разница, когда ты в них же и спишь. Когда не можешь элементарно даже помыться. Стою, переминаясь с ноги на ногу, всхлипываю и глубоко дышу. Хватаю ртом воздух, стараясь не прислоняться к стене — там этих тварей, наверняка, еще больше.

Постепенно успокаиваюсь. Не спать. Нет. Теперь точно не получится уснуть. Вдруг одно из этих мерзких чудовищ заползет мне в ухо или в нос? Хорошо, что на мне джинсы. Сидят плотно. Шанса заползти мне в трусы у них нет.

Стою, дрожу и принохиваюсь ко всему в этой комнате, даже к себе. Волосы спадают на плечи липкими грязными сосульками, тело пахнет потом и... плесенью. Наверняка, во мне еще можно при желании узнать прежнюю Еву. Ту, что прячется под синяками и грязью. Но это лишь внешнее. Внутренне я изменилась давно. Больше нет той легкомысленной, беззаботной девчонки, что жила открыто, верила и доверяла. Ее давно уже нет.

Сколько же прошло времени с тех пор, как я оказалась здесь? Сколько я спала? Какое сейчас время суток? Слушаю свое дыхание. Шумное, прерывистое, словно чужое. И не нахожу ответов.

Перед глазами пролетают образы несчастных девушек из новостных репортажей, виденные однажды по телевизору. Их большие испуганные глаза, ссутуленные плечи, длинные шокирующие рассказы о годах, проведенных в плену. Взаперти или на привязи у жестокого маньяка. Истязания, систематическое насилие, беременность от похитителя, роды прямо в заточении...

Чувствую, как кружится от страха голова, как дрожат колени. Нет, со мной такого не будет. Нужно выбраться отсюда. Любым способом. Даже если придется переступить через себя и свое самолюбие. Вот только как? Придумаю, обязательно придумаю. Да...

В желудке, прилипшем к спине, громко урчит. Я никогда не была толстой. Худой тоже не была. Всю жизнь меня ужасно огорчало то, что никак не удавалось похудеть и удержать вес, какие бы диеты,

ограничения и ухищрения я не придумывала. Лет в восемнадцать я буквально помешалась на борьбе с лишним весом. Все вокруг упрямо твердили, что я нормальная. Но мне казалось, что нормальная — не идеал. Идеал — это быть стройной. Худой. Ведь стройная девушка может надеть любые джинсы и шорты. Они сядут как влитые, и никакой жир по бокам не свиснет. Ничто не будет булькать на ляжках при ходьбе. Эх, мечты, но я ненавидела диеты, а они, кажется, ненавидели меня.

Неважно, какие продукты исключала, сколько и когда ела,

— всё всегда заканчивалось слабостью и головокружением. На этом испытания стройностью на какое-то время прекращались, чтобы позже начаться вновь.

Да уж, теперь я явно похудею. Только вот зачем... Зачем мне это такой ценой... Прямо как моя соседка тетя Валя, которая постоянно причитала, что устала от работы и хочет на больничный, а потом слегла с раковой опухолью и через полгода страшных мучений покинула этот мир. Никогда не болтайте подобного. Слышите? Никогда. Бойтесь своих желаний, ведь некоторые из них исполняются не совсем так, как вам бы того хотелось.

Скрючиваюсь пополам. Давящая боль внизу живота напоминает мне о необходимости срочно опорожнить мочевой пузырь. Вглядываюсь в темноту. Железное корыто стоит на том же месте, где его оставил мой мучитель. Подтягиваю его к себе, ставлю ближе к батарее. Примеряюсь, с какой бы стороны присесть.

И как люди живут без удобств? Годами ходят в страшные вонючие сортиры на улице. Мне такое даже в страшном сне не снилось. Да я даже уличным туалетам на заправках всегда предпочитала тихий придорожный лесок. Там хотя бы природой пахнет, а не дерьмом.

Расстегиваю джинсы, спускаю трусы.

Хорошо, что я здесь одна. Было бы хуже делить это корыто с другими несчастными. Испражняться в присутствии друг друга — что может быть унижительнее? Хотя в тюрьме люди привыкают и к такому. Ужас. Фу... Никогда не знаешь, в каком положении ты окажешься завтра. Когда тебе придется посмотреть в лицо смертельной опасности, когда и у кого придется на коленях вымаливать пощаду. Никогда не знаешь, как завтра повернется жизнь, будешь ли ты жив или мертв... Жизнь удивительна и непредсказуема. Только почему я раньше не дорожила ею? Почему не наслаждалась каждым прожитым днем? Почему всегда откладывала жизнь на потом?

Вот выйду замуж, тогда буду счастлива. Вот сделаю карьеру, тогда рожу ребенка. Что за бред? Сейчас бы все отдала за возможность вернуться в нормальную жизнь, за то, чтобы увидеть солнечные лучи, закат, звезды, улыбку любимого, лица родных. За то, чтобы родить ребенка и услышать его первое слово, увидеть первые неуверенные шаги...

Горячая струя громко звенит по металлическому корыту, заставляя меня стыдиться, что выходит так громко. Так противно. Стою на карачках, придерживаю левой рукой спущенные джинсы, правой сжимаю батарею, чтобы не упасть, и проклиная этого жестокого мерзавца, который причиняет мне такие мучения. Который так изощренно меня унижает.

Закончив, умудряюсь изловчиться и натянуть на себя трусы. Тяну вверх кромку джинсов и вдруг слышу прерывистое хриплое дыхание в одном из темных углов. Резко выпрямляюсь и начинаю судорожно натягивать джинсы на задницу. Выходит не сразу. Руки не слушаются. Вглядываюсь в направление звука, едва дыша, пытаюсь справиться с молнией.

И вдруг понимаю, что это Он.

Он!

А потом слышу, ЧТО он делает, глядя на меня из темноты. Догадываюсь об этом по странным повторяющимся звукам. По тому, как они ускоряются, становясь интенсивнее и чаще. По тому, как он вдруг через несколько секунд со стоном облегченно выдыхает. Рыча и сопя, словно дикий зверь. Как замирает на несколько секунд, продолжая тяжело дышать, навалившись на стену. Как долго копошится потом, застегивая ширинку.

А потом подходит, берет корыто с мочой и направляется к выходу, оставляя меня дрожать от страха и брезгливости. Меня трясет, словно в лихорадке. Лица увидеть так и не удастся. Но, кажется, я уже выучила звук его шагов. Узнаю его, наверное, из тысячи. Тяжелый, уверенный, громкий шаг, еще один, еще и еще.

Он наблюдал за мной все это время, тихонько притаившись и не дыша. Сидел в углу и не издавал ни единого звука. И ему нравилось то, что он видел. Он даже кончил, глядя на то, как я справляю нужду. Чертов больной придурок....

На меня накатывает новая волна стыда. Стою и смотрю на тонкую полоску света, льющуюся из приоткрытой двери. Думаю, как освободиться и убежать, но вдруг вновь слышу приближающиеся шаги. Нервы вытягиваются в тонкую, готовую в любой момент лопнуть струну.

Этот урод входит и быстро направляется ко мне. В одной руке у него то самое корыто, которое он с оглушительным звоном ставит на пол передо мной, заставляя вздрогнуть всем телом, в другой... Что это? Оно падает мне в ноги с глухим звуком. В тишине помещения слышится его злобная усмешка. Он разворачивается и идет обратно к двери. Когда в замочной скважине, наконец, поворачивается ключ, приседаю. Щупаю странный предмет. Это что-то грубое наощупь, твердое, но почти невесомое. Внезапно догадываюсь — примерно полбуханки почти черствого хлеба.

Сажусь на матрац, вытягиваю ноги, беру в руки хлеб. Отламываю кусочек, радуясь про себя, что внутри он мягкий. Кладу в рот и закрываю глаза. Медленно размачиваю во рту и затем только жую. Чудесный вкус, просто незабываемый!

Еще бы воды. Хотя бы пару плоточков, иначе мне придется скоро умереть от обезвоживания. Жую следующий кусок, потом еще один. Удовольствие от еды быстро сменяется адской болью в животе. Ложусь, чувствуя, как холодный пот градом катится со лба по лицу, и принимаюсь гладить живот по часовой стрелке. Не понимаю, что сильнее болит: он или моя рука. Наконец, почувствовав некоторое облегчение, встаю, чтобы размять кости. Все еще помню про насекомых.

Дышу.

Любое движение по-прежнему отдается дикой болью в каждой клеточке тела, особенно — в голове. Щупаю шишку на затылке — кажется, она немного уменьшилась, но все равно остается ощутимо большой. Пытаюсь сглотнуть слюну, которой во рту нет и не было. Ощущаю внезапно свалившуюся на меня усталость. Она буквально валит с ног, добывая головокружением.

Опускаюсь на колени, прислоняю голову к холодной стене. Прокручиваю мысленно

перед глазами всю свою жизнь. И особенно последний год. Нужно вспомнить все, каждую мелочь. Просто необходимо. Всех, кого обидела, кому причинила боль. Может, удастся понять, кто мог сотворить со мной такое. Или просто нужно вспомнить, чтобы попросить прощения у Бога и покаяться.

Что мне еще остается здесь делать? Только молиться. Здесь же чертова прорва свободного времени! Пока не придут, чтобы задушить тебя. Или утопить как беспомощного котенка. Или...

Эй, мам, как ты там меня учила? Отче наш, иже еси на небесех...

Годом ранее

Не могла не заржать. Стыдно было признаться, но даже испугалась обделаться со смеху. У этой мадам точно моторчик где-то был спрятан. Милка прыгнула со стола на диван, перешагнула через меня, чуть не запнулась, но устояла-таки на ногах. Встряхнула волосами, допела в импровизированный пульто-микрофон последние слова песни Майкла Джексона и поклонилась.

Бедный Майкл! Если бы он мог, обязательно бы крикнул ей «заткнись!». Прямо из телевизора. Но никто его криков бы не услышал: Милка драла горло так, что заглушала своим ревом даже музыку, доносящуюся из динамиков.

— Спасибо! Спасибо! — Поклонилась она и подхватила свой бокал. — Учись, Майкл. Вот так нужно выкладываться.

— Его трудно в этом упрекнуть, — рассмеялась я, — он выкладывался не меньше твоего, притом весь многочасовой концерт.

— Вот так всегда, — Мила села рядом, — пытаешься нарваться на комплимент, а получаешь укор.

— Это было феерично, не обижайся, — я вытерла слезы, выступившие от смеха, и чокнулась с подругой бокалами. — Чуть живот не надорвала.

Она отломил кусочек шоколада и положила в рот.

— Не все тебе блистать, электорат тоже хочет в шоу-бизнес. — Задумалась, переключая каналы, и вдруг повернулась ко мне. — Слушай, а где Дима?

— Какой еще Дима?

— Который Митя.

Я улыбнулась.

— Так и говори. А то я испугалась, про какого Диму ты спрашиваешь.

— Про него родимого. Я ведь настроилась на то, что он приедет, приготовит нам какие-нибудь вкусняшки, а теперь мне приходится пить чудесное домашнее итальянское вино, закусывая какой-то дешевой шоколадкой.

— Она не дешевая.

— Сути дела не меняет. Опять к бабе какой-нибудь поехал?

Мила крутанула головой так, что я мысленно поставила галочку: этому столику больше не наливать.

— Занят он.

— Да ла-а-адно! — Она толкнула меня ногой.

— Да. — Заверила я.

— Думала, он для тебя всегда свободен.

Я растерянно пожала плечами:

— Выходит, что нет. Подвез меня до дома и поехал встречать какого-то друга. Нет, не так. Он сказал «лучшего» друга.

— Никогда не слышала, чтобы у Мити был лучший друг.

— Тем не менее, это так.

Мила закинула ноги прямо на стол.

— А разве не ты — его лучший друг?

— Это его друг детства, они жили на одной площадке, квартиры были рядом, точнее напротив. Помнишь, где живет мама Мити? Вот там. Туда он и приезжает, дружок его.

— Это ничего не значащая информация. Ты мне давай строго по форме: возраст, вес, род занятий и размер.

— Размер чего?

Мила многозначительно повела бровями.

— Вот ужас. Прекрати!

— Просто если он не красавчик, то мы напрасно теряем время, обсуждая его.

Я смутилась.

— Митя ничего не говорил об этом.

— Ну, хотя бы чем занимается. Что ему в Питере-то не жилось?

— Митя сказал: хороший веселый парень, музыкой увлекается. Не знаю, музыкант, наверное.

— Пф, — сморщилась Мила, — раз и сказать нечего про него, значит, очередной бестолковый прожигатель жизни. Такое не для нас.

— А тебе-то, какое дело? Ты чего интересуешься? У тебя ж был твой врач.

Подруга отмахнулась и осушила бокал до дна.

— Все! Все! Никого мне не надо теперь. Никаких врачей, кроме доктора Хауса, — вздохнула она, потянувшись за бутылкой, — я на них согласна теперь только по телевизору смотреть. Достал меня этот горе-Боря. Встречались нормально. Раз в неделю. Ну, для этого дела, ты поняла? Для физиологии. Пришла к нему вчера, поговорили, чай попили, — стандартный набор, в общем. Можно, вроде как, и к делу переходить. Легли в постель, он отвернулся. Отвернулся! Веришь, нет?

— У тебя, Мила, сейчас бокал выпадет.

— Да у меня тогда чуть челюсть не выпала! Толкаю его в бок, тормошу, а он мне, знаешь что, отвечает?

— Что?

— Момент настал, а я устал! — Воскликнула подруга.

— Аха-ха! — Чуть не поперхнулась я.

— Будто спать к нему пришла! Поспать я и дома могу!

— И что он?

— Повернулся и говорит: «спину мне почеси»!

— Ха-ха-ха!

— «Да пошел ты, — говорю, — к чертовой матери, во обнаглел», спину я и сама могу себе почесать! Встала и ушла.

— Ну, ты молодец, — покатила со смеху я, — молодец!

— А я сегодня Женьку видела. — Мила перестала улыбаться и серьезно посмотрела на

меня.

— Правда?

— Да. Еду в такси, и вдруг что-то будто кольнуло в груди. Предчувствие какое-то будто. Подняла глаза — навстречу «Opel» его едет. Аж сердце рухнуло. Встали на светофоре почти друг напротив друга и стоим. Он за рулем, рядом жена его сидит. Волком смотрят друг на друга, ругаются. А поженились-то всего три месяца назад! Гуляет уже, наверное. Еще мне девочки сказали, что цветов он ей не дарит. Видать, по методу Марка женился — для обзаведения потомством.

— Он не видел тебя?

Ее глаза моментально налились слезами.

— Нет. — Мила всхлипнула, пытаясь не разреветься. — Теперь тоже будет сидеть, как дура, и мучиться, пока ее мужик гуляет с кем попало.

— Да.

— Бедная девочка! Чем она заслужила такое?

— А тебя он любил.

— Да знаю я! Нам было так хорошо вместе... но не жалею. Все сделала, как надо. Отпустила его раньше, чем наступил момент, когда не смогу без него обходиться.

— И была права, — решила поддержать ее я, — таких не изменишь. Все равно бы начал гулять от тебя.

— Это точно. Иногда в голову лезут мысли. А как бы все могло быть, не разорви я наши отношения? Но я эти мысли гоню. Пустое это все. Стоит нам встретиться где-то случайно, мы прилипаем друг к другу, проводим вместе двое суток и расстаемся снова. Будто вспоминаем былое: да, это было. Оно было сильнее нас. И все еще живо. Но будущего нет. Нет, и не будет.

— Мил, это неправильно. Зачем нужно так мучить себя?

— Это больно. Мне потом так трудно отходить после наших встреч. Думаю, не стоит больше наступать на эти грабли. Тем более, теперь он женат.

Я взяла ее за руку.

— Забудь про него. Тебе нужен надежный человек. И не для физиологии. Пора уже задуматься о том, чтобы построить что-то большее. Тогда все сразу наладится.

— Нет. — Она покачала головой, посмотрела так, будто заглянула в самую душу. — Это, скорее, тебе нужно. Ты же, Ева, никогда не любила. И не говори мне про Марка, я не дурочка. Тяга девочки к отцу — да. Может быть. Любовь? Нет, не смешите меня. Только вот даже отцы, бывает, предают и уходят из семьи. А ваш роман был для Марка последней попыткой по-настоящему полюбить кого-то, но он все просрал. Потому что кишка тонка!

— Все нормально, Мил. Я пережила это, правда. Хорошо к нему отношусь, благодарна за работу...

— Ну, хоть на что-то сгодился жмот несчастный!

— Да не жмот он, нет.

— Рассказывай, ха! А то я не помню, как ты у него букет цветов на праздник выпрашивала. Сама намекала! А Марк даже на это способен не был. С его возможностями сам бог велел заботиться о женщине, как следует, а он... тьфу!

— Ты все про материальное. — Я надула губы. Миле бесполезно доказывать свою точку зрения.

— Присмотрись-ка ты, моя дорогая, к Дмитрию. Вот, что я тебе скажу. Да присмотрись

повнимательнее. Милый, заботливый. Карьера у него в гору идет. — Подруга хитро улыбнулась. — Хотя, вы там у себя на работе, наверняка, времени даром не теряете? Сознавайся! Секс по дружбе, а?

— Что ты! — Сердце застучало, как бешеное, жар мгновенно прилил к голове. — Нет, нет, нет! Мы с ним — друзья! Я изначально только так Митю и воспринимала.

Мила хмыкнула и задумчиво уставилась в потолок.

— Но почему?

— Не знаю...

— Веселый парень, общий язык быстро со всеми находит, мне, как твоей подруге, он нравится. Умоляю, не говори, что ты к нему равнодушна?

— Мила... — Я замолчала, подыскивая подходящие слова. — Ты меня только не своди с ума, хорошо?

Она подлила немного вина в наши бокалы.

— Упустишь парня. И не отпирайся мне, поняла? Друзья они. Дружбы между «Эм» и «Жо» не бывает. Так себе и запиши!

— Слушай, когда мы с Митей познакомились и начали общаться, у меня были непонятные взаимоотношения с Марком, я переживала, поэтому не смотрела на мужчин, как на потенциальных партнеров. Мы с Митей проводили много времени вместе, но я даже не допускала и мысли, чтобы... ну, ты понимаешь...

— Вот балда!

— Мы реально знаем друг о друг все. Это слишком много, чтобы задумываться о чем-то. Мы ж как брат и сестра.

Мила оглядела меня скептически:

— Ага. А ты не замечала, как жужжишь про него круглыми сутками? Это, вообще, нормально, нет? Ой, Митя такой, Митя сякой. Он сказал это, сказал то. Хи-хи, ха-ха-ха. — Она нахмурила брови. — Даже я знаю про Митю то, чего в принципе не должна знать о «просто друзьях». Как же он обожает черно-белые фото! А животных, а томатный сок, а пиво с креветками, а канал Дискавери! Ой, а волосы-то у него, волосы! Мягкие, как перышки! Высокие блондины не в моем вкусе, но он такой, такой!

Пока она меня изображала, мне показалось, что я не краснею, а просто уже горю заживо. Пылаю, как костер.

— Да на него девки вешаются, как ненормальные! — Воскликнула вдруг я.

Соглашусь, оправдание глупое и, скорее даже, выдающее меня с головой.

— И? — Усмехнулась подруга.

— И меня это пугает... Правда! К тому же он менял девушек, как перчатки, ни к кому не испытывал чувств. Да. Я же все знаю! Все-все. Он ничего никому не обещает, но женщины готовы прощать ему и это. Даже к одному свиданию в неделю, даже без обязательств!

— Обычные дешевки. Ты просто боишься, что он такой же, как Марк?

— Не знаю. — Я выдохнула, пытаюсь привести чувства в порядок. — Когда мы появляемся вместе в клубе, его бабы на меня волком смотрят. Он представляет меня лучшим другом, они жмут мне руки, а по взглядам видно — хотят прирезать в темном переулке. Чувствуют, что занимаю особое место в его жизни. Я ведь ему... как сестра.

— Дорогая моя, — Мила встала, поправила штаны, откупорила новую бутылку, — такую девушку, как ты, невозможно воспринимать как сестру.

— Нет, у нас нет никакой симпатии. — Отмахнулась я. Когда мне хочется в чем-то

убедить подругу и выглядеть при этом серьезной, в мире умирает один Станиславский, а еще двадцать его однофамильцев дружно режут. — Сразу как-то повелось так, и все... Митя даже смотрит на меня равнодушно, ну, без мужской искорки в глазах. Тянется ко мне, да, звонит, с удовольствием проводит время. Но нужна я ему только как друг. Поржать, поидиотничать, поболтать.

— Черт, да он тебе такие слова говорит, я ведь слышала! — Не выдержала подруга. — Ты глухая, что ли? Поддерживает, заботится. Уверена, своим телкам он не выдает и малой доли подобного. А ты мне описываешь его, как голубого. Либо ты дура, либо я.

Она поставила бутылку на стол, взяла на руки Чип Чипстера, своего любимого кота, и принялась гладить блестящую черную шерстку.

— Есть еще Даша. — Произнесла я. — Моя подруга Даша. Они ведь встречались. Вот там, похоже, было все серьезно. Митя был от нее без ума. А она бросила его через два месяца. Помнишь?

Мила отпустила кота и хмуро глянула на меня.

— Припоминаю что-то.

— Он тогда долго приходил в себя. — Мои руки сами сложились на груди в замок. — Хандрил, перебирал баб в попытках забыться.

— По Дашке убиваться — себя не уважать. — Бросила Мила. — Ты уж прости, она — твоя подруга, но скажу, как есть. Эта дура вообще никого не ценит! И любит только себя. Держалась бы ты от нее подальше.

— А однажды, — будто не слыша ее, сказала я, — во время телефонного разговора у меня вырвалось «люблю». Типа «пока, люблю, целую», глупо, да? Просто я не боюсь этой фразы, говорю, как чувствую.

— А он?

— Митя сначала потерял дар речи, а потом ответил, что тоже любит. Мы же не чужие друг другу... Он мне дорог, зачем это скрывать? Люди приходят в замешательство от такого нашего общения, но, честно, у меня по-другому не получается.

Диагноз поставлен, Мила похлопала меня по плечу:

— А говоришь «дружба-дружба»!

— Так и есть.

— Ты мне лучше ответь. — Она снова села рядом. — Он в тебе что, совсем женщину не видит? Это же обидно! Меня бы задело за живое. Дружат только те мужчины и женщины, которые не хотят друг друга. А тебя же, Ева, невозможно не хотеть. Все мужчины всегда тебя первой замечают, потом меня еще долго спрашивают о тебе, пытаются. Будь я лесбиянкой...

— Какая из тебя лесбиянка?!

— Самая что ни на есть. — Она придвинулась ближе. — Развратная и похотливая.

Я отскочила и запустила в нее подушкой.

— Не пугай меня! А то буду закрываться ночью на ключ.

— Так что? — Подушка, перехваченная ее рукой, полетела на пол. — Ты не ответила. Ни разу, прям ни разу, у вас не проскальзывало «особое» в нужном понимании отношении друг к другу?

— Был один разговор. Был. Я тогда спросила, кто из нас красивее: я или Даша. Почему он дружит со мной, а влюбился в нее. Пьяная тогда была, полезла, как дура, с расспросами.

Хитрый прищур выдал чрезвычайный интерес Милы:

— А он что?!

— Молчал долго. Смотрел так виновато. Растерялся. Воспринял, говорит, сразу как друга. То ли свободно, то ли нет, а тут еще знакомство с Дашей... И понеслось у них.

— Ну и дела...

Ее лицо приняло задумчивый вид.

— Ага. — Кивнула я, подавая подруге вино.

— То есть, тебя все устраивает? — Поинтересовалась Мила.

— Вполне.

— Тогда замечательно, что у тебя есть такой друг. — Мы чокнулись бокалами. —

Вышьем за друзей!

— За друзьями! — Поддержала я.

— А к Мите я тогда сама присмотрюсь, — довольно промурлыкала подруга и сделала большой глоток.

— Э... — Первый раз в жизни внутри промелькнуло странное чувство. Возмущение на грани с паникой, которые непременно захотелось скрыть за делано-счастливой улыбкой. Вряд ли получилось правдоподобно, но я все же попробовала.

— Попалась! — Вскочила она. — Ты ревнуешь!

— Вовсе нет.

— Да! Ревнуешь! Ревнуешь!

— Нет! — Засмеялась я. — Прекрати!

— Да не нужен мне твой Митя! — Мила села обратно. — А выводы из нашего разговора сделай. Хорошо? Пока еще не поздно.

— Бред все это.

— Никакой и не бред. — Подруга достала из кармана зеркало, пристально всмотрелась, потом повернулась ко мне. — Ев...

— А?

— Замечаешь, у меня усы растут?

— Что? Где? — Смутилась я.

— Во, — она указала на совершенно чистое пространство под носом.

— Не-а, не вижу.

— А ты глаза-то протри. — Указала пальцем. — Гляди, совсем черные!

Я под села к ней вплотную и уставилась на белоснежную ровную кожу.

— Ну, такие-то у всех есть. — Пожала плечами. — Тонкие, незаметные.

— Вот это незаметные?! — Не унималась Мила, снова и снова разглядывая себя в карманном зеркальце. — Заметнее только у Эркюля Пуаро!

— Что ты, Мил, они же прозрачные. — Пыталась протестовать я. — Их совсем не видно.

— Ты просто утешаешь меня! Или нагло обманываешь! Очень выгодно иметь усатую подругу!

— Да я же честно, мать. Выгорят летом, и совсем не видно будет.

— Сбрею их, прямо сейчас. — Выдохнула она, громко шмыгнув носом. Выпрямила спину, глядя на меня решительно и гордо.

— Дура?! — Воскликнула я, едва не поперхнувшись вином. — Даже не думай! Будут расти потом, как у мужика. Утром побреешь, в обед опять черно под губой.

— Лазерная эпиляция?

— Горе мне с тобой. Да незаметные они! От слова «совсем»!

— Точно? — Она надула губы.

— Говорю тебе.

— Тогда не буду.

Я облегченно выдохнула.

— И не надо.

— Спасибо, что отговорила.

— Обращайся.

Мила поставила бокал на столик и растянулась на диване:

— Я пьяна...

— Надо же. Пошли тогда спать.

— Нет, — рассмеялась она, — лучше расскажи мне про Шишкина-Мартышкина! Хочу знать все в деталях.

— Блин, и эта туда же!

— Мила, вставай!

Уже в пятый раз я садилась на ее постель, тщетно пытаюсь разбудить. Смотрела, как она прятала голову под теплое одеяло и притворялась мертвой.

— Еще пять минут! — Подруга и сама, похоже, не верила в то, что говорит. Это был уже пятый раз, когда она пыталась оттянуть неизбежное с помощью трюка с пятью минутами.

— Ага, так я тебе и поверила! Прошлые пять минут растянулись на целый час. Хватит. О, гляди-гляди, по телевизору Брэдли Купера показывают!

Одеяло даже не шевельнулось. Ну, знаете, даже если Брэдли Купер тут бессилён, то я и давно.

— Нет-нет, — раздалось с постели, — точно всего пять.

— Давай, давай, ты же мне обещала! — Заглянула в кокон, где она свернулась калачиком и увидела, что глаз подруга открывать даже и не собиралась.

— Что? — Произнесла она недовольным скрипучим голосом.

— Ты обещала пойти со мной гулять. Пройдемся по магазинам, посидим на набережной, покатаемся на роликах. Круто же, а? Или, если хочешь, будем жрать оставшийся снег, чтобы лето быстрее наступило.

— Аха-ха, хорошо. — Мила открыла один глаз и улыbnулась. — Последние пять минут, честно. А то ты и мертвого так поднимешь, настырностью своей.

— Сварю кофе.

— Я пока посплю.

— Пять минут, — напомнила я.

— Да поняла я уже! Вы с Чипом вечно нарушаете мое святое право на сон! Имейте совесть, блин! Надоело вставать с петухами.

— Какие петухи в городе? И, кстати, уже полдень.

— Ага?! — Подскочила Милка, но, так и не открыв глаза, упала обратно и отвернулась. — Иди уже. Не говори ничего, а то я уже действительно проснулась от твоего бу-бу-бу.

— Вот же коза! — Я хлопнула ладонью по тому месту, где должна была располагаться ее пятая точка. — Жду тебя на кухне.

Подошла на цыпочках к коту, подняла бедное животное, без зазрения совести сунула подруге под одеяло и удалилась.

— Да вашу-то мать, а! — Донеслось через несколько секунд из ее комнаты, но меня уже было не догнать.

Я не спеша засыпала зерна в кофемашину и приникла к окну. Кое-где

прелую землю ещё покрывал снег, но и он ронял прозрачные слёзы, играя бликами на ярком апрельском солнце. Малышня бежала гурьбой со школы и, сняв шапки, пускала кораблики по звонким ручейкам. Речка, видневшаяся вдалеке, ещё была скована льдом, но и она, казалось, извиваясь и петляя, улыбалась первым по-настоящему теплым солнечным лучам.

Вся природа пробудилась и жаждала жизни. Всё вокруг оживало и пело. Многие любят именно этот период — время появления на деревьях первой зелени, а мне же всегда нравились именно первые весенние месяцы. Март и апрель — волшебные, как чудо зачатия, когда появляется что-то новое и необыкновенное.

Я и сама родилась в такую пору, поэтому картина за окном особенно согревала мою душу, награждая смутным предчувствием близости какого-то невероятно события, обещавшего перевернуть мою жизнь. Мое сердце было свободно, а любая пустота должна быть заполнена — таков закон природы. Значит, уже скоро. Уже вот-вот. И я была к этому готова.

Улыбнувшись, разлила по чашкам ароматный кофе. Через минуту на кухню зашла Мила, облаченная в огромный махровый халат. Лицо помятое, волосы спутаны, глаз без косметики не видно вообще. Прислонилась к стене и попыталась рассмотреть меня сквозь слипшиеся ресницы. И до меня вдруг дошло, как подруга сюда добиралась. Наощупь!

— А вот и Дурнушка Бетти пожаловала! — Я покатила со смеху.

— Да знаю я.

— Не, даже не на нее. На бомку.

Мила вытянула вперед руку ладонью вверх:

— Добры люди помогите, всю зарплату положите! Так?

— Мы можем этим зарабатывать, — я уже смеялась до слез, — садись, растрепка, подам тебе кофе.

Милка жестом показала, что сначала сходит умыться в ванную, и

затем скрылась за дверью. Отправив в рот кусочек пышной подогретой ванильной булочки, я продолжила пялиться в окно.

Потом мы целый день мотались по магазинам, делали маникюры-педикюры в

салоне, гуляли по набережной, периодически согреваясь ароматным глинтвейном в кафе. Короче, занимались в свое удовольствие чисто девчачьими делами.

Придя домой, поужинали и направились в клуб. Это было самым

удачным продолжением дня, потому что весьма и весьма бодрило таких не в меру расслабленных дневными прогулками девиц, как мы. Пока Мила зажигала на танцполе, я сидела за столиком, слушала музыку и лениво потягивала коктейль. Мне всегда нравилось наблюдать за людьми, тем более что танцевать у меня получалось плохо. Кому будет приятно наблюдать за неумелыми подергиваниями неуклюжей выпившей девушки? Только таким же изрядно выпившим парням. Так что нет, спасибо.

А вот Милу Бог, похоже, одарил каким-то просто невероятным источником энергии — после часа активных телодвижений, она только разогрелась и принялась с удвоенной силой

двигаться в такт музыке. К ней пытались подкатывать мужчины, но подруга словно их не замечала. Ко мне тоже пробовали подсаживаться несколько весьма приятных на вид парней, но и они были быстро отшиты: никогда не понимала знакомств в клубах по пьяной лавочке.

В самом начале вечера звонил Митя, сказал, что поехал в гости, но обязательно заедет, чтобы повидаться со мной, поэтому я постоянно высматривала его в толпе. И, наконец-то, вдруг заметила: не успел он войти, к нему на шею с радостным визгом тотчас бросилась какая-то блондинка. Подпрыгнула так высоко, что засветила полное отсутствие белья под коротким обтягивающим платьем. Мила бросила на меня выразительный взгляд и покачала головой.

Когда Митя приобнял девушку за талию, пытаясь не свалиться от ее натиска, я заметила стоящего позади него высокого молодого человека. Эмоциональная блондинка не обошла вниманием и его: схватила за руку, повисла на шее, отлепилась и снова прилепилась к груди, запечатлевая поцелуй на щеке.

Словно почувствовав мой взгляд, Митя обернулся. Махнул мне в знак приветствия и жестом дал понять, что сейчас подойдет. А его друг, повернувшись, будто вообще перестал замечать что-либо вокруг: стоял и смотрел в мою сторону, автоматически кивая в ответ девушке, которая, казалось, решила, что его рука — это отныне ее собственность. Он не отрывал глаз, не моргал, просто слушал ее и таранился на нас. Да, через мгновение сомнений уже не оставалось, он смотрел прямо на меня.

Мила присела на диванчик рядом. Ее взгляд тоже сканировал симпатичного незнакомца. Только она разглядывала его, не смущаясь, а я изучала незнакомца, уже прикрывшись волосами. Меня охватывало головокружение. Казалось, этот взгляд прожигал во мне дыры насквозь. Прошло всего несколько секунд, пролетевших, как в тумане, как в замедленном просмотре пленки, но длились они точно не меньше вечности.

— Как меня бесят эти дешевые потаскухи! — Шепнула Мила, приблизившись к моему уху и заставив вздрогнуть. — И где только Митя их находит? Неужели нельзя дать мужчине возможность первому проявить интерес?

— Кто это с ним? — Смогла лишь выдавить я, с трудом оторвавшись от парня и уставившись в бокал.

Тело вдруг словно стало чужим, перестало меня слушаться. Щеки вспыхнули румянцем, шею сдавило чувство ужасной неловкости.

— Парень? — Спросила Мила отстраненно. — Так, наверное, тот самый друг.

Мне нужно было срочно попытаться изобразить уверенность в себе. Они ведь могли и подойти к нам! А-а-а! Катастрофа! Конечно, они подойдут! Мне этого не пережить. Нельзя сразу показывать мужчине, что он тебе нравится.

Я подняла глаза и снова столкнулась с ним взглядом. Он улыбнулся, и мне вдруг показалось, что даже цвет воздуха в помещении изменился. Не понимаю, как такое возможно. Прятала глаза, смотрела на него, снова прятала, снова смотрела — и каждый раз он был разным. Одновременно таким же и совершенно другим. Будто новым человеком. И знакомым мне уже тысячу лет. Наваждение!

— Красивый, — прошептала я и припала губами к спасительной соломинке в стакане. Коктейль показался мне неожиданно горячим, почти обжигающим.

Вот дурдом!

— Обычный вроде, — хмыкнула Мила.

Глаза, словно магнитом, опять потянуло в сторону незнакомца. Темные волосы, гладко

выбритые виски, тонкие губы с выразительной «галочкой». Хитрая улыбка, обнажающая ямочку на щеке, в меру длинный нос с горбинкой, такой еще зовут римским. Одет в модные узкие джинсы и футболку, подчеркивающую рельеф сильных мышц.

Я так залюбовалась им, что чуть не вскочила, когда поняла, что они с Митей направляются к нам. Захотелось спрятаться, сделать вид, что занята своими мыслями, исчезнуть, но мой интерес отпечатался, наверное, даже на самой изнанке лица.

Сосредоточилась на коктейле. Черт! стакан уже был пуст. Ничего страшного. Нужно алиби. Посмотрела на свои руки, умоляя думать о чем угодно другом, только не об этом парне. Сердце предательски подпрыгивало, заглушая своими ударами музыку.

Когда мой мозг сообразил, наконец, что они уже стоят рядом, я несмело подняла глаза. Не смотреть, не смотреть, не смотре... Аааа... Просто бдыщ! Взрыв! Оглушительный всплеск эмоций! Стоило только перевести взгляд от Мити к нему, как руки отказались слушаться. Хорошо хоть помимо моей воли в ладоши сами не захлопали. И то хорошо.

— Приве-е-ет! — Протянул руки Митя, вынуждая меня встать.

Прыгнула к нему в объятия, радуясь, что эти спасительные секунды позволят мне отдышаться. Подставила щеку для поцелуя, поцеловала в ответ. Едва он меня отпустил и повернулся, чтобы обнять Милу, чуть не лоб в лоб столкнулась с незнакомцем. Взгляд парня выражал неловкость и стеснение, и в этот момент я вдруг поняла: вот так, наверное, вдыхают счастье. Полной грудью, не таясь, позволяя ему проникнуть в каждую клеточку твоего тела.

— Девочки, это Александр. — Весело сообщил Митя. — Для меня и вас — просто Саня. — Он указал на меня. — А это — Ева. Мой начальник, самый близкий друг, практически мой брат. Это — ее подруга Мила. Красивая и свободная, это все, что тебе нужно о ней знать.

— Ева? — Переспросил парень.

У меня чуть ноги не подкосились. Откуда в душе берутся такие эмоции, когда тебя просто назвали по имени? Прекрасный, чудесный звук. Кажется, можно слушать его вечно.

— Ева, — подтвердила я, протягивая руку и пряча глаза.

Прошла, наверное, минута прежде, чем его ладонь коснулась моей.

— Адам, — представился он, крепко пожал руку и тут же отпустил. Нервно потрепал себя за волосы. — В смысле, Саша. Да, Саша...

Он сунул руки в карманы джинсов, достал обратно, снова спрятал и снова достал, чтобы поздороваться с Милой. Затем мы все вчетвером сели за столик.

Заметив смущение в поведении нового знакомого, я немного расслабилась и сразу приступила к штурму:

— Саша, — мои слова заставили его впиться взглядом в бокал, стоящий на столе, — а ты надолго к нам?

— Думаю, что теперь навсегда. Я уезжал всего на год. — Он пожал плечами.

— Ев, нужно кое-что спросить у тебя, — напоминая о своем присутствии, вступил Митя.

— Да, дорогой? — Обернулась я и заметила, что мой друг успел сегодня постричься. Его светлые, легкие, словно пух, волосы теперь не торчали во все стороны, напоминая одуванчик. Они были коротко острижены по бокам и свободно уложены сверху. Смотрелось стильно, и ему явно шло.

Он придвинулся ко мне, заставляя оторваться от созерцания завораживающе-загадочного Саши.

— Это скорее просьба.

— Говори уже.

Шепотом:

— Мне в больничку нужно.

— Опять военкомат донимает?

Митя улыбнулся:

— Он самый.

— Я тебе давно говорила: определись. Либо шуруй служить, либо отлежись в больничке, а тот знакомый врач Марка напишет нужный диагноз. Может, сделают надрезик, потом зашьют. Это ж мелочи. Или сходи уже, отслужи как человек. А я тебя буду ждать. М?

— Договорюсь тогда с понедельника.

— Только уладь с Наташей. Ей же придется работать одной, пока тебя не будет.

— Это без проблем.

— Значит, договорились, — поцеловала его в щеку.

— Спасибо! — Митя чуть не свернул мне шею, обнимая, — ты ж моя самая любимая!

Самая!

— А то, — смутилась я.

— Еще раз благодарю, девочки, а теперь мы вынуждены бежать. — Он посмотрел на меня виновато. — Опаздываем на мальчишник. Извини, брат.

— Хорошо, — расстроено произнесла я, боясь даже взглянуть на Сашу. Новость о том, что им нужно уйти, почти разбила мне сердце. — Жаль, совсем мало пообщались.

Парни встали. Саша явно не хотел идти, но Митя настойчиво подтолкнул его к выходу. Парень только успел выкрикнуть «пока!» и всю дорогу до выхода оглядывался на нас. Даже чуть не споткнулся. Всё это время, пока они шли к выходу из клуба, я тонула в его карих глазах. Немного узковатые, они были такими добрыми, такими

лучистыми.

И что-то неведомое словно поднималось из глубин моей души и вырывало из груди сердце. Похоже, это было вполне взаимно.

Впервые за всю мою жизнь чувство удивления и восторга было таким

ярким и внезапно сильным.

Мила сразу вскочила, увидев кого-то из знакомых девушек, замахала рукой и побежала в их сторону. Опустив голову, я закрыла глаза и принялась прокручивать в памяти те пять минут, подарившие нам с Сашей эту неожиданную встречу.

Губы сами непроизвольно растягивались в широкую улыбку. Какой же он добрый, застенчивый, милый... И почему вдруг появилось ощущение радости и полёта? Похоже, что весна решила подарить мне настоящую любовь. Похоже, что это Он. Тот самый. Всякое может быть, но сейчас это чувство казалось единственно верным.

Мне почему-то захотелось танцевать. Впервые за долгое время. Ничего, что не умею, главное, ведь получать кайф самой. Я подбежала к Миле и бросилась ей на шею:

— Мила! Милочка!

— А? — Обернулась она, удивленно разглядывая меня.

— А жизнь-то прекрасна!

— Чой та? — Остановилась она и улыбнулась. — Что же это тебя так вдохновило, голубка дряхлая моя? Неужели новое знакомство?

— Да! — Мне не удалось сдержаться, чтобы не запрыгать от внезапно нахлынувшего счастья. — Он мне понравился...

— Понятно, — усмехнулась Мила, — и ты ему тоже, это только слепой не заметил! Митя его отсюда как на таране ташил. — Подруга обняла меня. — Пусть это будет то самое, чего ты искала. Искренне желаю. Не зря же у тебя так загорелись глаза.

И мы обнялись крепко-крепко, а потом танцевали и смеялись до самого утра.

Я так отчаянно отплясывала, как никогда в жизни. Меня вдохновляло и озаряло неожиданно посетившее мою одинокую душу чувство. Никаких допингов, никакого алкоголя! То, что блуждало теперь в моей крови, было сильнее. Оно пьянило и дарило легкость. Словно сама природа вселяла в меня силы. Я не знала, что это. Знала только одно: с этого дня моя жизнь изменится навсегда, а в голове, вторя сердечному ритму, стучало: «Саша, Саша, Саша».

Похмелье? Какое там похмелье! Половина одиннадцатого утра. Я открыла глаза. Необыкновенное чудесное утро: во мне было столько энергии, как будто проспала сутки! Солнечные лучики, разливаясь ярким светом, прыгали по стенам комнаты и моему лицу, заставляя шуриться.

Села на кровати и улыбнулась, пытаюсь вспомнить, как вчера добралась домой. Помню, в четыре утра мы встретили в клубе Марка с Женей. Они предложили подвезти нас домой. Помню, что Мила заставила меня сесть в машину, а я ужасно не хотела возвращаться и громко кричала: «У меня начинается новая жизнь!». Вот стыдобище...

Наверное, парни удивились. Уж слишком это на меня было не похоже. Интересно, а Милка дома? Она ведь могла опять потерять голову и уехать с Женей. Я вскочила и побежала к ней комнату, по пути заметив, что кто-то заботливо облачил меня в ночную рубашку.

Голая пятка подруги, высунувшаяся из-под одеяла, красноречиво подтверждала тот факт, что её хозяйка спит в своей постели.

Тихонько притворив за собой дверь, я не забыла пустить к ней в комнату кота. Она не так давно завела Чипа. Когда его ещё не было, я любила подшучивать над подругой: уходя на работу, запускала в квартиру какого-нибудь бездомного кота из подъезда. Милка просыпалась оттого, что этот облезлый бродяга прыгал к ней на кровать и издавал наглое «мяу» или пригревался около её головы на подушке и благодарно мурлыкал.

Потом я неизменно хохотала в трубку, выслушивая, как она, бедная, испугалась, проснувшись, как кричала и истерила от страха и неожиданности, как потом кормила и выпоняла-таки бедное животное обратно в подъезд. И как после всего этого бежала в аптеку за лекарствами и мазями от блох и лишая, боясь заразиться.

Зато все эти случаи ещё долго вспоминались со смехом, а мои друзья и знакомые, подвергшиеся подобным шуткам, дружно и не раз пытались развести меня первого апреля.

Но тщетно. Милка с Дашкой давно считают меня мастером розыгрышей и даже называют клоуном, а мне ничего не остается, кроме как держать марку и дарить им хорошее настроение.

Похоже, что сегодня кто-то могущественный

добавил мне ещё порцию позитива, ведь я словно летала по кухне, напевая

модный мотивчик и гремя чашками. Зверский утренний аппетит куда-то исчез. Странно, да? Вот и мне странно. Поэтому, просто выпив чашку кофе, я оделась, а затем за пять минут (!) накрашилась, причесалась и нанесла духи.

Моё отражение в зеркале мне, на удивление, безумно понравилось, и вдруг захотелось прогуляться пешком. После вчерашнего знакомства невозможно было усидеть на месте: хотелось бежать по улице вприпрыжку, смеяться и дарить улыбки прохожим. Весенняя улица была просто ослепительна. Что за волшебник прибрался в городе? Почему я не в курсе? И почему все кажется красивее, чем обычно?

Я дышала свежим воздухом и твёрдо знала, куда мне сейчас нужно было идти. Саша никак не шёл у меня из головы,

каждые пять минут мысли снова возвращались к нему. Из глубины души лезло наружу всего лишь одно желание: говорить о нем, узнать о нем все, поделиться своими чувствами со всем этим миром.

Нет, нельзя было забыть его глаза: такие добрые и лучистые, они пленили меня с первого взгляда, очаровали, внушили доверие. Никогда бы раньше не подумала, что можно вот так, сразу, почувствовать влечение и симпатию к незнакомому человеку.

Разумеется, я не влюбилась! Нет... Нет?

Это просто интерес... Ведь так? О, Боги... Знаю только одно: мое сердце после этой встречи бьется сильнее. Гораздо сильнее. И мне хорошо. А это самое главное.

За дверью Митиной квартиры послышались ворчание и лай собаки. Я

еще раз нажала на звонок. После секундной паузы дверь открылась, и на пороге появился сам Митя: в одних джинсах, помятый и худой, как палочка для суши. Он стоял, привалившись к стене, спрятав одну руку в карман джинсов, а другой с застенчивым видом почесывая затылок, — его любимая поза для встречи гостей. Рядом сидел его пес Мартин, который набросился на меня и принялся облизывать, стоило только протянуть к нему руки.

Я вошла и обняла их обоих по очереди.

— Привет, парни!

— Привет, — Митя обнял меня в ответ, — раз уж ты здесь, мне придется вставать и идти в ванную. Я, вообще-то, только что приполз домой.

— Ага? Откуда же? — От волнения у меня даже пересохло во рту. Почему-то так хотелось, чтоб он упомянул своего друга в разговоре.

— Мы у Никиты спали, — ответил он, — там вчера было полно народа.

Внутри все оборвалось: я внезапно

почувствовала укол ревности. Ведь где у мужчин ночевки и пьянки, всегда

бывают девки.

— Все ясно. Как отдохнули? — Постаралась придать голосу уверенное и спокойное выражение.

— Жесть... Я взял коньяка, потом еще и еще. Готов был на скамейке

спать. — Митя потер ладонями лицо. — Все-е-е, больше не пью! Башка раскалывается. Уснули с Саней вместе на какой-то койке, черт пойми где, хорошо хоть не в туалете. Утром решил, что пора домой, встал с кровати. А тут как почернеет в

глазах! Упал и головой об Никитин стол стукнулся, даже шишка вскочила! Еле до дома дошел.

— Извини меня. Бедный Митюша! — Погладила его по голове.

Внутри у меня вновь порхали бабочки. Они с Сашей спали сегодня вместе — лучшая новость. — Не надо было мне приходить. Разбудила тебя

только.

— Да ничего страшного, у меня еще полно дел сегодня. Пойду в ванную, а вы с Мартином похлопочите на кухне.

— Хорошо! Похлопочите, блин!

Митя с полотенцем исчез в ванной, а я, играя с собакой, принялась варить ему кофе. Готовить завтрак было бесполезно, ведь лучше самого повара никто этого не сделает. Я вкусно готовлю, вроде, да и Митя бы ни слова не сказал по поводу качества, но зачем срамиться лишний раз?

Мартин, пытаясь выхватить из рук печенюшку, прыгнул и повалил меня на пол. Пришлось сдать печенье без боя, поскольку не обожать это большое белое чудо с хвостом было невозможно. Митя вечно ворчал, если я называла Мартина белым, и говорил, что лабрадоры бывают либо черными, либо желтыми — палевыми. Но я не сдавалась. Желтый пес — чушь какая-то.

Еще понимаю, когда называют дымчато-серый окрас кошек голубым, но лабрадор-то — максимум кремовый или молочный. Тем более, собаке все равно, какая она, ей главное, чтобы ее любили, ведь именно эти животные привязаны к нам просто так, не за красоту или богатство. Они ждут, верят и никогда не предадут.

Повалявшись с Мартином на полу, я решила, что квартира Митьки

остро нуждается в уборке, и принялась подбирать вещи, складывать их на

места, вытирать пыль с мебели. Найдя швабру в кладовке, даже вымыла пол.

Мужчины есть мужчины — большинство из них не знает, что такое порядок.

Снимая носки, швыряют их на пол, вешают одежду на спинку стула, а посуду и засыхающий хлеб всегда оставляют на столе.

Бог не дал моим маме

с папой других детей, кроме меня, поэтому по жизни мне приходилось идти одной, но братская

любовь к этому мужчине буквально переполняла меня нежностью, и я с удовольствием готова была помогать ему во всём, хоть в уборке.

Выйдя из ванны, Митя застал меня за мытьем посуды, огляделся вокруг и с усмешкой спросил:

— Что у нас на завтрак, жена?

— Кофе, — засмеялась я, — но если сходишь в магазин, то будет кофе с круассанами.

Он схватил меня, поднял на руки и принялся кружить. Я кричала, смеялась и махала мокрыми руками, а Мартин сопровождал наши игры громким лаем и добродушным вилянием.

— Пойдём, покурим? — Предложил Митя, опустив меня на пол.

— Пойдём.

Его никогда не смущал тот факт, что я не курю. Нужно было стоять рядом и отвлекать его разговорами. Пассивное курение? Не, не слышали. И вред от табака — тоже страшилки для детей. Выпороть бы его за такие слова, да жалко!

Мы стояли на балконе, когда мне, наконец, хватило духу перевести разговор в нужное мне русло:

— Друг у тебя такой интересный. Нам с Милой понравился.

— Саня всем нравится. Мы с самого детства вместе. Там, где он, всегда весело. Позитивный, смешной, добрый, и его все уважают.

— Прикольно.

— Ага. У вас, кстати, есть что-то общее. Вам легко быть душой в любой компании, шутить, заряжать людей позитивом. И еще: я никогда не видел ни одного из вас в плохом настроении.

Я старалась скрыть волнение и слушала очень внимательно, ведь исполнялось моё тайное желание — узнать про Сашу всё. Мне хотелось говорить и говорить только о нём:

— Значит, ты обожаешь своего друга?

— Конечно! Не знаю, как прожил без него последний год. Вернулся Саня — значит, вернулось хорошее настроение, музыка, веселье, пьянки-гулянки и отличный отдых!

— Тусовщик, что ли?

— Он, кажется, не пропускает ни одной вечеринки, да, и везде

ему рады. Привез вот мне новый альбом «Justice»! Слушаю его днём и ночью. Саня, вообще, знаток всей музыки, которая только существует.

Ясно. Хм.

— А... чем он занимается?

— Начинали мы с ним вместе: я работал официантом, он — барменом

в ночном клубе. Потом меня взяли в ресторан, а он сменил много разных

мест работы. Как-то вот ему не везло, и Саня решил податься с парнями в Питер. Но там больше развлекался, чем работал — это же Саня-я-я. Я рад, что он вернулся обратно.

— Будет искать работу?

— Да, но, думаю, скучная работа, например в офисе, не для него, он ведь человек-энергия! Почти как Джей Кей, солист «Jamigoquai». Музыка, веселье, девушки, все к нему тянутся — только применение своим талантам еще не нашел.

— Обожаю «Jamigoquai», их песни такие заводные, — сказала я

слегка погрустневшим голосом. Конечно, меня расстроили слова про девушек. Не могли не расстроить. — Значит... он сейчас нигде не работает?

— Пока зарабатывает тем, что иногда по выходным

фотографирует на свадьбах. С детства увлекался фотографией. Его с удовольствием приглашают те люди, которые еще помнят о его таланте. Выйти бы только на новый уровень, чтобы купить крутую камеру, сделать рекламу. Но в нем пока не видно особого желания.

— Что-то совсем несерьёзно.

— Да. Но ему ведь всего двадцать один. Все впереди.

— Ого! А выглядит на все двадцать семь.

— И рассуждает тоже. Он умный. Как и я! — Митя рассмеялся.

Зазвонил сотовый, он глянул на экран, наморщил лоб, нажал кнопку бесшумного режима и сунул телефон обратно в карман. — Достала уже!

— Опять Алина?

Мне было жаль девушку. Она была старше Мити,

красивая стройная брюнетка. Добрая, умная, образованная. Алина бросила

ради него состоятельного кавалера, а теперь довольствовалась лишь тем, что Митя иногда заглядывал к ней на ночёвку, ничего не обещая. Унижалась, звонила, упрашивала прийти. Он же, в свою очередь, называл ее девушкой для «разрядки».

— Да всю ночь названивает. Спрашивает, куда пропал, ревнует, требует.

— Может, ты дал ей напрасную надежду?

— Нет.

— Как знаешь.

— А знаешь, кому я вчера звонил пьяный? — Митя улыбнулся. Он был так рад, что сразу стало понятно — кому.

— Опять Даше?

— Да. — Затушил сигарету. — Она пообещала со мной встретиться.

— Мить, ну, правда, ты ведёшь себя, как дурак! Зачем унижаешься? Она опять тебя бросит ради очередного мешка с деньгами! — Мне стало

ужасно обидно за него. Неужели он так её любит? Покачала головой, вздохнула, с трудом подбирая слова. — Стоишь сейчас, закатываешь глаза и мечтательно улыбаешься! Мне даже стыдно за тебя. Ты ж мужик! Это она за тобой должна бегать. Как все твои девушки.

Митя нервно сглотнул и достал новую сигарету.

— Это же моя Дашка. Она... не такая, как все. Ты поймёшь, когда полюбишь. Я, наверное, готов ей всё простить.

— Митя! Очнись! — Мои руки обессиленно опустились. -

— Ты мне — как брат. Она — моя подруга, но я уже начинаю ее ненавидеть! То любит, то не любит. А ты страдаешь. То позовёт, то оттолкнёт.

— Неправда.

— Совсем себя не уважаешь?! Я не могу из вас выбирать, но не могу и обманывать тебя! Ей нужен богатый мужик, она так и говорит. Постоянно. Дашка тебя использует и зовет, лишь когда остается одна. — Я взяла его за руку. — Я тебя люблю и не хочу видеть, как она тебя убивает. Тебе нужна девушка, которая искренне тебя полюбит.

Митя опустил голову и замолчал. Прикурил сигарету и,

затянувшись, уставился в окно:

— Я ничего не могу с собой поделать. Пробовал, бесполезно. Снова тянет к ней.

— Ты должен ее забыть, — погладила его по спине.

— Поговори с ней, пожалуйста. Ты же ее подруга. Узнай, чего она все-таки хочет. Спроси, что думает обо мне.

— Ты как ребенок.

— Ну и что.

— Тебе было так хорошо с ней, да?

— Очень. — Он закрыл глаза и выпустил дым.

Мне было не понять его одержимости. Когда обижают твоих близких,

это вызывает ярость, хочется мстить. Но как же поступать, если сами близкие причиняют друг другу боль? На чью сторону встать? У каждого ведь своя

правда.

И мне не хотелось вмешиваться — не мое это дело. Не мое.

— Родной мой, я поговорю. Обязательно...

— Спасибо.

— Ты завтра в больничку ложишься, — прижалась к нему, приобняв, — принесла тебе томатного сока, возьми с собой, не забудь. Хорошо?

Он сжал губы и кивнул.

— А Мартика кому оставишь? У нас с Милкой кот дома. Нам, к сожалению, нельзя. Но

я могла бы приезжать сюда, кормить и выгуливать его.

— Я об этом и подумал, не буду тебя напрягать, поэтому отвезу пса

сегодня маме. Спасибо.

— Пожалуйста. Можешь всегда на меня рассчитывать.

Он внимательно посмотрел на меня и кивнул.

— Должен тебе открыть секрет.

— Да? Говори скорее! — Оживилась я.

— Саня вчера сказал всем парням, что встретил девушку своей мечты. — Митя покачал головой. — И, как ни странно, эта девушка — ты.

— Да?

— Я даже приревновал. Все уши прожужжал мне вчера про тебя. Все спрашивал и спрашивал, пока не уснул. Никогда не видел его таким.

— Правда? — Я покраснела и, испугавшись того, что Митя услышит,

как бьется мое сердце, опустила голову и отошла назад.

— Это не похоже на Сашку, он никогда такой интерес ни к кому не проявлял. Раньше, когда просто хотел отдохнуть, никогда не интересовался девушками настолько. Не спрашивал про их жизнь, прошлое, свободны они или заняты. Просто проводил время и забывал. Долго ни с кем не встречался,

хотя все его бывшие девушки все еще любят его и ждут. Тем более,

никогда такими словами, как любовь, не бросался.

— Любовь?

— Ага. Я, говорит, влюбился. Придурок!

— Мне он, кажется, тоже понравился.

Митя бросил на меня испытующий взгляд.

— Ну-у... тогда ты меня простишь. Он очень просил твой телефон...

— Ты дал? — В сердце крошечным огоньком затеплилась надежда.

— Побоялся, что ты будешь против... — Митя заметил разочарование в моих глазах и улыбнулся. — Поэтому дал ему твой домашний.

— Ну ладно. Посмотрим, что из этого выйдет. Ничего больше он не

говорил? — На самом деле мне уже хотелось броситься ему на шею и расцеловать.

— Нет, вроде. Я был бы рад, если бы у вас что-то получилось. Хочу...

чтобы ты была счастлива, Ева.

— Буду. Буду! Буду! — Я бросилась к выходу и начала быстро одеваться. — Митенька, мне надо бежать. Столько дел еще, совсем и забыла про них. Спасибо тебе!

— Ну, ладно... а я хотел приготовить тебе завтрак. Тогда съем его сам, посмотрю канал «А1» и тоже побегу по делам, ведь завтра

мне в лечебницу!

— С Богом!

Поцеловав его на прощание, я побежала вниз по лестницам, перескакивая аж через две ступеньки. Да. Да. Да! Митя сделал мне такой подарок! Ура! Скорее домой, буду сидеть у телефона и ждать, когда Саша мне позвонит.

Мы с Милой приготовили ужин, посмотрели футбол и сериалы, а

телефон всё молчал. Я старалась не показывать, что нервничаю, но весь вечер то прибиралась, то ходила из угла в угол и постоянно смотрела на часы.

Как маленькая девочка, ей богу, которая придает слишком большое значение любой мимолётной симпатии, так или иначе сулящей ей возможные будущие отношения. Понимая, что это не совсем здоровая фигня, я все равно продолжала думать, думать и думать о нем. Ничего не могла с собой поделать. Эти мысли преследовали меня и не оставляли

ни на минуту.

Боясь, что Милка начнет названивать кому-нибудь и «сядет»

на телефон, я пыталась отвлекать подругу просмотром всяческой ерунды по телевизору, сама же с упорством идиота косилась на аппарат и кусала губы.

Звонок телефона в десять вечера показался мне звуком гонга, таким

громким и оглушающим, что невольно вздрогнула. Но бежать к

нему себе не позволила. Замерла, изобразив скуку и безразличие.

Мила встала и ответила на звонок:

— Алло. — Она нахмурила брови. — Нет. — Внезапное озарение промелькнуло на ее лице. — А, привет! Конечно. — Поворот головы, прожигающий меня насквозь многозначительный взгляд. — Сейчас...

Она протянула мне трубку, улыбнулась и хитро прищурилась. Весь этот набор действий в ее понимании означал «это что-то значит, и я собираюсь узнать что».

— Это вас, дорогуша, наш новый знакомый. Похоже, что вы мне забыли кое-что рассказать.

— Расскажу, — прикрыла трубку ладонью, — обязательно! Просто

боялась сглазить.

Удалившись в свою комнату, села на кровать, выдохнула и поднесла

телефон к уху:

— Да, — мой голос стал хрипловатым от волнения.

— Здравствуйте. Я, наверное, попал в рай.

— Все может быть... — у меня даже защемило в груди, таким родным и знакомым показался голос в трубке.

— Яблочка не найдется? Это ваш Адам.

— Найдется, но тогда вам придется стать простым смертным.

— Какая ерунда! Я согласен. Лишь бы всю жизнь есть яблоки из ваших рук. — Он осекся. — Боже, что за чушь я порю, прости, пожалуйста.

— Привет, — у меня остановилось сердце от его признания, пусть даже

шуточного, — а я тебя сразу узнала.

— Привет, принцесса. Не злишься, что позвонил без спроса?

— Нет, — призналась я.

— Не отвлекаю?

— Нет. Даже не переживай.

— Первый раз в жизни решил поболтать с девушкой по телефону — я,

вообще-то, не любитель. Но чтобы услышать твой голос, готов на подвиги,

— по его голосу было заметно, что он жутко меня стесняется.

Мне хотелось прыгать от счастья.

— Все когда-то бывает в первый раз.

— Хочешь правду?

— Ага.

— Увидел тебя вчера и обалдел. Митя столько мне рассказывал про

свою подругу, но я не мог и подумать, что с такой красивой девушкой можно просто дружить.

— Спасибо, — смутилась я, — ты тоже симпатяга.

— Нет, что ты, — запротестовал Саша, — я страшненький.

— Да ну, не стесняйся. Раз уж ты позвонил, давай знакомиться.

Расскажи о себе.

— Александр Абрамов. Безработный бестолковый лентяй.

— Вот прямо так?

— Да. Мама так сегодня и сказала.

— Ева Есенина. Приятно познакомиться. Не очень-то ласковая у тебя

мама. С родителями живешь? — Хорошо, что он не видел, как я сейчас глупо улыбалась.

— С мамой. Папа давно с нами не живет. Я из Питера потому и вернулся, что бедная мама здесь один. У нее никого больше здесь нет, кроме я.

— Смешно как ты говоришь, необычно, — мне почему-то понравилась его по-детски

забавная манера коверкать слова и склонения, — а в Питере чем занимался?

— Парни знакомые поехали туда, я — с ними. Хапнул там горя: мы снимали квартиру все вместе, деньги кончились, ели одни макароны. Работу найти не получилось, а потом уже не хотелось: потонули в пьянках-гулянках и наркотиках. Нет, ничего страшного, просто курили траву, пару раз нюхали

всякую дрянь...

— Ни х... себе, ничего страшного! Наркотики для меня — это дикость, — я была просто ошарашена тем, с какой легкостью он мне это говорит, и тем, что меня это почему-то не отталкивает.

— Ева, ты только не матерись, — продолжил он, — понимаю твою реакцию, но, если честно, больше всего не люблю девушек, которые матерятся. Я не наркоман, успокойся. Мой друг в Питере

занимался сбытом этой дряни и часто предлагал ее нам. Даже когда не было денег, трава всегда находилась. Когда понял, что падаю в пропасть, собрал вещи и поехал домой.

— Ясно...

— Трава еще ничего, а вот увлечение амфетаминами сразу сказалось

на моем здоровье.

— Боже. Как так? Зачем тебе это?

— Хорошо было. Ты нюхаешь их, весь вечер добрый, позитивный, энергичный, все вокруг хорошие и милые, а потом сутками не можешь уснуть, лежишь абсолютно без эмоций, опустошенный, не выражая никаких чувств.

— Главное, что ты вовремя остановился...

— Это точно. Похудел, осунулся, под глазами — круги, все лицо в мелких белых прыщиках. Вот именно они-то у меня до сих пор и остались

на память. А вес я вернул — теперь такой же рыхлый, как до отъезда.

— Ты — рыхлый? — Искренне изумилась я, — ты... нормальный, вообще-то. Без лишних килограммов. Вроде.

— Ага. Поэтому друзья зовут меня холодцом.

Мы оба рассмеялись. Я думала, что хорошо рассмотрела его в клубе, и

мне он холодцом не показался. Обыкновенная фигура. Легла на

кровать и вытянула вверх ноги, принялась водить ими по стене.

— Саш, вынуждена тебя огорчить — у тебя среднестатистическая фигура.

— По сравнению с Митей я — пончик.

— Рядом с Митей даже я чувствую себя баржей.

— Это да.

— Именно.

— Я всегда любил поесть. Даже сам не заметил, как возвел это в культ.

Мама уходит на работу и оставляет мне покушать. Просыпаюсь, наливаю чай с бергамотом, выкладываю на тарелку еду, люблюсь, вдыхаю ароматы, потом медленно наслаждаюсь процессом поглощения пищи.

— М-м-м... В этом мы с тобой похожи. Я тоже гурмэ — люблю вкусно

и красиво покушать. Люди едят, чтобы жить, а я, похоже, живу, чтобы есть. — Внезапно почувствовала такое родство с ним, словно была сделана из его ребра. Точно наваждение. Закрывает глаза и улыбнулась сама себе. — А чем ты потом дома занимаешься?

— Ничем. Сажу в Интернете, в социальных сетях, на диджейском сайте, играю в онлайн игры с друзьями. Летом, конечно,

по-другому — почти не бываю дома. А зимой холодно, и иначе не

получается.

— Ну... Вполне приемлемо в твоём возрасте... Но только если временно. Ты же ищешь работу, да?

— Эм... Ты мне давишь на больное. Мама каждый день на меня орет и посылает искать ее. Я ищу. Всю неделю с моего возвращения веду поиски работы. Пока тщетно.

— А где ты раньше работал?

— Кажется, везде. Год работал барменом с Митей, четыре

месяца — продавцом, два месяца — разнорабочим, пару месяцев ремонтировал телефоны. Мама пыталась устроить меня к себе монтажником, я и там

долго не выдержал. Администратором в кафе работал около месяца — долгов

наделал, брал деньги из кассы, меня выгнали и при расчете ничего не дали,

просто вытаскал я оттуда больше.

Такое мне доводилось слышать впервые. Я была благодарна парню за честность, но как стоит реагировать, не знала. Пребывала в полнейшей растерянности. Прежняя Ева давно бы положила трубку, а нынешняя просто заметила:

— Значит, ты нигде долго не задерживался...

— Не могу работать, мне быстро наскучивает. Через месяц начинает

казаться, что жизнь проходит мимо, а те копейки, которые зарабатываю, этого не стоят. Тогда работа превращается в пытку, и я ее бросаю. Может, хочу от жизни слишком многого? Или просто неудачник?

— Я тоже была неудачницей, пока мне не повезло: друг пригласил

меня в свой ресторан управляющей. И теперь я — начальник. Работа, которая будет приносить тебе удовольствие, еще впереди.

— Надейся и жди!

— Нет. — Рассмеялась я. — Верь и ищи. Постараюсь помочь тебе, обязательно. Пспрашиваю у знакомых.

Какое у тебя образование?

— Техникум. Институт я бросил в начале второго курса. Терпения не

хватило. Остался им должен деньги за обучение, потому что меня отчислили только через полгода.

— Да ты разгильдяй...

— Да, — согласился он, — и еще — я никогда не отчаиваюсь.

— А... хм... Молодец.

— А то! Кстати, ты вчера была такая красивая.

— Спасибо.

— Я даже залюбовался.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

— А в армию ты не ходил?

— Нет, врачи, почему-то, решили, что я не годен.

В этот момент в трубке послышалось странное ворчание. Женский голос. Затем оно усилилось. Я догадалась, что вошла его мать и начала отчитывать парня.

— Я тебе сейчас перезвоню, хорошо?

— Договорились.

Раздались гудки.

Я удивлялась сама себе. Не парень, а набор сплошных минусов. Если бы Мила нашла себе такого, раскритиковала бы его в пух и прах. Меня же нисколько не оттолкнуло ни Сашино положение в обществе, ни его разгильдяйство. С первых минут разговора было ясно,

что он — мой человек. Каким бы ни был. И меня к нему откровенно тянуло, несмотря на все очевидные недостатки.

Не стоит торопиться. Я закрыла ладонями лицо. Нужно узнавать его постепенно. Постепенно.

— Ну, что? Наговорилась? — Заглянувшая в комнату Мила заставила меня вздрогнуть. — Услышала, что ты наконец-то заткнулась и решила узнать, как все прошло.

— Все хорошо, сейчас он перезвонит еще раз, его мама отвлекла.

— Так это на тебя не похоже.

— Что именно?

— Что ты висишь на телефоне. Обычно я этим занимаюсь.

— Все когда-то бывает в первый раз.

Она улыбнулась.

— И ты вся светишься! У тебя на лице такая идиотская улыбка от уха до уха. Смотри не влюбись, вдруг он окажется козлом?

— Этот не окажется, у меня предчувствие, — я скрестила пальчики, -

Мила, он мне так нравится, что сама себе удивляюсь!

— Ой-ой! — съязвила она, — я пошла спать, а ты прекращай свое «бу-бу-бу» или сделай его тише, влюбленная дурочка.

— Хорошо, мамочка! — Послала Миле воздушный поцелуй.

Зазвонил телефон, и подружка вышла из комнаты, качая головой.

— Алло, — ответила я, собравшись с духом.

— Мама миа! Привет, моя красавица! Это твой итальяно.

— Привет. С тобой не соскучишься.

— Мама приходила, ругалась.

— Почему?

— Она все время только ругается. Удивилась тому, что на телефоне

завис — обычно я так не делаю. Потом обозвала лентяем и приказала

завтра идти искать работу. Все как обычно.

— Я, в принципе, ее понимаю.

— Знаю, что она права. Расскажи лучше о себе. Митя сказал, что ты очень умная, образованная.

— Хм. Ну что же тебе рассказать, если Митя уже все выложил?

— У тебя есть парень? — спросил Саша.

— Нет. А у тебя?

— У меня тоже парня нет, — рассмеялся он.

— Ха-ха! Я про девушку спрашивала. Девушка есть у тебя?

— Нет. Весна за окном, столько девушек. Смотрю и облизываюсь.

У меня уже давно не было ни девушки, ни секса. Но нравится мне одна, если честно. Красивая, умная, у нее совершенно невероятные бездонные светлые

глаза и обалденные формы. Жутко ее стесняюсь. Зовут Ева...

— Ух, ты... А она об этом знает? — Моя душа просто

пела, взлетая высоко к небесам.

— Теперь знает, — заверил он.

— Ей... мне очень приятно. Спасибо. — Не хотелось делать ему ответных комплиментов, чтобы не зазнавался, поэтому промолчала, давая возможность меня завоевать. Мужчинам так интереснее, они же охотники. Кажется, именно так пишут в умных книгах.

— Мне всегда нравились жгучие брюнетки. Это так сексуально. А у

тебя волосы каштановые, даже почти русые. Я даже сам себе удивился. Тебе бы пошли темные волосы.

— Я — за естественность. Никогда не красилась.

— Хочешь признание?

— Давай.

— У меня никогда в жизни не было серьезных отношений. Самые продолжительные — три месяца. Вроде все хорошо сначала, потом девушка

говорит, что любит, что не может без меня. И сразу — все! Меня это отталкивает, и я бегу.

— Как интересно.

И что я должна ему ответить? Мне было неприятно

слышать подобное. Еще один бабник. Расстроилась. Хотя в сердце

теплилась надежда, что теперь все будет по-другому, теперь он влюблен, а мне известно, как поступать не нужно. Нельзя говорить о любви, нужно быть

недосягаемой. Все просто.

— Никогда не любил, не знаю, что это такое. Последняя моя девушка,

Лиля, сама за мной заезжала, привозила к себе, кормила, два месяца я почти

жил у нее. Но меня совсем к ней не тянуло, просто набивал пузо, пользовался

компьютером, отдыхал вместе с ней и спал.

— Ох. Печально, — мне было почему-то так неприятно и больно слышать все это. Не понимаю, зачем же он рассказывает про бывших, заставляя захлебываться в ревности. Почему, вообще, мужчины постоянно делают это?

— Да.

— А почему расстались?

— Я сам не понял. Просто расстались, и все.

— Так разве бывает? — Меня это очень насторожило.

— У меня никогда не было привязанности ни к кому.

— Бедный Сашка. Я, конечно, что-то чувствовала к своим бывшим, но

такого, о чем пишут в дамских книжках, не испытывала никогда.

— Значит, все у нас впереди. Чай будешь пить?

— Буду. Но ведь ты далеко от меня?

— А ты иди на кухню и заваривай. И я тоже пойду. Так мы попьем

вместе.

— Давай! — Обрадовалась я и отправилась на кухню.

Это так мило — что-то делать вместе, будучи на расстоянии.

— Ева, а какую музыку ты слушаешь?

— Музыку... Всего понемногу, кроме попсы. Терпеть ее ненавижу. Цоя

люблю, русский рок могу послушать. — Поставила чайник и уселась на

табурет. Чип Чипстер воспользовался случаем, чтобы прыгнуть ко мне на колени.

— Ну а какая-нибудь песня есть любимая?

— Не знаю. Много разных. Вот в ресторане включают итальянские. Так из них у меня сейчас в фаворе — Zizi Possi — «Per amore». Она звучала в сериале, который я в детстве смотрела. Короче, если есть песни любимые, то они просто ностальгические и что-то значащие для меня, а стиль при этом не важен.

— Для меня вот музыка значит многое. Утро я начинаю с того, что включаю компьютер и врубаю ее на полную катушку. Она заводит, поднимает настроение, наполняет жизнь смыслом.

— Чувствую себя отсталой. Не отношусь так серьезно к музыке.

— Зря. Музыка — это огромная энергия и сила. Она хранит воспоминания о былом и в нужный момент может вытянуть их на поверхность, музыка лечит, вдохновляет, помогает идти по жизни. Заставляет жить или убивает. Она сопровождает меня везде и всегда: я постоянно открываю для себя новые стили и направления, исследую, пробую

их на вкус. В ночном клубе, где мы с Митей работали, иногда с огромным

удовольствием упражнялся на диджейской аппаратуре. Иногда кажется, что музыка — вся моя жизнь.

— Похоже, у тебя богатый внутренний мир. Ты живой, интересный, позитивный. Это все благодаря музыке?

— Благодаря десяткам книг по позитивной трансформации сознания, которые я прочитал.

— Что?! Ты читаешь эту лабуду?

— Да.

— Думала, что только я их читаю!

— Нет. Мы вдвоём! Хочешь, принесу тебе диски? С музыкой. Там будет несколько направлений и стилей, которые люблю. Ты послушаешь, а потом скажешь, что тебе больше нравится. Слушая чью-то любимую

музыку, ты проникаешь во внутренний мир этого человека. Это безумно увлекательно.

Я слушала его и все больше влюблялась. Казалось, у нас тысячи общих тем и куча времени в запасе! Мы пару раз попили чай вместе, Саша даже поел на ночь, несмотря на мои протесты. При всем своем разгильдяйстве он был поразительно сообразителен и умен. Смешил меня до слез, рассказывая байки и употребляя свои забавные

выражения, не забывал делать комплименты. Казалось, что за один этот разговор по телефону кардинально переменились и я, и мое отношение к жизни. Сашка заряжал своим позитивом и оптимизмом, делился мыслями, облаченными в простые и понятные каждому слова. Покорял своим жизнелюбием.

Я уже лежала под одеялом, как и он, а на часах была половина пятого утра. Уши горели, конечности затекли, когда он вдруг сказал:

— Ты прости меня, принцесса, совсем забыл, что тебе уже сегодня

утром на работу!

— Что, уже наговорился? — Мне совсем не хотелось ни спать, ни

класть трубку.

— Н-е-е-т! Но ты будешь зевать и засыпать на работе. А я буду чувствовать себя виноватым. Давай-ка будем вешать трубки и засыпать.

— Тогда ты клади первый.

— Спокойной ночи!

— И тебе!

И мы, как дети, играли еще минут пять в «положи трубку первым».

— Ну все, уже светает. Сладких снов, моя принцесса!

- Тебе тоже споки-ноки.
- Сладких снов, сексуалочка! Я завтра вечером позвоню, можно?
- Конечно, звони. А когда?
- Ну, в котором часу ты придешь домой?
- Часов в девять-десять. Позвонишь?
- Как нет-то! Позвоню. Тогда до завтра. Пока!
- Пока. Целую... — Но он уже не услышал, в трубке раздавались

короткие гудки.

Вроде как расстроилась, но ненадолго, ведь сердце уже шептало мне

о новом неизведанном чувстве, а разум... К черту разум!

Прошло пять минут, и я уснула в ожидании нового дня с улыбкой на

губах. Я была счастлива, как никогда прежде в жизни!

Сколько?

Сколько уже прошло времени? Сутки? Неделя? Больше?

Столько вопросов, и ни одного ответа. Я снова проваливаюсь в сон, словно в обморок, а когда прихожу в себя, ничего, кроме темноты, вокруг не вижу. Боль в черепе то накатывает, то отступает, то перемещается от глаз к затылку.

Обнаруживаю рядом с железным корытом пластмассовую емкость с жидкостью. Наощупь она похожа на литровый кувшин для подмывания, а внутри плещется что-то затхлое с запахом плесени и ржавчины. Собрав все силы, подтягиваю к животу больные затекшие перебитые ноги и сажусь. Держа правой рукой кувшин и зачерпывая ладошкой левой руки это подобие воды, жадно пью. Даже если эти нечистоты родом из канализации, мне все равно. Оставшимися каплями я умываю лицо или, точнее сказать, размазываю по нему грязь.

Невыносимая духота давит на мозг, джинсы прилипают к ногам — то ли от жары, то ли оттого, что купаюсь в собственной моче. Не могу понять, и мне, по правде, уже все равно. Пытаюсь прогнать страх и дурные мысли, чтобы не утонуть в них.

Думаю о дыхании. Я — часы. Мои мысли — стрелки, они идут по кругу. Страх нет. Вдох-выдох. Тик-так. Тик-так. Какое-то время считаю секунды, складываю их в минуты. На сорок девятой минуте срываюсь. Надоедает. Нужно думать о хорошем.

Сейчас июнь. На улице не так жарко. Почему же здесь такая жара? Да еще и этот отвратительный привкус во рту после воды. Закрываю глаза, в голове возникает картина: тонкое кружевное покрывало из солнечных лучей, пестрые бабочки, кружащие над головой, птички, ткущие приятную мелодию из звонких трелей. Вдалеке — море. Рядом — Мартин, трется своим мокрым носом о мои ноги. Глажу его по шелковистой шерстке, треплю за ухом, прижимаю к себе, а в ответ он благодарно виляет хвостом и тянется, чтобы снова и снова лизнуть меня в лицо.

Весело смеюсь. Так громко, что мой смех звенит над пляжем еще долго, пока, наконец, не оседает невесомой пылью в океане. Целую и прижимаю к себе пса еще сильнее. Легкий ветерок играет моими волосами, нежно прикасается к коже, гладит. Мы еще некоторое время смотрим на неспешное колебание водной глади, потом встаем и по горячему песку бежим к воде.

Открываю глаза.

Темнота. Горячие слезы катятся по щекам, соленой влагой щиплют разбитые губы. Плакать

нельзя. Позвать на помощь? А кого? Некого звать. Он меня не убил, значит,

я нужна ему живой. С какой целью? Должна быть какая-то причина. Совершенно не помню, как этот урод меня схватил и приволок сюда. Кто-то другой, оказавшийся на моем месте, возможно, давно бы погиб от обезвоживания, боли, паники и удушья. Но я сильнее. Со мной вера. Я жива и дышу.

Нужно двигаться. Вытягиваю ноги, тяну носки на себя. Футболка

задирается, и стена царапает голую спину. Сгибаю ноги в коленях. Боль. Это все, что я сейчас чувствую. Растираю ноги. Что-то щекочет шею. Больше не подпрыгиваю, просто медленно поднимаю руку и чешу. Уже не вспоминаю про насекомых, не боюсь их. Пусть заползают, куда хотят. В этом, признаюсь, сдалась.

Но умирать не собираюсь — страшно. Страх в большинстве случаев

помогает человеку избежать смерти. Со мной это тоже работает.

Голова не перестает болеть. Наверное, был сильный ушиб. Отсюда и

потеря памяти. Интересно, меня уже ищут? Наверняка, Митя уже заявил в полицию о моей пропаже. Или Мила. Или мама с папой. Организованы поиски, территорию прочесывают волонтеры, собаки, вертолеты. Интересно, какую фотографию близкие выбрали для объявления о пропаже? Наверняка, одну из тех, где я улыбаюсь, где молода и счастлива, где на лице отражаются только самые приятные эмоции.

Может, эта же фотография будет, перетянутая

черной ленточкой, стоять на моих поминках. И на памятнике на краю кладбища. Стоп. Стоп. Эти мысли вновь заставляют меня поежиться. Нужно постоянно думать о чем-то хорошем, чтобы

отвлекаться от мрачных мыслей. Но это так сложно...

Может, этот урод, который меня похитил, требует у моих родных выкупа? Но у меня ведь ничего нет. Мои родители — не богачи, кроме квартиры и старой ржавой машины, у них нет ничего. Марку я фактически — никто, но думаю, что он мог бы помочь собрать нужную сумму. А, может, и нет. Мне уже не узнать об этом.

Зачем я похитителю? Никаких тайных сведений не знаю -

работаю в ресторане, а не в секретном научном институте. Может, он будет

надо мной издеваться и поочередно отрезать мне части тела? Сначала уши, потом пальцы? Проводить медицинские опыты? Насиловать? А может быть, я его знаю? Но голос... Его голос мне не знаком. И он не носит маску — не боится быть узнаваемым.

По-прежнему ничего не ясно.

Мне нужно выжить, потому что помощь уже может быть близко. Я закрываю глаза и представляю, как

дверь выламывают, как забегают люди, светят на меня фонариком. Вот, уже сейчас я их услышу. Совсем скоро. Еще чуть-чуть. Нужно только дождаться...

Но будет ли Митя меня искать? Кто, вообще, будет? Неожиданно память начинает ко мне возвращаться: яркими вспышками

приходят воспоминания того злосчастного последнего дня... Бедный Митя! Наплевала ему в душу, наговорила ужасных слов, накричала. Картинки в моей голове сменяются одна другой: вот я хлопаю дверь, быстро сбегая по лесенкам, сажусь в машину. Что же дальше? Вспоминай. Вспоминай! И картинки приходят снова.

Дождь. Сильный дождь льет как из ведра. Тяжелые капли прошивают холодными пулями мою одежду насквозь. Прячусь в машину и слушаю его настойчивый стук по крыше, терблюю в руках ключи, вставляю их в зажигание. На улице темно. Мотор рычит, автомобиль с визгом срывается с места. Куда я так быстро еду? Видимо, куда глаза глядят, потому что дороги почти не разбираю.

Останавливаюсь на заправке, захожу внутрь павильона, достаю кошелек и покупаю бутылку спиртного. Зажимаю ее подмышкой, направляюсь к выходу и вдруг сталкиваюсь в дверях

с каким-то колхозником. Тот чуть не сбивает меня с ног.

— Смотри, куда прешь! — Поднимаю выпавшие из рук ключи.

Тихо матерясь, провожаю раздраженным взглядом его удаляющуюся к прилавку спину. Все. Дальше провал. Думай, Ева, думай!

Бегу к машине, сажусь и еду. Видимость плохая, почти нулевая. Дворники работают на предельной скорости, но от этого не становится легче — ничего не видно.

Мокрая одежда липнет к телу, по лицу

градом катятся слезы, всхлипываю отчаянно громко — стесняться некого, я в салоне одна. Завожу автомобиль и еду. Куда? В каком направлении? Ну же! Ну! Пытаюсь хотя бы что-то разглядеть, но фары бессильны перед плотно стоящей перед глазами темной полуночной пеленой и идущим стеной дождем. Понимаю, что нужно остановиться, но еду дальше.

Где я? Какая-то сельская местность, поля, луга, леса. Довольно далеко от города. О боже... Отхлебываю из бутылки, прямо из горла... Снова и снова. Включаю музыку на всю громкость... Пою! Пою и реву. Похоже, у меня истерика.

Вдруг слепит глаза. Что это? Хм. Какой-то козел

пристроился сзади на своей помойке, едет и светит фарами. Я возмущаюсь, мигаю аварийкой и сигналю. Открываю окно и ору ему, чтобы перестал светить мне в задницу. Но он даже днем ничего бы не услышал. На что надеюсь? Господи, да мне же просто хочется умереть. Напрягаю память: шок и жуткий стыд за свое поведение мешают думать.

Давай. Давай, вспоминай! Еще раз: кто-то едет сзади. Судя

по всему, на легковом автомобиле. Я кричу, ругаюсь. Жму педаль газа, немного отрываюсь. Зачем? Фактически лечу на бешеной скорости в никуда.

Нет! Нет! Сама себе не верю: мою машину уже кидает по дороге. Вспоминаю

свой крик. Визг шин. Мокрыми пальцами хватаюсь за руль, пытаюсь вырулить, ударяюсь головой. Машину сносит в кювет, она во что-то с силой ударяется.

Бах! Гулкий хлопок, и прямо мне в лицо впечатывается подушка безопасности. Все происходит за какие-то считанные секунды. У меня шок. Нахожу в себе силы, открываю дверь и выползаю наружу. Темнота. Дождь. Сырость травы. Отталкиваюсь от нее ладонями, встаю и,

запинаясь, плетусь к дороге. Вдали показываются огни. Оборачиваюсь: мою машину хорошо видно, горят габаритные огни. Встаю у края асфальтового покрытия и жду.

Машина приближается, заставляя меня прищуриться.

Наверное, та, что ехала вслед за мной. Радостно машу дрожащими руками. Кричу: «Эй, сюда! Сюда!» Автомобиль снижает скорость и освещает

меня фарами. Видно, что это отечественная «восьмерка» или «девятка».

Откидываю мокрые волосы с лица и отхожу в сторону.

Нет... За что?! Нет! Я слышу, как он давит на газ. Понимаю, что

автомобиль едет на меня, кричу, пытаюсь отскочить, падаю в грязь. Слышу, как он разворачивается. Подо мной холодные мокрые мелкие камни, они хрустят и больно царапают руки. Из последних сил встаю, нужно попытаться убежать.

Свет. Яркий свет. И последнее ощущение: меня обнимает за талию сильным ударом железный капот. Бам! Я, словно тряпичная кукла, делаю оборот в воздухе и безвольно приземляюсь на уже знакомые мне камни. Никакой боли, только падение в бесконечную черную бездну моего сознания.

Вот, значит, как все было. От этого страшного открытия меня трясет.левой рукой обнимаю свои коленки. Слез больше не остается. Меня хотели убить. Специально ехали за мной. И это явно не было случайным наездом, ведь автомобиль отъехал назад, чтобы осуществить свою вторую попытку.

О чем я только думала, когда уехала так далеко от города? Какое

было число? Тридцатое мая. Воскресенье. За полночь. Стало быть, уже как

минимум тридцать первое. Понедельник. Я должна была выйти на работу. Тогда девочки-администраторы в то же утро, наверняка, хватились меня

и позвонили всем моим близким. Бедная мамочка... Она же с ума сойдет! Все будут переживать. А вот Мила точно перевернет весь город вдоль и поперек в поисках меня.

Интересно, что почувствует Саша, когда узнает? Испугается? А Митя? Тем же утром, тридцать первого, должны были найти и мою машину в

кювете. Вернее, папину... Блин. Там же осталась бутылка, и все вероятно решили, что я была пьяна за рулем. Хотя, так и было. Как же стыдно... Из-за этого же, а не из-за дождя я улетела с трассы. Сама во всем виновата. Они, наверное, исследуют следы от шин на асфальте, может, найдут капли моей крови и поймут, что случилось что-то страшное. Или подумают, что я, пьяная, вышла из машины и пошла прогуляться в лес? Тогда будут ждать моего возвращения домой... Сколько же времени пропадет даром...

Нельзя терять веру, даже когда надежды совсем уже нет.

Провожу языком по зубам — они покрыты вязким налетом. Кажется, что во рту все загнило. Сваявшиеся волосы липнут к лицу, кожу неприятно зудит. Мне противно от самой себя.

Я никогда не любила ходить с друзьями в туристические походы именно из-за отсутствия минимальной гигиены и комфорта.

В первый же день начинала чесаться и мечтать о душе с горячей водой и мягким полотенцем. А теперь сижу в этом помещении, пахнущем тленом, и сама выгляжу и воняю не лучше. И выхода нет. Время здесь будто остановилось.

Может, оно и идет, но для кого-то другого.

Кто-то живет, влюбляется, женится, ссорится, мирится, дышит свободой. А

мое время уже, может быть, совсем на исходе. Есть не хочется, пить не хочется. Остается дышать и думать. Строить планы. Нужно

попытаться найти выход отсюда прежде, чем он убьет меня. Прежде, чем

сойду с ума, как заключенный в одиночной камере. Из моих глаз беззвучно

кажутся слезы, пока я, путаясь, повторяю про себя таблицу умножения. Безвыходность тяжелым грузом ложится мне на плечи, густым серым пеплом накрывает меня с головой.

— Ты хотел убить меня, — первое, что я говорю хриплым полусшепотом, когда открывается дверь, — зачем?

Он стоит в проеме, навалившись на дверной косяк и закрывая собой

тонкую полоску света, проникающую из соседнего помещения. Знаю, что

рискую жизнью, затеявая такие разговоры, но решаю ему не грубить, чтобы

не нарваться на жестокость.

— Ты попалась, маленькая сучка, — усмехается эта тварь, пошатываясь.

Судя по запаху, доходящему до меня, он изрядно пьян. В руке у него болтается бутылка.

— Я все вспомнила. Ты ехал за мной. А потом сбил.

— Да. — Довольный смешок.

— Хотел убить?

— Да. — Он делает нетвердый шаг в мою сторону. Его штормит. — Хотел, чтоб ты сдохла, высокомерная сучка.

— Тогда почему я здесь? Почему не убил?

— Быть твоим хозяином гораздо приятнее.

— Нравится держать взаперти?

— И наблюдать. — Его тон дает понять, что он безмерно доволен.

Решаю сменить тактику.

— Я хочу пить. — Можно попробовать еще жалобнее. — Пожалуйста!

Этот урод тихо посмеивается.

— Ты воняешь, — шатаясь, он делает еще один шаг в мою сторону.

Я инстинктивно вскакиваю, преодолевая боль. Сердце стучит так, что закладывает уши.

Вся превращаюсь в страх.

— Все. Пора.

— Что? — От нахлынувшей паники мне хочется орать во все горло. -

Что пора?!

— Идти.

— Куда? — Мой голос превращается в хрип.

— На похороны.

— Нет-нет! Пожалуйста, не надо! — Падаю на колени, готовая на все,

лишь бы не умирать. — Я сделаю все, только не убивай!

— Дура! — Он вынимает ключ, хватая меня за левую руку и надевает

на нее наручник, который отстегивает от батареи.

Меня чуть не выворачивает от внезапной близости с этим жестоким человеком. В нескольких сантиметрах от меня он кажется уже не таким высоким, как тогда, когда нависал надо мной во тьме. От него по-прежнему несет перегаром, потом и дешевым одеколоном. Грубо схватив за руки, он тащит меня за собой к выходу.

— Хотела пить? Сейчас выпьешь. За упокой.

— Прошу, не надо! — Реву и упираюсь ногами, но он явно сильнее.

— За упокой моей матушки. Она уже начинает вонять. Сейчас выкопаем яму, зароем, а потом и выпьем. — Он трясет бутылкой

водки у меня над головой. — Иди!

Послушно следую за ним. При выходе из комнаты свет падает на его лицо. Я вздрагиваю потому, что узнаю его. Это

тот бомжеватого вида колхозник, который столкнулся со мной в дверях на

заправке. Из-за которого я уронила ключи. Которого обматерила.

От следующего его толчка спотыкаюсь обо что-то мягкое и падаю,

чуть не вывернув руки, которые сцеплены наручниками сзади. Боль

пронзает спину и плечи. Поворачиваю голову, и кровь стынет в жилах: прямо подо мной лежит окоченевший, синюшный труп старухи с перекошенным лицом. На ней надеты длинное платье, клетчатый фартук и коричневые колготки с вытянутыми коленями. Начинаю барахтаться, пытаюсь встать, и даже не могу закричать — немею от ужаса.

За спиной мой похититель давится от смеха — ему очень весело.

Безумный, безумный день!

Все бегали, звонили, что-то хотели от меня. Работа кипела, а мне приходилось крутиться, словно белке в колесе. Проведя почти бессонную ночь, я, как ни странно, сегодня великолепно выглядела. И каждую свободную минуту думала о нем...

Появление в моей жизни Саши давало силы выдержать, кажется, любое испытание и без страха смотреть в будущее.

Теперь я видела смысл в своем существовании. Чувствовала себя суперчеловеком, летящим спасти планету от всемирного зла. Единственное, чего мне хотелось весь день — побыстрее закончить дела и стремглав помчаться домой к телефону. Боже, что за окрыляющее чувство!

Утром за завтраком я рассказала Миле обо всем, что узнала о Саше, и, конечно же, выслушала в ответ море критики. Ей не понравилось, что он безработный, а значит, и бестолковый, и бесперспективный. Я и сама это понимала, но почему-то меня несколько это не испугало и не оттолкнуло. Просто Мила еще с ним не общалась, иначе она бы увидела, как этот парень остроумен, как ключом бьет из него жизненная энергия.

Лично мне удалось разглядеть в нем огромный потенциал.

Еще Миле не понравилось, что Сашка не имел прежде серьезных отношений. Рассуждая на эту тему с пеной у рта, подруга даже пролила горячий кофе на брюки, отчего еще громче заголосила и забегала. Она прочитала мне целую лекцию о том, что такие бабники, как он, неспособные чувствовать, еще ни одну женщину не сделали счастливой, и попросила меня пообещать, что я не влюблюсь.

Послушать мудрую подругу, держаться от Саши подальше, а потом всю жизнь корить себя за то, что, быть может, упустила свое счастье и единственную настоящую любовь? Нет, это не для русского человека. Мы не на чужих ошибках учимся, а исключительно на своих. Все равно все по-своему делаем. Не зря столько пословиц сложено на эту тему, так что пока сама не обожгусь — ей не поверю. Мои грабли — хочу и наступаю. При том чувствую, что если не попробую — меня порвет, просто разорвет, как любопытного хомячка!

Милочка, конечно, человек проницательный, она в девяноста девяти процентах случаев бывает права... Но не в этот раз. Теперь все будет по-другому. Я буду счастлива, и знаю это точно.

В обед звонил Митька из больницы, жаловался, что его задницу по семь раз на дню дырявят уколами, грозился сбежать оттуда. Я посочувствовала и обещала на днях навестить. После работы Мила заехала за мной на такси, и мы направились проведать Дашу.

Дашка — это вообще отдельная история. Мы познакомились еще в

школе, но дружбы сразу как-то не вышло. Дело было в третьем классе, хотя все живо в памяти, будто произошло вчера. Не успела я перейти из другой школы, как на новом месте меня тут же измучили издевками и дразнилками.

Дашка сидела справа от меня и на уроках, перегибаясь через парту, изо всех сил дергала меня за волосы. Она была самой крупной и самой наглой девочкой в классе, постоянно устраивала бойкоты и драки.

Я молча терпела все ее нападки. Однажды на уроке старая учительница Анна Ивановна, увидев эти издевательства, не выдержала, вскочила,

да так неловко, что с ее стола повалились все книги...

Она быстрым шагом приблизилась к Дарье и хлопнула ей книжкой по рукам. Дашка ужасно испугалась и пристально уставилась на пожилую преподавательницу. Старушка же, в свою очередь, понимала, что такие забияки по своей природе, как правило, трусливы.

— Зачем ты сейчас обидела Еву?! — Учительница наклонилась, почти

вплотную приблизившись своим носом к Дашкиному.

— Н-н-нет, извините, — глаза Даши округлились от ужаса и наполнились слезами, — я ее не трогала. Дрожащими руками она принялась мять уголок дневника.

— Значит, я лгу? — спросила Анна Ивановна, опустив шею еще ниже.

— Нет-нет! Что вы! — Дашка втянула голову в плечи, чтобы не столкнуться с ее крючковатым носом. На задней парте кто-то тихонько хихикнул.

Анна Ивановна продолжала пристально вглядываться в маленькие

глаза испуганного ребенка:

— Значит, признаешься?

Я сидела еле живая от страха. Мне казалось, что классная комната

сужается, а ее стены наваливаются на мои плечи.

Между тем Дарья еле слышно произнесла:

— Да. — И в ее глазах уже заблестели слезы.

— Признаешься?! Говори громче!

— Да-да. Извините...

Довольная произведенным эффектом, преподавательница вернулась

на свое место:

— Решись дома все задачи из новой главы. Принесешь завтра.

И пусть еще хоть кто-нибудь из вас посмеет отвлекаться на моих уроках!

Наказание будет еще хуже. И, чуть не забыла — я вызываю твоих родителей в школу. А теперь записываем тему...

Анна Ивановна нагнулась, собрала упавшие учебники и, как ни в чем не бывало, продолжила занятие.

Когда прозвенел звонок, я неторопливо встала, забрала пальто из раздевалки, надела. Так же медленно вышла из школы и поплелась домой. За углом я заметила Дашу в окружении ее подружек. Их было четверо. Они, переглядывались и весело смеялись. Я, вся вспотевшая, шла в их сторону, как на эшафот.

Сглотнула слюну и ускорила шаг. В моей голове крутились картинки о том, как эти четверо буду пинать меня ногами. Решив не сдаваться, подняла повыше свой старый розовый зонт.

Девочки удивленно переглянулись. Даша принялась переминаться с ноги на ногу, не в силах скрыть своего волнения.

— Меня ждете? Ну, говори, ты, что тебе от меня нужно? — Я сказала это громко, намеренно высоко задрав нос.

— Тебе несдобровать! — К Дашке быстро вернулось самообладание, ее лицо пылало.

— Давай, бей! — Я сплюнула на траву.

Девочки безмолвно смотрели на мой искривленный рот и ржавый

зонт, который застыл в моих руках, словно шпага. Они даже испуганно отошли на шаг назад, и тут Дашкина уверенность тоже явно поколебалась.

— Сейчас ты получишь! — В ее голосе чувствовались неуверенность и тревога, возрастающие с каждой секундой. Она напряглась для рывка, явно ожидая дать мне хорошую взбучку.

В следующее мгновение, не дав ей опомниться, я со всего размаху огрела девчонку зонтом по голове. Она грохнулась прямо в лужу. Не дожидаясь, пока маленькое чудовище успеет подняться, отбросила в сторону свой портфель и изо всех сил вцепилась в ее темные длинные волосы. Дашка, в шоке от случившегося, завопила на всю улицу, отчего ее подруги тотчас бросились врассыпную.

Оттолкнув Дашу от себя, я, тяжело дыша, наблюдала, как она барахтается в луже, пытаюсь встать. Все мое существо ликовало. Теперь все узнают, чего я стою! Никто больше не посмеет меня тронуть! Дашка подняла голову и одарила меня тяжелым взглядом униженного

и проигравшего. Мне стало безумно жалко ее, все-таки по своей природе я

была добрым человеком. Наклонилась, чтобы помочь ей встать, и она неохотно протянула руку.

Так было положено начало большой дружбе. Несмотря на множество

Дашкиных недостатков, мне было легко с ней общаться. Существовавшие

в ее характере минусы перекрывали большие жирные плюсы: искренность,

чувство юмора, любознательность, оптимизм. В тот день я проводила ее домой, помогла почистить одежду. А потом всю неделю оставалась с ней после уроков, помогая мыть полы в классе.

Вот так мы и шли по жизни рука об руку до сегодняшнего дня. Всем,

кто видит Дарью в первый раз, кажется, что она высокомерная и необоснованно пафосная. Но это верно лишь отчасти. Просто она избалованна и до сих пор витает в облаках. Ее доброта не лежит на поверхности, как у Милы, она спрятана глубоко внутри и дает о себе знать только в самый необходимый момент. В общем, к Даше нужно привыкать. Милка же привыкла!

Дарья открыла нам дверь, мокрая и завернутая в махровое полотенце. Сказала, чтобы мы проходили, и, шлепая мокрыми ногами по полу, скрылась в ванной. Она жила с родителями, и ее это очень даже устраивало, потому что мама с папой полностью обеспечивали молодую ленивую красотку.

Отучившись в университете, Дашка выучилась на парикмахера-стилиста и сейчас уже проходила практику в салоне. Догадываюсь, что все это она проделала только для того, чтобы не искать работу по профессии, а может быть, действительно видела свое призвание именно в этом. Не знаю.

Мы прошли в ее комнату и охнули: в помещении царил ужасный бардак. Хотя... ничего необычного. На расправленной кровати лежала гора разных тряпок. Тут была и дорогая одежда, скомканная и мятая, и грязное нижнее белье. Мила растерянно покачала головой, раздумывая, куда бы присесть. Тыльной стороной ладони отодвинула от себя Дашкины скомканные трусики и присела на краешек простыни.

Я отвернулась, чтобы меня ненароком не вырвало.

Наша Дарья никогда не знала, что такое порядок. Ее мать всегда была

чистоплотной женщиной и хорошей мудрой хозяйкой, поэтому часто ревела от непослушания дочери, стыдилась грязи в ее комнате и закрывала помещение на ключ, когда приходили гости. В отношении уборки Дашка была просто непробиваема! На нее не действовали упреки, а чувство стыда было совершенно чуждым. В то время, как я старалась угодить своим родителям, быть для них предметом гордости, она своим предкам делала все только наперекор.

Моя подруга всегда действовала по принципу: «Думаете, что я буду

такой, какой вы все хотите меня видеть? Да ни за что. Буду делать только

так, как хочется мне!» Поэтому она всегда спала до обеда, а просыпаясь,

еще часик валялась в постели, болтая в соцсетях или копаясь в ноутбуке. Потом Дашка не спеша вставала, завтракала, оставляя после себя на столе крошки и грязные чашки, принимала ванну и, наконец, после этого в течение двух часов накладывала на лицо макияж, состоящий примерно из двух килограммов штукатурки.

Такую женщину и полюбил мой Митька... Я всегда с жалостью представляла того несчастного, кому в жены достанется наша Даша. Думала, что ее благоверный будет голодать и задыхаться в пыли, пока она часами наводит марафет. Если подружка, как и мечтает, найдет богатого мужчину, который наймет для нее штат прислуги, ей очень повезет. Хотя и в этом случае, уверена, она найдет тысячу способов, чтобы не дать мужу заскучать!

Мы с Милой сидели, переглядываясь, и понимали друг друга без слов. По ее круглым глазам, устремленным на слой пыли на рабочем столе, я поняла, что она тоже не приемлет такой среды проживания.

На туалетном столике у Даши стояло пластиковое ведро с мусором,

огрызками и использованными ватными тампонами, которое ужасно воняло.

Рядом — сотни коробочек и тюбиков с косметикой, словно, она — профессиональный визажист. На полу валялись туфли, сумки, колготки и фантики от конфет.

Я дотянулась до шкафчика в рабочем столе и вопросительно мотнула головой, предлагая Миле угадать, что там. Мила беззвучно прыснула со

смеху и пожала плечами. Потянула за дверцу: внутри лежала груда пустой

грязной посуды, которая явно копилась тут месяцами, пустые бутылки из-под пива, недоеденные кусочки пирожков и всевозможные обертки. Скривив

лицо, Милка дотянулась и захлопнула дверцу за меня.

Ни одна из нас не стала бы делать Дарье замечания, понимая, что это бесполезно. Мы рисковали выслушать лекцию грубым тоном о том, как не стоит совать нос в чужую жизнь. Или того хуже, могли услышать, что это не бардак, а творческий беспорядок! Дашка никак не хотела взрослеть.

Я считала, что она выбрала заведомо неправильный путь. У нее, кроме

нас, были еще две подруги, расфуфыренные оторвы, с которыми она шлялась по сомнительным значным местам, покуривала, выпивала и оттягивалась

на дискотеках, пытаясь найти мужика побогаче. В общем, такие же прожигательницы жизни.

Как дети, бросающие вызов обществу, они любили фотографироваться пьяными с бутылкой пива или коньяка, купленного на мамины деньги, и с сигаретой в зубах. Главное, в клубе подороже, куда тяжело было попасть простым смертным. Потом им нравилось долго обсасывать подробности похода в комментариях в различных социальных сетях. На самом деле эти действия лишь создавали им имидж веселых, разбитных и легкодоступных телочек. Именно телочек. Которых мужчины избегают, имея желание создать серьезные отношения.

Свою будущую жену многие представители сильного пола мечтают видеть гордой, сексуальной, но недоступной. Открытой, доброй, манящей, но загадочной. Молодой, полной сил, здоровья, но уже состоявшейся в профессиональном плане. Нехилые запросы! И мало кто захочет взять на себя ответственность по перевоспитанию молодой безбашенной оторвы, жаждущей попробовать все и пьющей жизнь жадными глотками.

— До меня только что дошло, чем здесь так воняет... — Мила наклонилась ко мне и произнесла это шепотом.

— Этим ведром? — Я, поморщилась, указав ей на столик.

— Нет, — она показала пальчиком под кровать, — никогда не могла и

подумать, что женские носки могут так вонять.

— Ой-ей! — Я наклонилась и резко отшатнулась: в нос ударил

резкий запах мышинового помета, явно исходящий от Дашкиных носков.

— Всегда думала, что только мужики на это способны...

— Милочка, подтолкни их ногой подальше под кровать, пожалуйста!

— Тогда мои носки все будут в пыли!

— Фу, тогда, пожалуй, открою окно. — Я встала и распахнула форточку.

— И здесь, в этом свинарнике, рождается Дашкина красота?

— Митя даже вообразить себе не может, даже не догадывается, с какой неряхой он встречался!

— Кому скажешь — не поверят, — Милка засмеялась и втянула шею,

услышав, как открылась дверь ванной.

Даша, в халате и с полотенцем на голове, огибая препятствия из разбросанной одежды, впорхнула в комнату. Без косметики она выглядела совершенно по-иному: глазки-пуговицы, красные язвочки на лбу, припухлый вздернутый нос, тонкие брови-ниточки. При отсутствии явной природной красоты она всегда сражала мужчин наповал красотой нарисованной и длинными стройными ногами. Не мешало ей даже почти полное отсутствие груди. Что уж тут говорить: Даша при полном параде всегда была утонченно красива, абсолютно роскошна, изысканна и сексуальна. Мы безнадежно проигрывали и откровенно меркли в лучах

ее красоты.

— Ну, как дела? Рассказывайте! — Она натянула трусики и топ, скинув мокрый халат прямо поверх горы с одеждой.

— Ева без ума от старого друга Мити! А я вот доживаю свой век в одиночестве. — Милка явно была довольна тем, что поддела

меня.

— Все нормально. Зашли тебя проведать, а то совсем ты потерялась, — вступила я в разговор. — Потеря потерь! Ну, вы даете! Я не потерялась. Просто такого парня встретила! У-ух! — Дашка сцепила руки в замочек и мечтательно закатила глаза. — Прямо на улице. Сам со мной познакомился. Я шла в магазин, а тут он ко мне подкатывает. На своей «Audi»!

— И «Audi» решила все!

— Ну и что! Я этого и не скрываю. Он — директор страхового агентства. Жутко милый. И блондинистый. Все, как для меня! — Подняла глаза к небу. — Спасибо, Господи, ты услышал мои скромные молитвы! Спасибо тебе!

— А дальше что? — Мила неодобрительно покачала головой.

— А дальше мы провели вместе все выходные. — Дашка в восторге

раскинула руки и с размаху упала прямо на груды одежды. — Он выполнял все мои капризы, водил в рестораны, катал на аттракционах. Кеша подарил мне огромный букет роз и незабываемый поцелуй.

— Кеша?! Иннокентий, стало быть? — От смеха я стукнулась лбом о

свои коленки.

— Ха-ха-ха! Даша! И Кеша! Чтоб мне сдохнуть! Хи-хи-хи! Даша и

Кеша! — Мила упала рядом с Дашкой и, держась за живот, начала кататься со смеху.

Дашка села, закинула ногу на ногу и, улыбаясь, подождала, когда мы прекратим смеяться. Ее щеки тронул легкий румянец. Пока Милка, смеясь, вытирала со щек растекшуюся от слез тушь для ресниц, Даша, надув губы, аккуратно расчесывала мокрые волосы.

— Значит, у тебя новая любовь? — Я выпрямилась на стуле.

— Однозначно. И на этот раз все серьезно! — Кивнула Дарья. — Может, я за него еще и замуж выйду.

— А как же Митя? Он сказал Еве, что звонил тебе позавчера. — Руки

Милы уперлись в бока.

— Звонил. — Дашка нахмурилась, театрально задрал нос. Села к

зеркалу и медленно начала наносить тон. — Поговорили, и все.

— Ты обещала с ним встретиться... — Мила внимательно следила за

тем, как она, глубоко вдохнув, положила большую кисть для пудры на столик

и нервно забарабанила пальчиками по пыльной поверхности.

— Девочки! Ради бога! Неужели мы все еще не закрыли этот вопрос? Я согласилась на дружескую встречу. Просто дружескую. И только потому,

что не могла обидеть его грубым отказом!

— Даша! Но ты же знаешь, что для него это значит?! — Я продолжала вглядываться в ее глаза с надеждой.

— Ева, — Дашка отвернулась к зеркалу и принялась остервенело пудрить лицо, — хватит меня толкать в объятия своего милого дружка! Ты желаешь ему счастья, я понимаю, но меня-то ты любишь? Если да,

то пожелай счастья и мне! У Мити был шанс! Был! Ничего не вышло! Все!

Финита ля комедия!

— Даш, ну почему так? — Мила перебирала ногами по ковру, печально опустив голову. — Все потому, что он не сказочно богат?

— Только не надо меня считать бесчувственным, меркантильным чудовищем, ладно?! — Дарья резко повернулась к нам. Даже толстый слой пудры не мог скрыть яркого румянца на ее щеках. — Мила! — Посмотрела на меня. — Ева! Как так?! Поймите же меня! Не любила я его никогда! Даже искорки не было!

Она встала и зашагала по комнате, размахивая руками так, что нам

стало стыдно:

— Знаете ли вы, что такое любить?! Ждать человека, думать о нем?

Когда сердце бьется, как безумное! Когда захватывает дух! Когда ты не можешь жить без него, его смеха, манящего запаха! Когда все готова отдать за то, чтобы быть рядом! — Даша подошла к окну и провела рукой по стеклу. — Я старалась... Видела, что он чувствует ко мне. Но не смогла почувствовать ничего большего, кроме симпатии. Нельзя себя заставить любить, так

же как нельзя противиться любви. Он смотрел мне в глаза так восхищенно, будто преданный пес, пылинки с меня сдувал. А с женщиной нельзя так

себя вести! Ей обязательно надоест. Мне было скучно с ним...

— Скучно? — Произнесла Мила.

— Да. Тупо скучно, поймите. Он редко брал меня с собой куда-то, проводил все время с друзьями. В том числе с тобой, Ева. Он в любом случае всегда будет с тобой, поддержит именно тебя! Да, он всегда будет любить тебя сильнее! Тяжело встречаться с мужчиной, у которого есть женщина-друг. Постоянная ревность душит и сжирает тебя изнутри. Проще отступить, и пусть себе дружат, сколько им влезет! Приятно, когда есть такой преданный поклонник. Но... Я так и не

смогла его полюбить, как ни пыталась... — Даша закрыла лицо руками. — Простите меня! Но не заставляйте... Все равно ничего не выйдет...

Мы соскочили со своих мест и бросились к ней. Обняв подругу с двух сторон, тоже прослезились. Я всхлипывала и понимала, что, как бы ни хотела

счастья им с Митей, у каждого из них — своя правда, у каждого — свой путь

в этой жизни.

Следующий час, пока Дарья красилась и одевалась, мы провели в ее

комнате за перелистыванием модных журналов и каталогов одежды, весело

смеялись и говорили обо всем на свете. Я то и дело поглядывала на часы,

боясь опоздать домой.

— Все, девочки, Кеша приехал. Дружно выходим. Увидите его, упадете

от зависти! Пойдемте, познакомлю, и мы отвезем вас домой. — Даша надушилась и

побежала в коридор чистить обувь. Такова уж ее природа: лучше она опоздает, чем выйдет, не накрасившись или в грязной обуви.

Выглядела наша подружка после своих часовых затяжных косметических процедур просто сногшибательно. Лицо, как у куколки. Одета с иголочки. Все украшения из шкатулки

сегодня были на ней, по колечку на каждом пальчике. А волосы — те просто великолепны: сверкая в лучах света, переливаясь, мягкими волнами струились по спине до самой поясницы, а на макушке их венчала изысканная заколка, инкрустированная драгоценными камушками. Настоящая, блин, русалка. Или модель! Куда уж тут нам с нашей тухлой природной красотой, как говорится!

Зато мой мужчина, проснувшись рядом со мной утром, уж точно неприятно не удивится. Подумав об этом, я посмеялась про себя. Увидев, как

Милка улыбается, догадалась, что она думает о том же. Дарья небрежно толкнула дверь и вышла, покачивая бедрами. Мы поспешили

за ней, словно серая неуклюжая свита.

У подъезда уже ожидала черная «Audi». При нашем появлении из нее выскочил высокий худощавый блондин и, галантно открыв дверцу пассажирского сидения, усадил туда Дарью. Потом заметил нас и пригласил занять заднее сиденье. Мы с Милой переглянулись. Нет, Кеша не был тем блондином, какого вы можете себе представить, не светло-русый. Он был настоящим снежно-белым блондином с полупрозрачными холодными мутно-голубыми глазами, прозрачными бровями и пушистыми волосами.

— Альбинос! — Шепнула я Миле на ухо.

— Снежок! — Хихикнула она мне в ответ.

— Сметана-шалунишка! — Тихо произнесла я, и мы обе чуть не подавились со смеху.

— Девочки, это Кеша! — Наконец, решила представить нас Даша. — Кеша, это Мила, а это Ева. Мои подруги. Будьте знакомы.

— Очень приятно познакомиться с такими красавицами! — Сказал

Кеша заискивающе, вялым голосом труса и подкаблучника, старательно изображая довольную улыбку.

— И нам тоже. Да, — вторя друг другу, произнесли мы.

— Иннокентий, — я обратилась к нему слегка иронично, — вы так

обходительны! Так мало осталось в России джентльменов, знаете ли. Мне

никто уже сто лет не открывал дверцу автомобиля.

— Ну-у, понимаешь. — Теперь он выглядел смущенно. — Даша приучает меня к хорошему тону. Это она так захотела, чтобы я при всех соседях ее как королеву усаживал. А

мне приятно самому тоже, когда красивые жесты делаешь.

— Всем-то не рассказывай, — проворчала Дашка.

Вот оно что. Мы с Милой переглянулись. Хороший кавалер, быстро Дашка его в оборот взяла. Но что-то говор его уж

больно слух режет.

— Вот сейчас поедем, Дарье моей телефон новый возьмем, а то старый-

то она уронила, когда мы на каруселях катались. И он разбился. Случайно,

из-за того, что я ее смешил. Виноват и вину хочу искупить. Понимаешь?

— Какая нелепая случайность! Ой-ой! Бедная Даша! — Мила показала мне вытянутый кверху большой палец правой руки — жест, означающий, что просто супер наша подруга все обставила.

— Очень красивый жест. — Проворковала я. — Вы, Кеша, молодец. Как же нашей Дашеньке с вами повезло!

Выйдя у своего подъезда, мы помахали Даше на прощание, а поднимаясь на лифте, поделились друг с другом впечатлениями о том, что же

все-таки такого Дарья в нем могла найти. И пришли к иронично-банальному выводу, что, наверное, человек он хороший. Вот так, под веселый гогот, мы и

завалились к себе в квартиру. Мила сразу бросилась в объятия к коту, а я,

потрепав вышеназванного за загривок, проследовала к заветному телефону

с целью проконтролировать его рабочее состояние. Уж больно мне не терпелось услышать заветное:

— Мама миа! Привет, моя принцесса!

Сашка позвонил, как и обещал, в десять вечера, и мы, наслаждаясь

общением, опять проговорили до самого утра. Засыпая с первыми лучами весеннего солнца, я благодарила вселенную за то, что наконец-то так счастлива!

— Марик, привет! — Я прижала к уху телефон и качнулась в рабочем кресле.

— Привет, сладкий! — Промурлыкал он, точно кот. Начальник явно пребывал в хорошем расположении духа.

— Не занят?

— Нет. Говори. Что-то случилось?

— Все хорошо.

— А то ты пропала, не звонишь.

— Успел соскучиться?

— Конечно!

Эта его реплика заставила меня улыбнуться.

— Вообще-то есть кое-какие вопросы по работе, — призналась я, — но они не срочные. Хотела спросить твоего совета как-нибудь при личной встрече.

— Спросишь. В пятницу съездим с тобой на переговоры, там и обсудим. Заеду за тобой в одиннадцать. Идет?

— Договорились. Как дела дома? Как дочь?

— Растет и радуется папку. — Его голос, полный гордости, вдруг стал серьезным. — А с Юлей ругаюсь постоянно. Устал уже.

— Она просто хочет, чтобы муж ее любил и чаще бывал дома, а ты каждые выходные сваливаешь, чтобы погулять.

— Неправда. Просто она нервная и истеричная баба.

— Ну, кому ты рассказываешь, Марк. Я знаю тебя лучше многих других. И ее понимаю не хуже. Ты — не сахар, признай уже это.

— У нее есть все. Должна быть довольна.

— Она отовсюду слышит, что ты развлекаешься с разными бабами. И прекрасно знает, с какими людьми ты общаешься. Приходишь домой пьяный с расцарапанной спиной, воняющий духами. Чем тут быть довольной?

— Да давно уже нет такого. Я хорошо себя веду. И Юля получает все

самое лучшее.

— Только вот дело в том, что женщина не хочет быть лучшей, Марик.

Она хочет быть единственной. Нам мало получать все самое лучшее — уж мне ли, как женщине, не знать.

— Она счастлива. — Сказал, как отрезал. Кажется, его ничто не прошибет.

— Да я повесилась бы от такого счастья!

— Дурка моя! Жаба! Хватит, не ругайся. — Засмеялся Марк. — Я же тебя

люблю!

— Ну-ну. Где-то я это уже слышала. — Оттолкнулась на кресле, покатила и чуть не уронила телефон со стола. Поймала аппарат буквально в последнюю секунду. — Друг ты мой любезный.

— Ев, ты у меня самый дорогой человечек на земле...

Такой знакомый до боли голос, теперь он не вызывал во мне никаких чувств.

— Хороший мой, самый дорогой человечек, у тебя — дочь. — Произнесла я тихо. — Не забывай об этом. Дай ей все лучшее, что только сможешь. А тетя Ева сама как-нибудь справится.

Марк прокашлялся.

— Тоже верно. Поеду я сейчас на обед домой, повидаюсь с ней.

— Вот молодец! Тогда до пятницы.

— Пока, Буся.

Усмехнулась про себя и ответила:

— Целую. Пока.

Положила трубку с радостным осознанием того, что, наконец, освободилась от этого человека. Его голос уже не заставлял меня трепетать. А воспоминания не заставляли жалеть об упущенных возможностях и

былых чувствах. Теперь я просыпалась лишь с одним мужским именем на

устах. Мои мысли возвращались к Саше каждые пять минут. Думая о нем, я

улыбалась, а моя душа пела и летела над землей. За эти два дня телефонных разговоров мне удалось узнать о нем, казалось, все, что можно.

А о себе еще больше. Каждый день во мне открывались новые грани красоты: чаще стала любоваться своим отражением в зеркале, с большей долей щепетильности выбирала наряды и белье, принимая душ, ублажала себя гелями и ароматическими маслами и дольше обычного укладывала свои длинные волосы. Каждое новое утро теперь начиналось с улыбки, с хорошего настроения. А уж весна за окном казалась еще краше.

Саша каким-то невероятным образом умудрялся заряжать меня своим оптимизмом, дарил позитив, осыпал комплиментами и ласковыми словами. Я чувствовала в каждом его слове огромную заботу и трепетное отношение к себе. Мы ничего не говорили о чувствах, о нашем будущем, о том, будем ли мы встречаться. Нам все как будто и так было ясно без слов, и совсем не хотелось торопиться. Шестое чувство подсказывало, что нужно дать ему возможность меня завоевать, поэтому приходилось делать над собой усилия, чтобы не форсировать события и никак на них не влиять.

Я разговаривала с поставщиками по телефону, когда в дверь моего

кабинета неожиданно постучали. Через пару секунд на пороге, придерживая дверь, показался он. Смущенный, Сашка стоял и переминался с ноги на ногу.

В это мгновение мое давление подскочило, наверное, до предела, кровь отчаянно запульсировала в висках, угрожая прорвать кожу и выплеснуться наружу.

Первым желанием, возникшим в голове, было немедленно посмотреться в зеркало и поправить волосы. Еле сдержалась. Жестом показала парню, что он может войти и присесть, затем продолжила разговор. Автоматически согласившись с собеседником, осознала, что ничего, кроме биения собственного сердца, уже не слышу. Выпрямилась, поправила юбку.

Саша прошел в кабинет, притворил за собой дверь и жестом дал

понять, что подождет, пока я не наговорюсь. Невозможно было оторвать от него глаз: модная куртка, сидящие по фигуре джинсы, отличная обувь, красивая уверенная походка в купе с очаровательной улыбкой, кажущейся уже такой родной и знакомой. А глаза! Они у него такие! Нельзя было вот так просто смотреть в эти потрясающие, полные сияния гиацинты, залитые всеми оттенками коричневого и черного — риск лишиться остатков разума возрастал в сотни раз. Они как неизведанные миру галактики — готовы были поглотить меня полностью. Звали, манили своей глубиной.

Саша принялся медленно обходить кабинет: не спеша разглядывал фотографии сотрудников на стенах, читал забавные подписи к фото. Я продолжала разговаривать по телефону, не отрывая от него взгляда и чувствуя себя воздушным шариком, поднимающимся к потолку и готовым вот-вот лопнуть. Стоило только нашим взглядам встретиться, по моему позвоночнику неминуемо пробежал ток. Хвала небесам, в руке все еще была трубка телефона — спасательный круг, схватившись за который можно было сколь угодно долго сидеть с умным видом и пытаться усмирить стучащее молотом сердце в груди.

Я прыснула со смеху, когда он вдруг взял с полки шкафа поварской колпак, надел и попытался принять позу, как у Мити на фотографии. Сашка двигался, как Митя, копировал его походку и даже сделал пару танцевальных движений. Мне еле удалось сдержаться, чтобы не рассмеяться прямо в трубку. Было заметно, что парень ужасно нервничает, стесняется, но пытается бороться со своим смущением. Это было так мило! Наконец, Сашка присел на стул и уставился на меня.

Его глаза излучали какое-то необыкновенное добро и тепло, а лицо в тот момент показалось мне практически совершенным. Каких-то десять секунд мы смотрели друг на друга, не отрываясь, но эти мгновения стали самым трудным испытанием в моей жизни. Удивительно. Желудок от страха сжался в комочек, коленки затряслись, а по моему лицу назло всему происходящему расплылась глупая улыбка. Парню, сидящему напротив, казалось, хотелось встать и убежать от такого взгляда. Ну, или хотя бы отвернуться, лишь бы никто не заметил, как густо он краснеет. И это было чертовски мило. Самая милая и щемящая душу картинка из тех, что мне когда-либо доводилось видеть.

Пришлось сделать серьезное выражение лица, взять карандаш и

перевести взгляд на его руки. Мой собеседник в трубке продолжал что-то

тараторить. Я делала вид, что ставлю заметки на полях документа, а сама

глазела на пальцы Саши, один из которых украшало простенькое серебряное колечко из

церкви с начертанной на нем православной молитвой, такое же, как дарила мне когда-то в детстве мама. Чуть выше на запястье заметила серебряный браслет. Простой, скромный, местами слегка потускневший.

Никогда бы не подумала, что мужчинам могут так подходить украшения. Недорогие, они все смотрелись на нем модно и стильно.

Мой взгляд скользнул выше по руке и случайно наткнулся на родинку, довольно большую, примерно с ноготь моего пальца, с редкими волосинками на поверхности. Раньше ничего, кроме отвращения, такое зрелище у меня бы не вызвало, но в тот самый момент я поняла, что люблю этого человека таким, каким его создала природа, со всеми его недостатками. Люблю эту страшенькую волосатую родинку, эти глаза, эти темные волосы, сильные руки. Люблю его всего без остатка, хочу быть с ним.

Он весь мой. Такой родной, близкий сердцу. Он — тот, кого я готова принять в свою душу. В этот момент я пропала, раз и навсегда.

Саша, словно перехватив мой взгляд, стыдливо одернул рукав куртки.

Видимо, стеснялся этой части своего тела. Я попрощалась с собеседником и положила трубку.

— Привет. — Парень заерзал на стуле.

Сглотнула, выдохнула, подняла на него глаза:

— Привет.

И в воздухе повисла неловкая пауза.

— Я так тебя стесняюсь, — неожиданно выдавил Саша, — что у меня даже ладошки потеют. Сам не понимаю, что со мной.

— Хочешь... чаю или кофе? — Смущенно улыбнулась я.

Опять пауза. Разговор явно не клеился. Между нами буквально трещало сумасшедшее электричество.

— Нет, спасибо, мне уже нужно бежать. — Он достал телефон и флеш-карту. — Митя ждет меня в больнице, названивает каждые пять минут. Я просто принес тебе музыку, как обещал.

— Ух ты, здорово! — Я фальшиво беззаботно затрясла головой.

— В каждой папке музыка разных стилей. — Протянул мне карту памяти. — Моя любимая музыка. Пусть это будет экспериментом. Хочется узнать, что тебе больше понравится.

Взяла с его ладони флешку, положила перед собой:

— Спасибо большущее.

Он спрятал руки в карманы джинсов:

— Пожалуйста.

Только дурак бы не заметил, что парень никак не может взять себя в руки и стесняется меня еще сильнее прежнего.

— Мне пора... — Он облизнул губы. — Я побегу.

— Ну, давай, пока...

Мы оба соскочили со стульев, во всей своей неловкости напоминая

двух бегемотов.

— А можно тебя обнять в знак благодарности? — Сказала вдруг я, протянув к нему руки. Сама себя испугалась, но желание пойти ва-банк не дало мне возможности обдумать эту идиотскую выходку прежде, чем осуществить. Вот же дура! И зачем я такая дура?

Пока он подходил ко мне, я зачем-то опустила руки, потом отчего-то

снова подняла их. В это время Саша сделал неловкий шаг вперед, потом назад, потом опять вперед. Мы напоминали двух паралитиков. Театр абсурда. Цирк уехал, клоуны остались...

Все-таки едва обнявшись, мы резко отпрыгнули друг от друга, будто ошпаренные. Две натянутые испуганные улыбки, взмах руки на прощание, закрытая дверь...

Что? Это? Было?

Когда он вышел, я попыталась прийти в себя. То же самое, уверена, сделал и он. Тяжело было дышать, лицо горело огнем. Открыла окно, встала за штору, стараясь незаметно подглядеть, как Саша уходит. Краешком глаза мне даже удалось запечатлеть его ускоряющиеся шаги по тротуару

прочь от ресторана. Я прижалась к стене и отпила минералки из стакана.

Никуда он не торопился, это было ясно, просто иначе нельзя было дальше выносить то напряжение, которое возникало между нами при каждой встрече. Тот накал эмоций, заставлявший в бешеном ритме стучать наши сердца. Это вам не телефонный разговор, это личный контакт. Буря эмоций...

Уже через секунду мое тревожное состояние сменилось неумемной радостью от состоявшейся встречи. Сжала кулаки, покачала головой, а потом просто и без стеснения пустилась в ритуальный танец. Прыгала, топала, подвизгивала, хлопая в ладоши. Ощущение счастья так и рвалось из меня наружу. Хотелось говорить о нем, рассказывать окружающим, делиться своей радостью со всем миром.

Хотелось видеть Сашу еще и еще! Каждый день! И всю жизнь видеть только его рядом!

В тот миг для меня умерли, наверное, все мужчины этой планеты. Никто и никогда так не был интересен мне, как он. Никого мне так не хотелось раньше, как его. Да ради Сашки я готова

была отказаться от всех благ, друзей, от всего. Лишь бы быть рядом. Сумасшествие какое-то! Химия, безумие, колдовство! А самое главное, что у нас это было взаимно. Это чувствовалось мной, и это легко читалось и в его глазах. Какие-то несколько дней смогли перевернуть всю мою жизнь. Поразительно...

— Я тебя, наверное, уже люблю, — тихо произнесла, глядя в окно. Затем пошла на кухню, соорудила себе нехитрый перекус. Притащив его к себе в кабинет, удобнее устроилась в кресле, включила флешку и погрузилась в Его мир. В мир его музыки. Никогда раньше не

замечала, что музыка может оказывать такое воздействие. Полчаса, глядя в окно, как под гипнозом слушала льющийся из динамиков поток живительной энергии, потом встала и начала танцевать, петь, смеяться. Вот где было счастье, будто текущее по венам, вот где было то настроение, о котором он говорил, описывая магию музыки. Вот где пряталась настоящая жизнь.

Когда устала прыгать одна под эти дивные звуки, схватила диск и

побежала из кабинета, сопровождаемая удивленными взглядами сотрудников. Через час эта музыка играла уже на всю кухню ресторана. Еще через десять минут все повара, пританцовывая и улыбаясь, со смехом колдовали у плиты. Работа спорилась, я стояла в дверном проеме и, довольная, наблюдала за этим действием.

Знаками ребята показывали, что им нравится этот маленький праздник, который подарили им посреди рабочего дня. Даже официанты с подносами лавировали между проходов, пританцовывая и подмигивая мне.

Так я узнала, что такое funk. Целый мир позитива, заключенного в ноты, звуки, слова.

Так моя жизнь изменилась. Так в нее пришла любовь.

На углу стояла пара машин такси, но я решила пройтись пешком. Небо начинали затягивать серые тучки, но солнце по-прежнему старательно согревало уютный весенний город. Пересчитывая камешки на мостовой и кутаясь в светлое пальтишко, я шла вприпрыжку и вдыхала свежий прохладный воздух. Под мышкой — сумка с зонтиком, в ушах — плеер: все это делало окружающий мир добрым и каким-то гостеприимным.

Через десять минут с неба закапало. Открыла зонтик и продолжила идти, широко улыбаясь прохожим. Хотелось просто петь, радоваться свободе, слушать, как дождь барабанит по зонтику, скатываясь крупными каплями на полы моего пальто. Проезжающие автомобили будто специально старались меня обрызгать, приходилось отпрыгивать с веселым визгом, грозить им кулаком, а потом идти дальше, отстукивая каблучками сапог милую сердцу мелодию.

— Есенина! О, Есенина! — Митя широко раскинул руки и заключил меня в объятия.

Двухместная палата, на пороге которой я стояла, находилась в конце коридора урологического отделения больницы и представляла собой обшарпанную коробку с голыми стенами, у которых сиротливо стояли две койки. В помещении ощущался стойкий запах лекарств и химикатов. На койке слева лежал симпатичный загорелый молодой человек в пижаме в горошек, Митя, бледный и помятый, в синем халате в цветочек, судя по всему, занимал койку справа.

— Да я это, я! Чего орешь? Сейчас весь персонал сбежится. — Я похлопала его по спине, повесила сумку на спинку стула, улыбнулась и села на матрац, который тут же провалился подо мной чуть не до пола, одновременно впившись в задницу чем-то железным. — Ой, что это?

— Моя кровать.

— Какая хищная, чуть половину попы мне не отгрызла. Как же ты спишь на этом, мой

цветастый дружок?

— спине уже кранты, всю ночь лежу, как в яме. Зато знаешь что?

— Что?

— Меня здесь так вкусно кормят!

— Правда? — Посмотрела на него ошарашенно.

И тут они вместе со своим соседом дико заржали.

— Понятно. Я так и знала. Смеешься, значит, надо мной. — Достав из сумки объемный сверток, протянула псевдобольному. — Вот, Наташа тебе завернула из сегодняшнего меню кое-что перекусить.

— М-м-м, спасибо! Кстати, знакомься, это Влад, — он указал на

своего загорелого темноволосого соседа, — если бы не он, я бы тут сдох, наверное, от скуки. Один нормальный человек, все остальные — больные или старые.

— Очень приятно, — встала и пожала руку незнакомца, — только, Мить, это же больница. Здесь все так или иначе больные, кроме тебя.

Улыбнулась парню, отметив про себя, что он очень даже хорош собой: ровный прямой нос, сочные губы и выразительные зеленые глаза. Да и мужская сила чувствуется буквально во всем: во взгляде, в осанке, фигуре, манере держать себя строго и серьезно.

— Влад, кстати, работает главным механиком, в технике соображает.

Парень с головой. Хочу познакомить его с Милой, что думаешь? — Митя развернул сверток, взял алюминиевую ложку и жестом позвал нового друга присоединиться к трапезе. — Думаешь, он ей понравится? Владу вот она понравилась, правда, только по фото.

— Ха-ха, сваха ты моя! Думаю — да. — Бросила на Митино соседа многозначительный взгляд. — Мне ведь понравился.

Влад, слегка покрасневший, но улыбающийся, присел к нам на койку и принялся за еду.

— Но-но! Не болтай. Ты уже занята.

— Кем же это? Я — свободная девушка, — смущаясь взгляда Мити, полезла в сумку и достала томатный сок, колу, фисташки и

завернутую в бумагу бутылку коньяка, которую сразу спрятала в тумбочку.

— Саней ты занята. Знаю я про ваши разговоры до утра. Он мне про

тебя все поет и поет. Слушать тошно.

— Да? — Постаралась изобразить равнодушие.

— Сам на себя не похож — вот что ты с парнем сделала. — Митя проследил глазами за моими действиями. — О, Евочка, любовь моя!

Коньячок, да?

— Да, — произнесла шепотом, опасливо оглянувшись на дверь.

— Дай поцелую твои золотые ручки. — Он потянулся ко мне, явно

довольный тем, что теперь за коньяком им с Владом не придется скучать.

— Прожуй сначала. — Все же подставила левую руку я.

— Вот это я понимаю! Настоящий пацанский подгон! — Влад, сияя,

пожал мне руку еще раз.

— Как ты догадалась? — Спросил Митя.

— Ну, ты же говорил, что скучаешь тут, что уколами тебя дырявят. Вот я и пожалела. Может, тебе и плеер оставить?

— А что у тебя там? — Всего помаленьку. Фанк, минимал, дип хаус... И еще что-то, забыла название.

— Ты, мать, откуда такие слова узнала? — Удивленно вскинул брови он. — Санек и до тебя добрался? Ну, он знаток хорошей музыки, ему смело можно доверять в этом вопросе.

— Надеюсь, — смутившись, пожала плечами.

— Музыка отличная, даже не спорю. Но от тебя не ожидал. — Он повернулся к своему соседу. — Влад, я же тебе говорил, что она классная? Так вот — она еще круче. Мы, с ней как братья. Каждому желаю такого друга. Сидим, бывало, дома, винцо потягиваем, «Ноггано» слушаем, над текстами «Кривостока» угораем. Один раз так напились, что даже «Креку» песню сочинили. Смеялись и плакали до утра. Жаль, никто так и не услышал наше творение. Так что Ева у нас — мировой чувак, свой парень.

— И красотка. — Влад одобрительно закивал головой.

— Спасибо-спасибо. — Мне пришлось смущенно раскланяться.

— Как там на работе? Все нормально? — Митя с удовольствием отхлебнул своего любимого томатного сока прямо из коробки.

— Как нет-то! — Про себя с удивлением заметила, что уже переняла и всю использую Сашкины выражения. — Постоянные посетители, которые

каждый день у нас обедают, уже про тебя спрашивали. Наташка устала, но

справляется. На следующей неделе, когда выйдешь на работу, будет проверка, от этого у меня уже второй день мандраж. И еще кое-что. Аленка

созналась, что у них с Колей намечается карапуз, поэтому переведи ее на

легкий труд, пожалуйста, пока в декретный не уйдет. Вроде, все.

— Ну, ничего себе! Только найдешь подходящего профессионала,

как нужно опять искать. — Он схватился за живот. — Бли-и-н, я обьелся, прямо как тузик на помойке! Спасибо, моя фея, иди ко мне, поцелую.

Влад встал, и Митька развалился на своей койке, протягивая ко мне

руки. Я подумала, что ничего страшного не случится, никто не будет ругаться, если устроиться рядом с ним прямо в белоснежном больничном халатике. Легла и положила голову Мите на грудь. Почувствовала крепкий поцелуй в лоб. Боже, как же мне комфортно в этих крепких объятиях.

— Мы к Дашке ходили в гости... — Созналась я.

— И как она? — Было заметно, что Мите эта тема особенно интересна.

— Нормально. — Хорошо, что он не видел сейчас моих грустных глаз, изучающих давно не знавший белил потолок. — Отдыхает, развлекается.

— Мы с ней в «скайпе» общались, — мечтательно произнес друг, протягивая мне пакет с фисташками, — опять писал ей всякие романтические бредни. Кажется, она скучает.

Вот же черт!

— Мить, — я повернулась к нему, — может, не надо, а? Это ведь ничем хорошим не закончится.

— Нет, все нормально, реветь не буду. Или, по крайней мере, обещаю

сильно не расстраиваться.

Еле сдерживаясь, чтобы не высказаться, прикусила губу. Мне бы очень хотелось, чтобы он все узнал: и про ее чувства, и про этого дебильного Кешу, и про все, что мне было известно. Может, это мой самый большой недостаток, но я не могла выбирать между друзьями. Не могла выдать кого-то из них. Рассказать про Кешу? Значит, продать Дашку с потрохами и причинить Митьке боль. Вдруг окажусь крайней? Вдруг Дарья поймет, что альбинос с деньгами — большая ошибка, а я все испорчу своими откровениями. Никогда не знаешь, как было бы лучше. Такова уж жизнь.

Даже если бы Митя с Дашей встречались, а я знала, что он неправильно себя ведет по отношению к ней, я бы не выдала его никогда. Поговорила бы с ним, попыталась бы вразумить, но лезть в их личную жизнь или жизнь кого-либо другого — никогда. Такой я человек.

— А, что так тихо вокруг? — Решила, наконец, прервать молчание.

— Тихий час, — Митя чистил и передавал мне фисташки.

— Понятно. А у нас с девочками сегодня девичник. Будем пить и перемывать кости мужикам.

— Всегда было интересно, о чем вы там болтаете на своих бабских

встречах?

— Бабских... Фу, не говори так.

— Ладно. Так о чем?

— Обо всем на свете, — поймала ртом орешек, запущенный Митей в воздух.

— А своих мужиков обсуждаете?

— Нет.

Рассмеялся.

— Не ври.

— Ну, иногда... Особенно бывших.

— И секс?

Чуть не подавилась.

— Нет. Секс только мужики обсуждают.

Митя усмехнулся и передал мне фисташку:

— Неправда.

— Хорошо, бывает, и секс обсуждаем. — Повернула голову и улыбнулась ему. — Но редко.

— И даже размеры членов обсуждаете?

— Ха-ха. Фу. Ты фильмов посмотрелся.

— Обсуждаете, — с видом знатока кивнул он.

— Блин. Ну-у, бывает иногда. Точнее, было всего раз. С Дашкиной подачи.

— Фу...

— Можно подумать, что вы не обсуждаете женские прелести и всякий

там секс.

— Нет. — Заржал Митька. — Ну, так, спрашиваем друг друга: «Было?» — Отвечаем: «Было». Вот и отлично!

Влад на соседней койке хрюкнул от смеха и отвернулся к стене.

— Фу... Вы, наверное, еще и фигуры наши обсуждаете?

— Ну... — Друг закатил глаза.

— И грудь женскую обсуждаете?!

— Ну как... Вроде, нет.

Я даже подскочила.

— Обсуждаете!

— Разве только форму как-то раз...

— Вот же гады! — Отвернулась и покачала головой — И как?

— Что как?

— Что там с формой? Какая должна быть?

— Как у порнозвезд. — Митя поднял руки, словно чаши весов, и будто взвесил в них воображаемую грудь. — Дыньки. Или грейпфрутики. Можно арбузики.

— О-о-о, — сморщилась я, чуть не поперхнувшись фисташкой.

— Вот дурочка, — он поставил мне щелбан, — мы, что, с тобой и сиськи будем обсуждать? Это же дело вкуса. Мне, например, не нравятся огромные и отвисающие от тяжести, я люблю аккуратные, такие, чтоб в ладошку помещались. А еще лучше — просто красивая грудь. С симпатичными сосками. И эта штука, которая вокруг соска, не знаю, как называется...

— Ареола.

— Чтобы не большая была, как у козы, а аккуратная, сантиметра в три.

— Ах ты макаронник! Жаль, тебя девушки не слышат, которые бредят

увеличением сисек. А... женские интимные стрижки когда-нибудь обсуждали?

— Нет, — скривился Митя, — а что там обсуждать? Какие стрижки? Там вообще ничего

не должно быть...

— М-м-м... Ясно. — Мне уже самой становилось неловко от своих же вопросов.

— Ребят, — обернулся Влад, — у вас, что, вообще, запретных тем нет?

— Не-а, — хохотнула я, закидывая в рот орешек. Толкнула Митю в бок. — Все мужчины так считают?

— Не знаю. Конечно, не все. У всех вкусы разные. Но если любишь человека, то неважно, где у него и что у него.

— Логично, — вытянула вверх ноги, разглядывая забавные синие бахилы.

— А вы там всем женсоветом и стрижки интимные обсуждаете?

— Бывает. Что такого? Я даже с тобой ничего не стесняюсь обсуждать. Это же на словах. А вот в раздевалке женской не могу раздеться.

Стесняюсь. Мы, женщины, — странные существа. Сразу начинаем втихаря разглядывать друг друга, ищем недостатки, завидуем достоинствам. И мне не хочется, чтобы меня так разглядывали.

— Правильно. Только мужчины должны разглядывать женщин. Я с детства мечтал попасть в женскую баню, чтобы подглядывать.

— Фу-у! Ха-ха! Дим, сразу видно, что ты не знаешь, что такое общественная баня! В детстве мама меня туда таскала каждые выходные, так

было принято почти у всех. Сажала маленькую Еву в тазик с водой, давала игрушки, а та наблюдала за тетями, которые рядом с ней натирали свои тела мочалками.

— Ух ты! — Оживился Митя.

— Да погоди ты! Чего я только там не видела, там же не одни богини

красоты мылись. По большей части кругом мелькали старые, дряхлые, отвисшие титьки, висящие до пупка, как кульки для мелочи. А еще рыхлые целлюлитные ляжки, сморщенные, как сушеное

яблоко, попки. Мохнатые лобки всех мастей: черные, белые, рыжие, молодые, старые.

— Бе-е! — Митя отбросил от себя фисташки. — Все, перестань!

С соседней койки послышалось тихое матюганье Влада.

— Меня саму тошнит, когда вспоминаю, но если ты полюбишь человека, то будь готов к тому, что он когда-нибудь постареет и будет выглядеть, как урюк. Это — правда жизни.

— Значит, и ты постареешь. И станешь страшенькая, как оципанная

индюшка. Старенькая, сгорбленная, с висячими титечками.

— Так и ты, Митя, тоже! У тебя будет маленький, сухой, сморщенный синий стручок между кривых старых ножек. И лицо, как куриная жопка.

— Вы, ребята, по ходу совсем друг друга не стесняетесь, — застонал Влад, — я уже красный, как рак, от ваших пошлых разговоров.

— Да, — проскрипел Митя противным голосом, — мы такие, мы — гадкие извращенцы!

И все втроем дружно засмеялись. Митька сел, кинул в меня фисташку, та попала мне по носу. В ответ я принялась его щекотать.

Насмеявшись до слез, протянула ему один из наушников, второй воткнула себе в ухо.

— М-м-м... — Митя лег, закатил глаза от удовольствия и начал рисовать в воздухе замысловатые фигуры указательными пальцами, — это что за трек?

— Diana Ross — «Im coming out».

— Неплохо. Весьма неплохо.

— Ага, точно. — Согласилась я, погружаясь в мир волшебной музыки, глядя в потолок и улыбаясь.

— Тысячу лет не слушал... Надо переписать у тебя...

Так мы лежали еще час и слушали музыку вплоть до прихода медсестры с очередной порцией лекарств. Общение с Митей меня всегда успокаивало. Оставалось только придумать, как раскрутить его на очередной разговор про Сашу, как бы ненавязчиво подвести к этому. Пока никак не получалось, но я не отчаивалась — меня сейчас и так переполняло счастье. Знала, что так не бывает, но мечтала, чтобы это счастье во всех сферах моей жизни продолжалось вечно.

— Нет, Мила, тебе, конечно, легко говорить! — Тяжело вздохнула Лера. — Все понимаю, но звонить не хочу.

— Если бы моя мама была жива, я бы все ей простила и позвонила,

не задумываясь. — Милка взмахнула руками и чуть было не пролила вино из бокала.

Мы сидели на ковре в гостиной нашей квартиры: я, Милка,

Дашка и Лера. Уже второй час пили вино, чередуя его с кофе, и оживленно дискутировали на любые темы, которых касались. Мила приготовила нам чудесный ужин и закуски, так что девичник, можно сказать, удался.

С нами сегодня была Лерка, замужняя коллега Милы, она всегда отлично вписывалась в нашу скромную компанию. Мы, в свою очередь, всегда прислушивались к ее советам, стараясь почерпнуть из них любую житейскую мудрость, которая пригодилась бы нам в будущей семейной жизни.

— Что она тебе сказала? — Устало нахмурилась Лера.

— Твоя мама только спросила у меня, почему ты с ней не разговариваешь. — Мила в характерной ей манере пожала плечами.

— Это неправда, разговариваю. Просто... в последнее время не звоню первой. Уже неделю с лишним.

— Почему? — Дашка заинтересованно подвинулась ближе.

— От обиды.

— Нельзя держать обиду на мать. Какой бы она не была. — Покачала головой я.

— Нужно терпеливее к ней относиться, по возможности прощать. Она же так много для тебя сделала, — попыталась уговаривать Мила.

— Я знаю. Пытаюсь. Просто больше не могу. Все равно обидно. -

Лера опустила голову и поставила бокал. Ее руки заметно дрожали. — Девочки, вы просто ничего не знаете. Мне так тяжело. Я пыталась разговаривать с ней на эту тему, но она меня совсем не понимает.

— Так расскажи нам. В чем там у вас дело?

— Я росла любимым ребенком. Много внимания: мама, папа, бабушки, дедушки — все скакали вокруг меня, носили на руках,

целовали. С сестрой — то же самое. Мама хотела, чтобы мы стали успешными, а в идеале — знаменитыми, возлагала большие надежды.

Видела нас кем-то вроде телезвезд или киноактрис. Для этого у меня, в принципе, были прекрасные данные, даже самой в детстве этого хотелось. Но, взрослея, я становилась более приземленной и понимала, что хочу простого человеческого счастья.

— Да, как и все мы, — не удержалась от комментария Даша.

— Потом умер папа. Мне было всего четырнадцать. Через год мама

пришла в себя и стала искать мужчину, который бы скрасил ее одиночество.

Не раз в те годы мы слышали от нее, что мы с сестрой — помеха ее счастью.

Мужчины боялись брать на себя ответственность за двух детей, поэтому

серьезных отношений маме не предлагали. Угадайте, кто был виноват?

— Вот это некрасиво. Как можно детям такое говорить? Я бы жила

только ради детей, дала бы им все, что только могу дать. — Меня переполнило негодование. Моя мама никогда бы так не поступила со мной, в этом можно было быть уверенной.

— И вообще, с тех пор все в нашей семье встало с ног на голову. Мать

была постоянно нами недовольна, могла обозвать последними словами за

малейшую провинность: и кобылой, и тварью, и матерными словами. Сыпала

проклятиями в наш с сестрой адрес. Это все было в порядке вещей.

— Господь Бог! — Мила в изумлении прикрыла рот ладонью.

— Вот-вот. И при этом она считала себя верующей и посещала церковь. Я, в принципе, у нее многого не просила. Понимала, что без отца наши доходы существенно снизились. Пока училась в школе, она меня одевала, но покупала вещи, если только сама видела, что хожу в старье — моя совесть не позволяла требовать обновок. А потом мама серьезно заболела. Она нуждалась в постоянном уходе. Из-за этого у меня не срослось с учебой в универе, но зато я нашла тогда неплохую подработку. Стоило только маме поправиться, она начала ежедневно капать мне на мозги: «Лентяйка, иди, ищи нормальную работу, а то сидишь на шее!»

— Беспокоилась, — предположила Мила, — думала, что,

если тебя слегка пинать, быстрее будешь шевелиться с поисками.

— Я также думала, но вскоре это стало невыносимо. Мама начала

меня попрекать куском хлеба — типа, не заработала, а жрешь тут, — на глазах

у Леры выступили слезы, — тогда я извинилась и сказала, что, если ей будет от этого легче, то дома больше есть не буду.

— Кошмар... — Меня вдруг посетила мысль, что мне молиться надо на мою маму, — это очень жестоко, Лерочка, как ты это пережила?

— Это невыносимо жестоко, девочки. Я целый месяц не ела дома.

Покупаю у подружки, немного поем у Кости. Мы тогда с ним уже встречались, но мне было стыдно рассказать ему обо всем, чтобы не настроить против своей родни. Похудела я килограммов на пять, даже кости торчали. Через месяц она мне сказала: «Хватит выделываться, ешь уже». Никаких извинений или жалости. Позже нашлась приличная работа, но ей было неважно из-за чего ругаться: не работаешь — плохо, работаешь — тоже плохо, потому что дома не бываешь. Я все терпела и молча глотала обиды. Она же мама все-таки, а мама, как должно быть по сути вещей, всегда права.

— На твоём месте я бы ушла из дому и больше никогда в жизни ей не позвонила. Это чудовищно. — Даша, как всегда, была категорична.

— Больнее было наблюдать, что у Кости в семье все по-другому. Его совсем не богатые родители всегда спешили меня накормить и помочь. Я же никогда в своей жизни не могла обратиться к своей матери за сочувствием или поддержкой. Расскажи ей, что у тебя беда, и вместо слов поддержки услышишь одни упреки, да еще и все вокруг узнают об этом.

— Бедная Лера... Я вот всегда могла подойти к маме и поделиться наболевшим. Мы часто после таких разговоров долго сидели, обнявшись, она

давала мне много дельных советов и никогда не осуждала... Не знаю, как может быть по-другому. — Милке больно было вспоминать о тех, кого она потеряла.

— А меня всегда из-за этого считали скрытной. Хотя напрасно. — Лера

изливала нам душу, вытирая слезы. — Рассказывать сокровенное, чтобы оно

стало достоянием общественности? Зачем мне это надо? Мать и так рассказывала всем родственникам свои домыслы: то ей казалось, что я наркоманка, то — что мы с Костей расстались, то еще какой-то бред. Она выдавала им все это за чистую монету, даже не разобравшись, что на самом деле у меня на душе. Проработав полтора года на новом месте,

мне пришлось уйти, тогда все стало еще хуже. Когда надо было поддержать, подсказать, как мне стоит поступать, куда идти, где искать работу, мама вновь от меня отвернулась. Начались издевательства, привычные уже попрекания едой, намеки на то, чтобы я свалила скорее. Абсолютно никакой поддержки, никакого понимания. Кто должен был меня направить на верный путь, если не она?

— Никогда не смогу так поступить по отношению к своим детям... — Я налила себе очередной бокал. Мне было безумно жалко эту молодую

девушку.

— Сестре она не раз говорила, что жалеет о ее рождении. Сказала, что пинать нужно детей под зад, как только они окончат школу. Больно было все

это выслушивать каждый день, и я ушла жить к Косте. Мы сняли квартиру.

Мать тогда призналась, что стыдится меня, ей неловко отвечать знакомым, что я безработная. А мне было стыдно не оправдывать ее ожиданий даже несмотря на то, что жаждала совсем другой жизни. Тогда Костя, поняв, что я нахожусь на грани срыва, просто забрал меня из родительского дома, мы сняли квартиру, потом с помощью его матери взяли ипотеку и вот... живем... вполне счастливо.

— Так и должно быть. Кто же нам еще поможет, если не наши родные?

— заметила Мила.

— Что ты! Когда я попросила у мамы помощи, чтобы она взяла на себя кредит, который мы с Костей могли бы быстро выплатить, она вся покраснела, задрожала от негодования и пришла в ярость, будто мы ее чуть ли не ограбить хотим. Так ничего и не ответила, просто ушла. Даже займы

никогда ни рубля не давала, всегда убегала или бросала трубку, когда

я у нее что-то просила. Больше просто не обращаюсь, нервы целее. А вот Костины родители — совсем другие. Его мама звонит каждые два

дня, чтоб спросить, не голодаем ли мы, что нам нужно, чем помочь, как дела.

Его родные постоянно тащат нам мешки с овощами, соленья и продукты.

Мне хочется, чтобы моя мама вела себя так же, поэтому от обиды я не звоню,

хотя и осознаю, что веду себя неправильно.

— Ужас.

— Врачи зимой обследовали маму, нашли серьезное заболевание, ей жить осталось-то всего лет десять. Так почему она не хочет посвятить свои последние годы нам, своим детям? Дать все, что успеет? Вместо этого, когда

приходит в гости ее мужик, покупает к столу деликатесы, которые нам и не снились, орехи пяти разных видов, мясо, фрукты, соки. Она ничего для него не жалеет, вот почему обидно. Иногда отляжет от сердца, общаюсь с ней, как ни в чем не бывало, потом нахлынет волной — и снова обида...

— Лерочка... — Услышала я свой собственный голос. — Твоя мама определенно не права, но может быть, в ее психике со смертью отца произошел какой-то сдвиг?.. По идее, это наоборот должно было ее подтолкнуть к тому, чтобы стараться для детей за обоих родителей... Но всякое бывает. Мне очень жаль тебя, зато ты можешь всегда на нас рассчитывать.

— Самое страшное то, что твоя мама через много лет, будучи дряхлой старушкой, придет к вам за помощью. Ей нужен будет уход или место для ночлега, а вы сто раз подумаете, пускать ли ее, ведь она вам в этой помощи не раз отказывала, — сказала Мила.

— Нет, Милочка, нет. Я бы никогда не смогла ей отказать, не смогла бы выгнать на улицу. Какова бы ни была обида, она

— моя мама. И этим все сказано. — Лера помахала рукой, отмечая это предположение. — И я до сих пор не теряю надежду, что она все-таки изменит

свое отношение ко мне. Когда-нибудь. Так хорошо, когда рядом есть такие подруги, как вы, с которыми всегда можно поделиться наболевшим.

— Взрослого человека уже не исправишь, к сожалению. Давайте-ка закроем эту тему, пожалуйста. Это так грустно. У нас же девичник! — Дашке никогда не нравилось обсуждать серьезные темы.

— Вот именно, — усмехнулась я. — Только сегодня Митя выдал предположение, что мы обсуждаем на девичниках всякие пошлости. Так что давайте не будем его разочаровывать!

— Ева, — Мила повернулась ко мне. — У нас к тебе предложение: давай отметим твой предстоящий день рождения все вместе?

— Девочки, неужели мы когда-то справляя наши дни рождения по

отдельности? — Я улыбнулась и распахнула для них свои объятия. — С удовольствием!

— Мы взяли на себя смелость, — подмигнула мне Лерка, — и заказали

на двадцать шестое число домик в огромном банном комплексе!

— Двухэтажный деревянный дом с сауной и бассейном, камином, отдельным двориком, в котором есть мангал для того, чтобы Митя баловал

тебя в этот день своими шедеврами. Шикарное обслуживание и даже массаж! — Дашка подняла бокал высоко в воздух.

— Ура! — Я вскочила и запрыгала от радости. — Спасибо, дорогие мои!

Спасибо!

— Ура! Ура! За Еву! За нас! — Все дружно завизжали,

звеня бокалами.

— Кстати, Ева, мы так давно не виделись, — обратилась ко мне Лера,

— и я заметила, что ты сегодня прямо светишься. Нашла себе кого-то?

— Пока не знаю... — Загадочно улыбнулась. — Вроде как, да... Дальше будет видно!

— Ева — еще одна, и, кажется, не последняя, из тех женщин, которые надеются, что смогут изменить мужчину! — Мила, увидев мой недовольный взгляд, пожала плечами. — Родная, просто желаю тебе добра. Если он сделает тебя счастливой, то, значит, и всех нас автоматически. Просто почти каждая женщина хотя бы раз, но обжигалась на этих свободолюбивых мужчинах.

— Да уж, я их издалека вижу. Насквозь. — Призналась Дашка. -

Конечно, появляется когда-то такая женщина, на которой он останавливается и решает остепениться. Но, как правило, это происходит ближе к старости. К сожалению. Вот Митя — такой. Точно!

— Кстати, о Мите, — перебила ее Мила, обращаясь ко мне, — он звонил мне сегодня, спрашивал, почему я его не навещаю. Просил завтра зайти.

Он же, вроде, твой друг? В смысле, больше твой, чем мой. Не знаешь, в чем

подвох?

— Не знаю... — Откинувшись на подушку, отпила из бокала. -

Может, и правда соскучился по тебе? Там в больнице — скука смертная.

Сходи, навести уж парня.

— Хм... Ладно...

Когда все разошлись, я набрала домашний номер Сашки. Так волновалась, что у меня даже в горле пересохло. Успокоилась только, когда услышала любимый голос:

— Да, — сонно произнес он.

— Привет, это я.

— М-м-м... Привет, принцесса, а я думал, что ты уже не позвонишь,

лег спать. Жди, сейчас сяду удобнее.

— Как дела? Чем занимался весь день?

— Весь день — за компьютером. В обед вышел на улицу, насчет работы сходил, промочил насквозь кроссовки и вернулся. Из-за этого не зашел

к тебе на работу, прости, малыш! — Саша сказал это настолько ласково, что

можно было простить ему все, что угодно.

— Ничего страшного. Не нашел пока ничего?

— Нет, не нашел. — Его голос казался грустным. — Мама сказала, что отправит меня в ссылку — в деревню к бабушке помогать по хозяйству.

— Когда?

— Не знаю, может, через неделю.

— Ругается?

— Ага, постоянно. Еще и за то, что я ей телефон не отдаю домашний.

Как сама день провела?

— Работала, ходила к Митьке в больницу, а потом устроили дома девичник, посидели с девочками, вина попили.

— Ммм... Значит, поэтому у тебя такой игривый тон, ты пьяненькая.

— Ну, чуть-чуть... — Я улыбалась, лежа на кровати.

— А я теперь все дома и дома. Никуда не хожу. Парни зовут то туда, то сюда — отказываюсь. Думаю, лучше дома останусь и с тобой по телефону

поговорю.

Ох, ты ж как здорово!

Бесшумно захлопала в ладоши.

— Мне очень приятно, что ты считаешь меня хорошим собеседником.

— Мне тоже приятно все, что связано с тобой.

— Спасибо. Кстати... у меня не хочешь в ресторане поработать?

— Эм... Нет. Я уже набегался официантом, хочется чего-то посерьезнее.

— Попробую завтра спросить у Марика, может, он что-то подскажет.

— Марик, — Сашка произнес это имя с особой иронией в голосе, — Митя сказал мне, что он — твой бывший.

Блин.

— А... У нас не было ничего серьезного. Он для меня сейчас просто друг... очень хороший друг, близкий.

— Не утруждайся, я сам поищу.

— Ну, как хочешь, — я уже пожалела, что упомянула Марка.

— У тебя установлен «skype»?

— Да. На работе. Но я не любитель такого общения, да и дел бывает полно. Почти не пользуюсь.

— Ты же можешь включить его и просто читать в течение дня мои

сообщения, а в свободное время ответить.

— Хорошо, завтра так и сделаем. — Кажется, его тон снова стал ласковым, поэтому мне удалось облегченно выдохнуть. — Кстати, мне тут особенно понравился твой диск с фанком. Я его слушаю целыми днями. Остальная музыка — тоже отличная, но эта — просто божественна.

— М-м-м, Ева, замечательный выбор. Я его тоже обожаю.

— Не знаю почему, но эта музыка как-то волшебно на меня воздействует.

— Ничего странного, самое главное в этой музыке — так называемое

funk-настроение. Все треки направлены на то, чтобы душа пела. Он на сто процентов поднимает настроение — живой, настоящий, никаких грустных нот, никаких соплей. Даже если слова песни печальны, подается это очень позитивно и с надеждой на будущее.

— Удивительно, но я никогда так глубоко не заглядывала в музыку. Не копалась в ее смысловом значении.

— Funk — это продолжение стиля музыки soul, эта составная часть таких стилей, как hip-hop, disco, drumbass, fusion, acid jazz, jungle и других.

— Погоди-погоди, сколько незнакомых слов! Я-то ведь неуч, так сказать, музыкальный гопник, а ты мне терминами сыпешь. Что за зверь такой, этот твой фанк?

— В музыке funk используются совершенно особенные ритмические структуры. Соул, как и ритм-энд-блюз, — музыка триольная, когда каждая четверть такта мысленно делится на три восьмых. Фанк — это музыка на восемь восьмых, когда четверть делится точно пополам или с небольшим смещением, такой ритм называется шаффл. Кроме того, здесь более острые синкопы и более разнообразная фактура, создаваемая аккомпанирующими инструментами. Гармонические конструкции в музыке фанк чрезвычайно просты, обычно все держится на одном аккорде, но зато ритмическая ткань достаточно сложна.

— Ой-ей-ей. Для меня это странная тарабарщина, но, чувствую, ты в ней хорошо разбираешься.

— Типа того.

— Тогда тебе стоило бы связать свою жизнь с музыкой. Расскажи мне про нее еще, если не трудно.

— Лично я больше всего люблю фанк конца 70-х — начала 80-х годов, который записал тебе на диск. Из современного фанка ты, наверное, знаешь группу «Jamigoquai». Они играют в лучших традициях. Слушаю их с удовольствием.

— Ну, ничего себе, да, я их обожаю! А знаешь, кстати, какая

песня мне понравилась больше всего из тех, что ты мне записал на диски?

— Какая?

— Patrice Rushen — «Forget-Me-Nots». Чудесная песня

о любви!

— Это и моя любимая. Она, кстати, старше нас с тобой. На сколько? Дай посчитаю...

— Она реально классная.

— Значит, будет наша с тобой песня...

У меня даже голова закружилась от этих слов.

— Наша... — Тихо произнесла я.

— Правда, там все грустно кончилось...

— Они остались друзьями с надеждой на любовь в будущем.

— Это же у них... — Сашка сказал это так искренне, что у меня сердце

защемило. — Знаешь, что я еще люблю?

— Что?

— Погружаться в волшебный мир музыки *minimal*...

— Ох, блин, сколько всего мне еще предстоит узнать.

И наш легкий, по-детски наивный разговор продолжался до самого

утра. Я знала, что опять буду помирать от хронического недосыпа, но не могла оторваться от Сашкиного голоса. Так интересно было с ним общаться — никаких шаблонных разговоров, все в новинку. Новые для меня темы, новые понятия, какой-то новый мир, полный открытий. Его мир. Доселе неизведанный и манящий. Для меня открывался новый Саша — интересный, многогранный, всесторонне развитый, умный, начитанный, веселый. Слушала и растворялась в нем вся без остатка.

Чувство легкости и полета сопровождало меня весь рабочий день, а общение с Сашкой в Skype, казалось, совсем не отвлекало от профессиональных обязанностей. Сотни смайликов с сердечками и цветочками, десятки комплиментов. Да, надо признать, я была на вершине блаженства. Все подчиненные заметили мою изменившуюся и ставшую такой бодрой и легкой походку. Их начальница целый день летала и пела, словно пчелка, опыляющая цветочки.

Встреча с Марком уладила все рабочие нестыковки, а также дала понимание того, что в моей душе к нему действительно не осталось ничего, кроме дружеских теплых чувств. Помочь в поиске работы для Сашки он отказался, мотивируя это отсутствием нужных знакомых. Глупый отмаз для такого влиятельного человека, хотя я несколько не удивилась: мне он до этого тоже много раз отказывал.

Богатые всегда напрягаются, заподозрив, что их хотят использовать, попросить в долг или об элементарной помощи. Гораздо выгоднее дружить с нужными людьми: ты помог, тебе помогут.

Девять вечера. Мы сидели с Милой на кухне, занимаясь дегустацией домашнего хлеба «Тоскана», испеченного сегодня в ресторане Натальей.

— М-м-м... Я могла бы еще сдержаться, если бы это была буханка «Дарницы» с хлебозавода, но это... это шедевр! — Милка ломала его руками, долго с закрытыми глазами вдыхала аромат, потом только откусывала.

— Не удивляюсь, что народ к нам так и прет, — я не могла остановиться, — тьфу-тьфу. Не нужно даже масла, вкуснее любой французской булки...

— А какой воздушный, мягкий, нежный... Хотя и серый.

— А какой вкус... — Я испытывала настоящий гастрономический оргазм.

— Что за специя? Так ароматно... — Мила разделила пополам оставшийся ломоть.

— Кориандр?

— Наверное. Не знала, что он такой вкусный...

— Все, мы доели буханку... Обожрались ведь, как последние сволочи...

— Буханку? Ерунда какая, там всего-то граммов четыреста было, не

переживай, не лопнем!

— Никогда бы не смогла такой хлеб сама испечь.

— И я тоже. Поэтому надо с Митей дружить всю жизнь, он-то может.

— Ага! И стать булочкой! На работе только и делаю, что ем... — Я

поставила кипятиться воду в чайнике.

Мила встала, открыла окно и села на подоконник. На улице смеркалось, в комнату влетел свежий апрельский ветерок, прохладный, освежающий.

Я облокотилась на подоконник и посмотрела вниз: на лавочке сидели вездесущие бабульки, молодые мамы играли с детьми в песочнице, каждый свободный метр двора был заставлен машинами. Каждый жил своей жизнью, и у всех на лицах были написаны разные эмоции. Сегодня кто-то смеется, завтра — плачет, послезавтра наоборот. Все меняется, такова жизнь. И это, пожалуй, хорошо.

— Когда-то и я буду безумно радоваться тому, что в моем животе кто-

то растет, — Мила начала заплетать мне косы, быстро перебирая пальцами

волосы, — потом этот кто-то неуклюже забегает по ковру и скажет:

«Мама!»

— Ага. Мечта каждой женщины... Такова наша природа, наше предназначение. — Я слушала, как мелодично поют птицы в вечернем небе. — Но это пока очень далеко от меня. Если мне хочется построить с Сашей что-то настоящее, то не следует на него давить, торопить события.

Можно ведь и подождать лет до... тридцати... тридцати пяти...

— Стратегия? Это правильно. Каждого человека нужно проверять временем, — вздохнула Мила, — но я не думаю, что Саша — твоя вторая половинка. Судя по твоим рассказам, этот мужчина никогда не имел серьезных отношений, а значит, будет бежать от них до последнего.

— Опять ты об этом... Я надеюсь, что на этот раз — все иначе, ведь он сказал Мите, что влюбился. Митя же, в свою очередь, говорит, что все друзья сошлись во мнении — Сашка очень изменился со дня нашего знакомства.

— Твои слова — да богу в уши. Я знаю тебя: ты, Ева, вложишь в него

все, всю себя отдашь этим чувствам, а нужно поступать как раз наоборот. Женщина должна сама брать от такого мужчины, что возможно. Радоваться сексу, пользоваться молодым телом и не строить далеко идущих планов.

— Мне сейчас так хорошо, как никогда прежде, а ты все про свое.

— Только не теряй голову.

— Хорошо! — Я отошла от окна и выключила чайник. Взяла две

кружки, поставила их со всего размаха на стол. — Почему ты не можешь просто за меня порадоваться?!

— Ну, извини. — Милка вскочила и, преданно заглядывая мне в глаза, принялась раскладывать по кружкам чайные пакетики. — Евочка, это все

моя интуиция... Ну не дает она мне покоя! Мы с твоим Сашей сегодня виделись у Мити в больнице.

— И что?

— Вижу, что он очень добрый, веселый. Но абсолютно не серьезный. Не подходит он тебе, не дорос еще. И никогда не дорастет! Ты

мечтаешь, что он найдет работу и остепенится, — она тяжело опустилась на стул, — но такие люди до сорока лет гуляют, а потом,

оставшись с голой жопой, женятся, чтобы было, где жить и кому кормить их.

— Конечно.

— Такие люди никогда не оценят твоих жертв. С ними нужно только дружить, ведь для друзей они самые лучшие, а в семье — ни на что не годны!

— Ты его совсем не знаешь. — Рука дрогнула, и кипяток из чайника расплескался по скатерти.

— Да и не надо мне знать. — Мила уставилась на расползающиеся по ткани разводы. — Хорошо, если я не права, но, едва пообщавшись с ним, сделала для себя выводы. Он сейчас ослеплен твоей красотой,

хочет тебя, и сам верит в то, что влюблен, но стоит только задуматься

о чем-то серьезном — убежит. Я тебя так люблю и не хочу, чтобы кто-то

разбил твое сердце, пойми...

— Все будет хорошо, Милка, — я подошла к ней, намереваясь обнять, и

она, поняв это, вскочила и бросилась мне на шею.

Простояв так полминуты, мы расцепились и стали пить чай.

— Зашла я сегодня в палату, а рядом с Митей сидит молодой человек в

пижаме в горошек, — Мила потянулась за вафелькой, — и тут... блин... Ты не поверишь...

— Говори.

— Понимаю, что это судьба.

— Да, ну? — Мне захотелось рассмеяться.

— Вот это, думаю про себя, мой будущий муж.

— Ага?!

— Да! А он меня увидел и рот открыл.

— А ты?

— Я поздоровалась, прошла в палату, к Мите на койку села, общаюсь

и делаю вид, что про него забыла.

— И?

— А потом Митя нас представил друг другу. Короче, его зовут Влад, он работает главным механиком на какой-то автобазе. Я так кокетничала и заигрывала, что не заметила, как три часа прошло.

— У тебя выходной, что ли был?

Мила смущенно опустила глаза.

— Нет. В том то и дело! Когда мне начали звонить с работы, соврала, что нахожусь на приеме у врача.

Ого!

— Значит, он тебе понравился?

— Да.

— Очень?

— Ой, не то слово. Жутко понравился...

— Так это же здорово!

— А то. Митя даже не ожидал, что я так очарую его соседа по палате. Какая же все-таки удачная случайная встреча!

Я рассмеялась, закрыв лицо руками. Милка

так легко попала в ловко расставленные сети нашего сводника.

— Да, все самое значимое происходит спонтанно и случайно.

— Именно. — Поддержала подруга. — В разговоре выяснилось, что у него золотые руки, и мне пришлось срочно импровизировать — соврала, что у нас сломан телевизор. Так что в понедельник он выписывается и вечером придет чинить его.

— Ого, как ты все взяла в свои руки...

— Надо таких мужиков сразу хватать, пока тепленькие. Вдруг постесняется сам навстречу первый шаг сделать, так ему помочь надо. А наивной душой я всегда прикидываться умела. — Она поджала под себя ноги и довольно подмигнула.

— Только есть одна проблема... — Я развела руками.

— Это какая? — Мила уставилась на меня, нахмутив брови.

— Телевизор-то у нас работает. И не сломан он совсем. И никогда

сломан не был. Что с этим делать будешь?

— Как что? — Подруга встала со стула. — Вот пойду сейчас и исправлю

эту историческую несправедливость!

— Как?! — У меня чуть глаза на лоб полезли.

— Оторву проводок какой-нибудь... Что-нибудь сломаю... — Милка вскочила и помчалась в зал с полной

решимостью осуществить задуманное. — Или совсем его разберу, если не поможет!

— Подожди! — Я бросилась за ней вдогонку. — Может, потом, после

выходных?!

— Нет, сейчас. Я что, зря все это задумала? — Донеслось из комнаты.

— Ми-ла! А-а-а! Стой! Без меня не начинай!

Не дождавшись звонка, в одиннадцать вечера я набрала его номер.

— Да. — Голос Сашиной мамы заставил меня вздрогнуть. Он был явно недовольным и настолько грубым, что был способен прожечь дыру в мозге на расстоянии.

— Здравствуйте. Сашу м-могу услышать? — Произнесла я, заикаясь от

страха.

— Нет его. — И в трубке прозвучали гудки.

Не очень-то ласково... Наверное, она уже спала.

Мучаясь в сомнениях, мерила комнату шагами. Я знала его сотовый:

успела запомнить, когда копалась в Митином телефоне в больнице. Не хотелось, конечно, самой проявлять инициативу, навязываться, он ведь у меня номер сотового не спрашивал. Чувствовала нарастающее внутри меня беспокойство. Так что же делать? Ведь сама же себе обещала, что не буду торопить события!

А вот Мила не боится этого делать... Хотя у меня — другой случай.

«Запиши мой номер на всякий случай. Ева» — такую смс я написала

и сохранила, не решаясь отправить. Прошло еще полчаса, во время которых

я не отходила от домашнего телефона, одновременно прижимая к себе сотовый. Беспокойство душило, перерастая в тревогу. Будь что будет! И нажала «отправить».

Сердце застучало как бешеное, кровь прилила к вискам.

Заметавшись по комнате, сама вдруг испугалась того, что сделала. Вот дура! На хрена тебе это надо было, а? Что, без этих разговоров уже и уснуть не можешь? Лучше бы легла и первый раз за неделю выпалась, чем за мужиками бегать!

Ругая саму себя, я кусала заусенцы. Разделась, выключила свет,

легла под одеяло. Проворочавшись минут двадцать, уже начала засыпать, когда внезапно подскочила от раздавшегося сигнала телефона.

Сообщение от Саши. Волнение переплескивалось через край. Открыла

и прочитала: «Дорогая, я в гостях на дне рождения. Очень скучаю!» Прижала

телефон к сердцу, которое спряталось и билось тихонечко где-то глубоко в груди, повернулась на другой бок. Моему счастью не было предела.

Дорогая.

Я — дорогая...

Спустя неделю

Нетвердым шагом, собрав волю в кулак, преодолевала последние метры до его дома.

Сказав на работе, что меня не будет пару часов, забыв о разуме, бросилась навстречу своей страсти. За прошедшую неделю я еще больше сошла с ума, еще сильнее влюбилась в Сашку. Мы общались каждый день: в скайпе, по домашнему телефону вечером, он часто писал мне смс, звонил на работу.

Помучавшись от ревности, когда узнала, что он был в гостях у некой подруги Лизы на дне рождения неделю назад, успокоилась, отогнав от себя плохие мысли. Я же хожу к друзьям на праздники, значит, и он может. Его дружба с девушками меня, конечно, напрягла, но с этим тоже можно было смириться. Тем более, теперь у него начинался новый этап в жизни, и ради меня он постепенно, но откажется от всего, что держало его в прошлом.

Пару дней назад Саша даже звонил мне вечером из квартиры парня, у которого они отдыхали всей компанией. Не удержался. Закрылся на кухне, взял телефон и вполголоса общался, пока туда не вломились все молодые люди и не начали дружно отбирать у него из рук телефон. Друзья не могли поверить, что он способен на такое: оставить их одних, чтобы звонить девушке. Так это было не похоже на Сашку прежнего.

От этого я становилась еще счастливее. Предмет моего обожания был со мной всегда: если не звонил, то писал, если был занят, то со мной рядом была его музыка. Я даже подумывала о том, чтобы выкрасить волосы в жгучий черный, чтобы удивить или сделать ему приятное. Но Мила все время отговаривала, утверждая, что мужчины такие жертвы не ценят. Она то и дело называла меня влюбленной слепой дурочкой, а мне все было по барабану, я купалась в собственном счастье и не замечала никого вокруг.

Все остальные мужчины будто перестали для меня существовать. Да что мужчины, я даже про близких своих забыла: маме стала звонить реже, забывала зайти к Мите, накормить кота, полить цветы. Все мои действия были теперь направлены на то, чтобы «случайно» встретиться с ним, «случайно» созвониться, все темы в разговорах опять «случайно» переводились на него. Так мне хотелось со всеми говорить только о Саше.

Весь мир для меня, кажется, замкнулся теперь на любимом человеке. Когда я шла с работы домой, мне неизменно приходило сообщение:

«Где ты, моя принцесса? Я у телефона, жду тебя на наш секретный разговор. Не услышу твой голос — умру» Это заставляло меня улыбаться от радости и

ускорять шаг. Вот и вчера я, совсем потеряв остатки разума, решила на

безумный шаг: сказала ему, что завтра иду в гости к родителям. Они живут

недалеко от его дома.

В действительности так и было. И сказала, что найду

к нему ненадолго, если он не против, и если его мамы не будет дома. Он опешил, но сообщил, что с удовольствием меня приглашает, хотя еще ни одну девушку домой не приводил. Я осознавала, что совсем теряю и голову, и контроль над собой. Понимала, что забираю у мужчины право самому меня добиваться. Но за две недели мы, общаясь каждый день, виделись всего пару раз, и мне уже не терпелось повидать его в живую, посмотреть в глаза, нечаянно тронуть руку... Хотелось услышать от него предложение встретиться, или

чтобы он, преодолевая стеснение, поцеловал-таки меня.

Ну что я себя обманываю?! Мне безумно хотелось быть с ним каждый день! Поэтому дорога и привела меня к его дому

сегодня.

Не зря все утро провела перед зеркалом: укладка, легкий макияж, капелька духов... Все это в любые времена придавало женщине уверенности. И теперь выстукивание моих каблучков по асфальту привлекало повышенное внимание мужчин, некоторые оборачивались вслед и даже подмигивали — значит, все было сделано верно. Светлое платье, развевающееся на ветру, приоткрывающее смелым взглядам мои загорелые ножки, длинные волосы с игривыми завитками на концах и довольная улыбка — полный боекомплект был задействован. Но, надо признаться, никакая уверенность в своем внешнем виде не могла сегодня побороть мое волнение. Это факт.

Сжимая в руке сотовый телефон и, то и дело, поглядывая на него, подошла к подъезду. Захотелось развернуться и сбежать, но желание увидеть любимого перевесило. Нажав кнопку домофона, я приготовилась назваться, но он просто открыл дверь, ничего не сказав. Те две минуты, что пришлось подниматься в лифте на двенадцатый этаж, показались мне вечностью.

За это время, слушая оглушительное биение своего сердца, я расчесалась, два раза уронив расческу, облизнула губы, поправить брови, прочистила горло. Выйдя из лифта, нашла нужную квартиру и позвонила. Успела в последний раз подумать о том, какая же я дура, что приперлась сама, и про себя укорить Сашу за его стеснительность, когда дверь открылась, и на пороге возник он.

— Привет... — Сашка, красивый, сильный и явно смущенный, стоял в коридоре, заламывая пальцы. Наши взгляды встретились, и, наконец, он сделал шаг назад, чтобы я могла войти.

— Ну, привет... — Посмотрела на него и улыбнулась.

Мне понравился его внешний вид, в нем он напоминал мальчишку: старые домашние, футбольной длины шортики, слегка обтягивающая спортивная футболка, явно оставшаяся со времен юношества, и серые носки с тапочками. Все это выглядело довольно мило и забавно.

Очередной прилив всепоглощающей нежности к этому человеку заставил меня спрятать взгляд.

— Проходи, пожалуйста. Вот это моя комната, — Саша указал мне на

дверь, в которой вместо стекла зияла дыра, — может, хочешь чаю? Я сам еще

не верю, что Ева ко мне пришла. Просто не могу в это поверить...

— Почему? Разве я какая-то особенная?

— Ты же Ева, — он мялся, краснея и явно не зная, как себя вести.

— Тогда я буду чай.

— Тогда я сейчас заварю.

— Спасибо...

Когда парень скрылся на кухне, решила оглядеться вокруг. Квартира была двухкомнатной, не очень-то ухоженной, но это было простительно для женщины, которая воспитывала сына одна, без мужа. Царивший кругом беспорядок показался мне вполне уместным, словно бы они тут готовились к ремонту. Может, так оно и было? Кто знает. На полу, перегораживая дорогу, лежали свернутые в рулоны ковры. Пришлось через них перешагнуть.

В зале явно жила его мама: повсюду стояли иконы, а главное — цветы. Все здесь было заставлено цветами: пол, подоконник, стол, гладильная доска,

мебель. Притом что освещение оставляло желать лучшего. Обои в этой квартире, мебель, интерьер — все говорило о том, что жизнь здесь остановилась примерно в девяностые.

На стенке я заметила фотографии, на которых была изображена вся семья. Сашина мама на них выглядела усталой женщиной в возрасте, с тяжелым измученным взглядом.

— Это мама. — Сашка подкрался незаметно.

— Ой, извини, нечаянно сюда забрела, — вздрогнула и повернулась к нему, — фотографии вот... рассматриваю. А как ее зовут?

— Галина Анатольевна.

— Она здесь живет, в этой комнате?

— Да.

— Заметно. — Я огляделась. — Цветы очень любит?

— Вроде того, — улыбнулся он.

Заметив, что неловкость момента мешает ему чувствовать себя в своей тарелке, отвернулась к окну. Ощутила себя старой развратной теткой, которая пришла, чтобы соблазнить мальчика. Мне хотелось, чтобы он подошел, схватил меня покрепче, поцеловал, а Саша по-прежнему продолжал держаться на расстоянии двух шагов. Мне даже стыдно стало, что я его стесняюсь меньше, что не волнуюсь так же сильно.

— А кто это на фотографии? — Указала на молодого человека лет

двадцати пяти-тридцати.

— Это мой брат, — было заметно, что вопрос ему не понравился, — он умер.

— Ой, прости, Саш... Очень похож на тебя. — Дотронулась до его

плеча.

— Мама до сих пор переживает, столько лет уже прошло.

— Ты один у нее остался?

— Да, поэтому и вернулся в город. Не могу ее оставить.

— А... ваш отец? Он ушел от вас, да? — Сказала и тут же прикусила

губу, ругая себя за любопытство и бестактность.

— Да, — вздохнул он, — я был тогда совсем маленьким. Не понимал,

зачем он так делает. В новой семье у него родился сын, которого он тоже назвал Сашей.

— Э... зачем? — Мои глаза чуть не полезли на лоб.

Сашка нервно усмехнулся.

— Не знаю, так захотел.

— Вы... общаетесь?

— Общаемся. Больше, наверное, даже с Саней. Он хороший парень, не такой разгильдяй, как я. У него учеба, работа, девушка.

— Тебе нужно поддерживать маму, не ругаться с ней, — сказала я,

сочувствуя их непростой судьбе, — помогай ей, говори ласковые слова почаще, обнимай, придет с работы — сделай ей чай.

— Хорошо, мама. — Заулыбался Сашка, глядя на меня.

— Иди ты! — В шутку толкнула его.

— Должен тебя огорчить: чай кончился. Кофе тоже. Вот такой я отвратительный хозяин.

— Ничего страшного, обойдусь. — Меня насмешило подобное гостеприимство. Вполне в Сашкином духе.

— Пойдем скорее отсюда, — он потащил меня к себе в комнату, подталкивая сзади под лопатки, — послушаем музыку...

Недолго думая, шагнула в его апартаменты. Да-да, прямо сквозь дыру в двери. Комнатка была совсем крохотной: скромная кровать,

рядом — стол с компьютером и стул, на котором, похоже, висела вся его

одежда, высокий шкаф. Подошла к окну. От вида тотчас закружилась голова — очень высоко, даже слишком.

— Садись, — Саша отодвинул мне стул рядом с компьютером, — давай

что-нибудь посмотрим.

— Ну... давай. — Устроилась удобнее.

Саша сел на кровать рядом со мной — вроде позади, за спиной, а вроде как и рядом. Но от его дыхания в мою шею отчаянно кружилась голова. Следующие полтора-два часа мы копались в Интернете, смотрели смешные ролики, включали разную музыку, даже посмотрели фотографии, которые он почему-то стеснялся показывать. Там были его друзья, знакомые, пара фотографий в обнимку с бывшими девушками, про которых он тут же рассказывал, не смущаясь. Мне это было неприятно, и я неизменно переводила тему. Там же оказались и несколько моих фотографий, которые он, как оказалось, скачал у Мити. Меня

это невероятно порадовало, а Сашку

заставило вновь покраснеть.

Когда я отворачивалась, мне казалось, что хитрец сзади придвигается поближе, чтобы осторожно вдохнуть запах моих духов. Буквально чувствовала это кожей. Когда поворачивалась к нему, неизменно видела влюбленные глаза, полные волнения. Каждую минуту он старался рассмешить меня, широко улыбался, и, честно говоря, полностью обаял. А когда наши взгляды случайно встречались неизменно образовывалась неловкая пауза, а уж если к ней добавлялось случайное прикосновение — все, эффект короткого замыкания полностью оправдывал свое название. Мы подпрыгивали, как от удара током, и не сразу потом приходили в себя.

— Сейчас ты услышишь нечто просто обалденное. — Саша встал и потянулся к компьютеру.

— Хорошо. — Я встала, чтобы не мешать. Заиграл Oliver Cheatham — «Get Down Saturday Night Mix». На всю возможную громкость. Четыре колонки в разных

углах комнаты создавали эффект полного присутствия, Оливер Читхэм из динамиков поражал своим невероятным голосом, а мелодия

заставляла пуститься в пляс и просто сводила с ума.

— Иди сюда скорее! — Сашка схватил меня за руку и подвел к двери.

— Что случилось? — Опешила я.

— Вставай! — Подставил мне стул. — Забирайся скорее!

Мне было невероятно интересно узнать, что же такое он собирается

мне показать. Поддерживаемая Сашиной рукой, я залезла на стул и выпрямилась.

— Ну? — Нетерпеливо поинтересовался парень, перекрикивая музыку.

— Вау... Что это?! Здесь такой звук! — Запрыгала на стуле, хлопая в ладоши.

— Круто? Я сам не знаю, что это, но звучание — супер. Видимо,

здесь встречаются звуки из всех колонок, и получается просто улет!

— Только мне для этого приходится на стул вставать, а ты, высокий

дядька, и так слышишь. — Рассмеялась я.

— Ты же просто Дюймовочка. — Он подмигнул и, держа меня за руки, задвигался в такт музыке.

Никто сейчас не смог бы сопротивляться ее волшебному воздействию.

Спрыгнув со стула, присоединилась к нему. Мы танцевали, глядя в глаза друг другу и улыбаясь. Тонули во взаимном притяжении, растворялись в естественности, которой был окутан весь этот странный танец. Первый раз в жизни я вела себя так непринужденно. Двигалась, ловя Сашкины восхищенные взгляды, и задорно хохотала. Просто диско-лихорадка какая-то!

— Не могу поверить, что мы это делаем! — Прокричал он. — Да еще среди бела дня!

— Ага, стыдно-то ка-а-ак!

— Не!

— По фиг, танцуем. Просто так нам сейчас подсказывает сердце. Зачем стесняться? — Встав на цыпочки и притянув его к себе, произнесла на ухо. — А когда с тобой говорит твое сердце, сопротивляться бесполезно.

До конца песни мы смеялись и дурачились. Я была счастлива оттого,

что мы так весело проводили время, и нам для этого совсем не нужны были слова. Когда музыка стихла, плюхнулись на свои места.

Повернувшись на стуле, посмотрела на Сашу. Он сидел, привалившись к стене, и улыбался, глядя на меня.

Положила руки на спинку стула, наклонилась на них и улыбнулась в ответ. В воздухе тут же повисло неловкое молчание. Вот. Сейчас самое время. Да. Расстояние между нашими губами составляло сантиметров тридцать. Дотянись и поцелуй, ну же. Не километр ведь, давай. Более подходящего романтического момента нельзя было и придумать. Сердце забилось быстрее, дыхание участилось.

Я уже, было, поверила в то, что это сейчас произойдет, собралась прикрыть веки, совсем как в кино, но он встал и

тихо спросил:

— Пойдем, воды попьем?

Что ж, можно и освежиться.

— Пойдем, — разочарованно согласилась я и поплелась вслед за ним на кухню.

Пока Сашка наливал мне воду, мое внимание привлек вид за окном: с

двенадцатого этажа все внизу казалось необычайно крохотным.

— Хочешь выйти на балкон? — Он протянул мне стакан с водой.

— С удовольствием.

Парень открыл балконную дверь и пропустил меня вперед. Первое ощущение внезапного столкновения с сильным порывом ветра ощутило напугало меня, заставило замереть и крепче ухватиться за перила. Маленький, не застекленный балкончик с хлипким ограждением, он будто гриб-паразит висел на высоченной многоэтажке. Внизу — бездна, над головой — лишь небо. Не знаю почему, но мне очень захотелось жить. Зайти обратно и больше никогда не выходить сюда. Ах, да, и никогда не смотреть вниз!

— Я держу тебя, не бойся, принцесса, — Саша взял меня за руку, другой

придержал за талию, — попробуй перегнись, только осторожно.

— Нет.

— Давай-давай. Посмотри.

— Только одним глазком.

— Тебе понравится.

— Господи, как красиво! И жутко страшно одновременно. — Держась

за руку парня, я боязливо озиралась по сторонам. — Саш, это же просто чудо, но как ты здесь живёшь? Одно неловкое движение — и можно сорваться вниз.

— Ева, к этому быстро привыкаешь. И я давно не боюсь. У нас был

кот, он тоже не боялся...

— Почему был?

— Однажды он упал вниз, и мы тогда долго горевали. С тех

пор никого не заводим. Вот так. — Он пожал плечами.

— Жалко, — я повернулась к нему, вцепившись в футболку, как в спасательный жилет, затем подняла глаза. Ужасно неловкий момент. — Мне... пора идти.

— Ну вот... — Надул губы парень, помогая мне выйти с балкона.

Одевшись, я ждала, что, может быть, на прощание он меня все-таки

поцелует. Но опять ошиблась.

— Пока! — Потопталась на пороге, готовая уже выйти.

— Пока... — Он сделал шаг и крепко обнял на прощание.

Ох, ну и дела. Ладно, я хотя бы запомню его запах. Такой соблазнительный, пряный, с приятным терпким послевкусием.

Уже за порогом обернулась и весело подмигнула, Сашка же одарил меня настоящим застенчивым, милым, восхищенно-влюбленным взглядом и закрыл дверь. Может, я, конечно, видела только то, что хотела, но, главное, — мне было от этого очень хорошо. Прыгая на каблуках через две ступеньки, едва сдерживалась, чтобы не завизжать от радости. Взаимно, мое чувство взаимно!

Я стояла в проходе между кухней и залом ресторана, за моей спиной будто целый оркестр играл на кастрюлях какую-то безумную рапсодию. Двери то открывались, то закрывались при появлении поваров и официанток, добавляя безумной симфонии созвучия и шума. За время работы мне уже удалось привыкнуть к подобному звуковому сопровождению и суете, они даже как будто стали мне родными и казались неотъемлемой частью организации успешного процесса приготовления блюд.

Санитарная проверка и визит ресторанный критика были позади, а значит, можно было ненадолго расслабиться. Через окошечко в двери я могла наблюдать за залом ресторана. С наступлением весны людям захотелось посидеть подольше. Ковырять вилками в тарелках, они болтали и лениво потягивали всевозможные напитки, наблюдали за прохожими в окна. Меня, конечно, раздражало, что они сидят так долго, заплатив так мало, ведь именно из-за таких посетителей и приходилось закрываться на полчаса позже обычного времени. Но приходилось успокаивать себя тем, что они проводят время именно в моем ресторане, а значит, банкротство нам пока не грозит.

Налила себе кофе, тиснула конфетку прямо с подноса кондитера Кати и устроилась в углу. Мне всегда нравилось следить за рабочим процессом, смотреть, как сосредоточенно и усердно кто-то из моих поваров колдует над блюдами. Сегодня же я молчала и смотрела в пол, потому что когда на кухне не бывает Мити, можно вдоволь насладиться своей внутренней тишиной и поразмышлять.

Наташка, второй шеф-повар, вдруг испугала меня, подкравшись с кусочком пиццы.

— Ты, наверное, по ночам совсем не спишь, — она протянула мне тарелку с лакомством, — с самого утра уже на работе, да еще и в свой выходной.

— А что, заметно? — Нахмурилась я.

— Нет, хорошо выглядишь. Просто жалею тебя.

— Спасибо. Я тут у вас душой отдыхаю, чтобы вконец не свихнуться

от бумажной работы.

— Да, кстати, мы тут все хотели тебе кое-что сказать... — Она повернулась к остальным. — Ребята! Три-четыре!

— С днем рож-де-ния!!! — Все голоса слились воедино.

Мне пришлось встать и раскланяться. Персонал окружил Глеба, который внес большой торт, похожий на гигантское тирамису, и поставил на стол возле меня. Сверху белой шоколадной глазурью в окружении завитков и

сердечек было выведено «ЕВА». Невероятно красиво и трогательно.

— Ух... Спасибо, дорогие мои. — И я захлопала в ладоши. — Не ожидала, и мне очень приятно. Давайте все вместе попьем чаю с тортом?

— Нет-нет, Ева Евгеньевна, — Глеб поправил поварской колпак, — это вам. Берите его с собой, празднуйте. Мы ведь специально на вынос его подготовили, чтобы вы могли угостить своих друзей сегодня.

— Но мне хотелось...

— А здесь еще есть пирожные, — подхватила Катя, — давайте попьем

чай с ними?

— Тем более что посетителей пока не так много, — выступил за эту

идею молодой официант Витя.

— Хорошо, давайте! — Сдалась и махнула рукой, приглашая всех к

столу.

Работники засуетились с чашками и кипятком. Мне хотелось

помочь, поэтому я принесла к столу поднос с пирожными. Настроение у всех явно шло в гору, некоторые даже напевали под нос.

— Кстати, о деле, — Наталья по-деловому скрестила руки на груди, — по стоп-листу сегодня все чисто. В меню...

— Не надо, Наташ, — толкнула ее в бок, — и так все видно по разноцветным пятнам на твоём белом фартуке: где паста, где лазанья, а где суп с фасолью. А если глянуть на Катьку, можно увидеть, что у нас на десерт, у нее же весь фартук в шоколаде!

И мы дружно расхохотались.

— Мне сегодня уже передавали для тебя пару комплиментов за первое блюдо.

Наташа покраснела и шутливо задрала кверху нос.

— Спасибо.

— Ты — молодец. Вы все меня только радуете, тьфу-тьфу. Дай пять!

И она звонко шлепнула меня по руке, да так, что, отдернув, пришлось

ею потрясти. — А-а! Давай без насилия! — Засмеялась я и потянулась к своей кружке. — Митя сказал, что заедет за мной в ресторан, поэтому мне и пришлось пилить сюда с утра. Они с девчонками готовят мне какой-то сюрприз.

— Настоящие друзья, — произнесла повар, впиваясь зубами в теплое

ароматное пирожное, — а как у тебя с тем парнем, с которым ты висишь ночами на телефоне?

— Что, все уже знают, да?

Она хитро улыбнулась.

— Я видела его, когда он приходил сюда. Искал тебя. Высокий,

симпатичный! Ух!

— Все движется к серьезным отношениям. Надеюсь. — Я вытерла шоколад с кончика носа. — Но он жутко стеснительный. Тянет друг к другу нас взаимно, но мы не торопимся.

— Ну и молодцы. Не дави, а то спрыгнет. Мельчает нынче

мужик... Все они боятся ответственности. Стали жадными, грубыми, ленивыми, — Наташка неодобрительно поморщилась, — а женщины тянут их на себе, одевают, кормят, блин. Потому что их становится все меньше, и мы подбираем то, что осталось. Уж хоть какой, да лишь бы мужик был под боком. Неправильно это. Пока женщины соглашаются на такое, мужчины и будут оставаться такими лентяями. Спрос, знаете ли, рождает предложение!

— И ты туда же, — усмехнулась я.

Все женщины на кухне задумались, кто-то перестал жевать, а некоторые даже закивали головами в знак согласия.

— Говорю, как чувствую.

— Обязательно учту, — улыбнулась я и, попивая чай маленькими глотками, облокотилась о стену.

Мы с Митей подъехали к банному комплексу в половине второго. Я

все сделала, как он просил, а точнее — взяла с собой и купальник, и теплую

одежду. И теперь, находясь в предвкушении, глазела через окно его «honda» на открывающийся взору пейзаж. Целый комплекс из множества деревянных

строений, обнесенных забором, находился почти за городом, в десяти километрах от пригородной трассы. Кругом росли одни лишь березы, и выглядело это просто чудесно.

— Пожалел, что не нанял автобус для всех приглашенных. Устал возить ребят с утра туда-сюда, — притворно буркнул Митя.

— Спасибо, родной, ты просто чудо! — Я потянулась к нему, поцеловала в щеку и похлопала по плечу.

— Марк то хоть поздравил?

— О да, эсэмэской, — покачала головой, — к родителям вчера ходила, они тоже поздравили. Папа торжественно сообщил, что я могу забрать

его старый «BMW». После ремонта, разумеется.

— Ну, и круто.

— Ну, и я о том же.

Мы дружно рассмеялись. Митя, наверное, про себя облегченно вздохнул, что больше не придется одалживать мне свой автомобиль. А я, как и любая обезьяна с гранатой, считала себя превосходным водителем.

— А Санек? — Митя уже притормаживал, пытаюсь припарковаться на стоянке возле строения под номером десять.

— Поздравил уже с утра по телефону, — со скучающим видом закатила глаза, — сказал, что если успеет вернуться, то приедет.

— Откуда вернуться?

— У него дела какие-то. Толком не объяснил.

— Наверное, ему просто стыдно, что он на мели. Не хочет приходить без подарка.

— Я, честно говоря, тоже так подумала. Не хочет — как хочет. Мы без

него не пропадем, правда? — сказала, натянуто улыбнувшись, и даже пощекотала Митю для пущей правдоподобности моего безразличия.

— Это точно, — он извивался, как змея, смеясь от щекотки, — я снял

на сутки этот прекрасный дворец, но завтра понедельник, поэтому многие уедут домой сегодня вечером.

Я вышла из машины, осторожно прикрыла дверцу и подняла глаза,

любуюсь красотой местной природы, а также творениями рук человеческих.

Действительно дворец! Передо мной возвышался, пожалуй, самый романтичный и изысканный деревянный дом из тех, что я когда-либо видела. Двухэтажный, из оцилиндрованного бревна с резными балконами и окнами в пол, он гармонично вписывался в местный ландшафт.

Митя достал из багажника сумки, нагрузил их на плечи, закрыл машину и подошел к калитке. Мне не терпелось уже увидеть, что же там скрывается внутри, за забором. Накинув курточку, подошла к нему.

— Ну, давай, открывай, — сказал Митя, показывая жестом, что его руки заняты.

— Хорошо. Попробую. — Уловила его загадочный взгляд и тихонько

толкнула дверь.

— С днем рождения! С днем рождения!!! — Встретили меня дружные крики, собравшихся друзей.

Целая толпа, человек тридцать! Все они стояли возле дома, кутаясь от весеннего ветра в пальто и куртки, и кричали поздравления. Кто-то взрывал конфетти над моей головой, кто-то махал воздушными шарами. Я словно очутилась на детском празднике и стояла как зачарованная, широко улыбаясь.

Все бросились обнимать и целовать меня. Митя даже бросил сумки и, подбежав сзади, схватил меня на руки. Пока мы кружились, мои уши закладывало от хлопков открывающихся бутылок шампанского. Когда он поставил меня на ноги, объятия с гостями продолжились. Слегка пьяная от головокружения, я устало поблагодарила собравшихся за поздравления. Мила протянула мне бокал. Голоса утихли. Все ждали, что я скажу.

— Мне уже безумно нравится этот чертов день рождения! Мечта, а не праздник! — Подняла бокал высоко над головой. — Спасибо всем, кто пришел сегодня меня поздравить. Я хочу, чтобы вы все веселились, пили и отдыхали. Спасибо за это чудо. Ура!!!

— Ура!!! — Народ охотно подхватил мои слова. Зазвенели бокалы.

[Купить полную версию книги](#)